

Александр Бородай

Дашенька

**Рассказы и сказки Новой цивилизации
для детей и взрослых**

**Псков
Издательство
2008**

**ББК 111
М 42**

Авторские права

Бородай А.В.

М 42 Дашенька. Рассказы и сказки Новой цивилизации для детей и взрослых
Псков: Издательство ...

Сборник называется «Рассказы и сказки Новой цивилизации для детей и взрослых». Под словами «Новая цивилизация» автор имеет в виду мышление будущего, принципиально новое отношение ко всему: к людям, природе, Богу, к жизни и смерти.

- © А.В Бородай
- © издательство
- © Оформление авторское

«Воспитание детей – это воспитание самого себя...»

«Наших детей воспитывают не родительские нотации, ... а наш образ жизни»

«Ну а кем ты хочешь быть?.. Когда повзрослеешь, что делать будешь?»

– Я буду тобой, папа, когда вырасту. Доделывать буду то, что ты сейчас делаешь»

В. Мегре.

«...Если говорить откровенно, меня больше всего поразило, что эти дети как взрослые, да еще не просто как взрослые, а как взрослые высокого класса...»

А. Стругацкий, Б. Стругацкий «Хромая судьба»

Предисловие

Дорогие родители, я написал эти рассказы и сказки для ваших детей и для вас. Я писал их под влиянием книг Владимира Мегре. Мне очень захотелось создать светлый образ, который позвал бы детей за собой в прекрасное будущее.

Я читал книги В. Мегре своей десятилетней дочери, а пока мы ждали выхода в свет очередного произведения, я придумывал и рассказывал ей сказки. У моей дочери, как и у каждого ребенка, возникают в жизни проблемы, и мне очень хотелось помочь ей решить их. Интуитивно я понимал, что ребенок не воспримет нотаций, поэтому я придумывал очередную историю с сюжетом из реальной жизни. Каково же было мое удивление, когда через некоторое время моя дочь поступала именно так, как поступали герои моих произведений.

Я убежден, что именно родители должны сочинять для своих детей сказки. Именно родители должны вкладывать в них самые добрые и светлые чувства. Использовать всю свою мудрость и жизненный опыт, чтобы подсказать ребенку, как лучше поступить. Попробуйте, и у вас обязательно получится. Здесь есть только одна трудность, чтобы ребенок поверил вам, вы должны научиться в реальной жизни поступать так, как лучшие герои ваших сочинений.

Когда-то я окончил университет, потом учился в академии. Чем больше я учился, тем отчетливей понимал, что все меньше разбираюсь в жизни. Я просил у Бога мудрого учителя. Я просил долго, пока наконец не осознал, что самый мудрый учитель находится рядом со мной – и это мой собственный ребенок.

С уважением А.В. Бородай

Волшебница

Даша всегда жила в этом городе. Она любила его всей душой. Эти старинные улицы и современные автострады, деревянные дома и высотные многоэтажки.

Как все было здорово. Это был чудесный мир, счастливая и радостная жизнь.

Даша помнила это всепоглощающее чувство любви, исходящее от родителей. Они всегда были втроем. Отец, большой и сильный, как медведь, подвижная и веселая мама и она, рассудительная и лукавая Даша.

Она любила просыпаться по утрам и бежать в комнату родителей. Даша забиралась на кровать, укладывалась между ними и, обняв руками обоих, сладко засыпала.

Родители никогда на нее не кричали. Ее вообще не ругали. Папа часто говорил:

– Знаешь, Дашка, даже если завтра по твоей вине погибнет вся планета Земля, я не перестану тебя любить. Ты ничего не можешь сделать, чтобы моя любовь стала меньше.

Когда Даша была маленькой и ей не хотелось засыпать, она просила папу посидеть на ее кровати. Когда папа присаживался к ней, она, пряча лукавую улыбку, говорила:

– Я люблю тебя, папочка. Моя любовь большая, как дом.

– А моя любовь большая, как вся наша Земля, – улыбаясь, отвечал папа.

– А моя – как солнце, – не сдавалась Даша.

– А моя – как вся Вселенная, – хитро говорил папа.

– А моя – сколько весит Боженка, – вытаскивала самый ценный козырь Даша.

Она всегда выигрывала в этом споре. Папа весело смеялся, чмокал ее в щеку, и Даша счастливая засыпала.

Она любила деревню, где жили ее дедушка с бабушкой. Речку и лес. Это был ее лес. Даша знала там каждую тропинку и каждый куст. Иногда она делала вид, что идет за грибами, а сама перебиралась на небольшой островок, затерявшийся среди болот, ложилась на мох и просто вдыхала чистый лесной воздух. В такие минуты ей хотелось обнять всю землю и заплакать от счастья.

Даша всегда знала, что она волшебница. Ей часто говорили об этом папа и мама. Нет, у нее не было волшебной палочки, и она не превращала карету в тыкву, дело было не в этом. Папа нередко говорил ей, что каждый человек на этой земле – волшебник, только мало, кто об этом знает. Однако, независимо от этого, именно человек – причина всех событий, которые с ним происходят.

– Понимаешь, Дашенька, – говорил он, – знать, что ты волшебник, и быть волшебником – вещи разные. Есть, например, человек, который может хорошо рисовать, но, если он за свою жизнь не нарисует ни одной картины, он никогда не станет художником.

Когда Даша немного подросла, она узнала много других интересных вещей. Ей часто вспоминался случай, который произошел с ней в деревне.

Однажды солнечным летним утром Дарья вышла из дедушкиного дома и присела на завалинку. Солнышко стояло над горизонтом. Оно ласково освещало верхушки деревьев, отчего лес казался сказочно-волшебным.

С того места, где сидела Даша, был виден их незаконченный дом, который папа решил построить по соседству с дедушкиным. Дом был деревянный, с высокой покатой крышей. Шифера на крыше еще не было. Белые, ровно прибитые доски были похожи на огромную лестницу. На самом верху сидел папа. Он улыбался, задумчиво глядя вдаль.

Дарья поднялась и направилась в его сторону.

– Привет, папуль, – окликнула его Даша.

– Привет, – ответил он ласково.

– Можно я к тебе поднимусь?

– Залезай, коль не боишься, – ответил он.

Дарья подошла к длинной лестнице и, ловко перебирая руками, поднялась на сруб. Отец спустился к ней и помог подняться на крышу.

Они сидели на самом верху, тесно прижавшись друг к другу. Сверху открывалась великолепная картина. Петляя между деревьев, вдаль убегала тропинка. Извилистая речка несла свои воды к далекому озеру. Купола старенькой церкви устремлялись в небо. Где-то вдалеке звучала тихая музыка.

Дарья посмотрела вниз на свой участок и задумчиво произнесла.

– Знаешь, папа, а вишни-то мы неправильно посадили. Посмотри, как сверху это хорошо видно.

– Я уже заметил, – ответил папа. – Да и крыжовник не там сидит.

Даша разглядывала деревья внизу. Потом она указала на пруд, вырытый еще в прошлом году, и сказала:

– А вот пруд у нас хорошо получился. Его бы еще до речки продлить.

Воздух был по-утреннему прозрачным. Пение птиц, жужжание насекомых заполняло все вокруг.

Вдруг Дарья увидела большую красивую бабочку, кружившую над ними.

– Папа, смотри какая бабочка! – восхищенно сказала она. – Вот бы такая красавица на руку села. Позови ее, папуль. Я знаю, что у тебя получится.

– А сама почему позвать не хочешь?

– У меня никогда так хорошо не получается, как у тебя. Ну, пожалуйста, папочка.

Отец секунду смотрел на кружащую над ними бабочку. Потом он замер. Даша заметила, как изменилось его лицо. Еще мгновение назад оно было серьезным и сосредоточенным, вдруг оно разгладилось. В глазах появился необычный блеск. Отец широко улыбался. Со стороны могло показаться, что он абсолютно счастлив. Даша почувствовала, как необыкновенно сильная и теплая волна кругами расходится от отца. Эта волна вызывала в ней самые приятные и нежные чувства.

Она увидела, как отец протянул вперед руку. Бабочка, кружившая в вышине, начала медленно опускаться вниз. Вот она уже и совсем рядом. Казалось, что через мгновение она сядет на руку к папе. Но, видно, в последний момент бабочка передумала и, резко взмахнув крыльями, опустилась ему на голову. Она расположилась точно по центру. Ее чудесные крылья были направлены вверх, отчего создавалось впечатление, что у папы на голове маленькая корона.

Еще какое-то время отец сидел с протянутой вперед рукой, потом он медленно опустил ее.

– Что-то не очень у меня сегодня получается, – продолжая улыбаться, заметил он.

– Очень-очень получается, – расхохоталась Даша. – Бабочка у тебя на голове сидит да так здорово устроилась, как будто корону тебе на голову надели.

– Вот проказница, – усмехнулся отец, – а я-то думаю, куда это она подевалась.

– Как ты это делаешь, папочка? Я тоже так хочу научиться, – воскликнула Даша.

– Сделать это несложно, – задумчиво сказал папа. – Помнишь, я тебе рассказывал о том, что все в этом мире есть энергия. Эта энергия есть любовь. Все как бы соткано из любви. Все живое в этом мире способно любовь чувствовать и тянуться к ее источнику. Но только человеку дано быть этим источником. Каждый человек, обратившись внутрь себя, может обнаружить огромное количество этой чудесной энергии. Если человек захочет, он может вынести ее наружу, и тогда все живое к нему потянется. Чем чище у человека мысли, тем больше он этой энергии может наружу выпустить.

На самом деле, Дашенька, ты намного чище и сильнее, чем я. Просто, когда я что-нибудь делаю, я ни секунды не сомневаюсь в том, что у меня это получится. А ты сомнения в себе допускаешь. А бывает так, что терпения тебе не хватает.

– Я хочу попробовать, – задорно воскликнула Даша.

– И задачу к тому же ты неправильно формулируешь, – серьезно сказал отец.

– Это почему же? – удивленно спросила Даша.

– Знаешь, Дашенька, когда люди хотят что-то попробовать, они как бы автоматически неудачу программируют. Ты как будто заявляешь Вселенной: «Я буду стараться, но у меня может не получиться». Ты сомневаешься, и она сомневается. Перестань стараться, просто сделай это. А еще лучше – стань этим.

Даша сидела задумавшись.

– А с чего лучше всего начать, пап? – спросила она.

– Ты, Дашенька, расслабься и установи внутреннюю тишину. Пускай все мысли уйдут. Когда это произойдет, загляни внутрь себя. Для того, чтобы легче было это сделать, вспомни, какие чувства возникают у тебя в душе, когда ты ощущаешь мою или мамину любовь. Вспомни о том, что весь этот мир создан для тебя, что ты вечна и бесконечна. Вспомни о том, что ты есть любовь и абсолютное счастье. И если ты захочешь, этому счастью не будет конца. Когда в тебе родится это прекрасное ощущение, не сопротивляйся ему. Пускай оно заполнит тебя до краев.

Отец говорил тихо и вкрадчиво. Наверное, тон его голоса помог Даше. Она вдруг почувствовала себя очень спокойно и уютно. Мысли ушли. Откуда-то из самой глубины стало приходить радостное ощущение. Сначала оно было едва различимым, но потом становилось все более отчетливым и сильным. Уже через несколько минут Даша поняла, что переполнена этим чувством.

В одно мгновение мир изменился. Дарья заметила, какими сочными красками переливается все вокруг. Все окружающее стало каким-то объемным и резким. Деревья,

трава, насекомые, кружащие вокруг, имели собственное свечение. Все вокруг было живым. Это больше не было простым знанием, это стало реальным опытом.

Даша перевела взгляд на дерево, росшее рядом с домом. Ее взгляд остановился на листочке, который слегка колыхался на ветру. Ей никак не удавалось отвести от него взгляд. Каждый раз, когда лист изменял положение, он становился каким-то другим. Нет, лист оставался прежним, но, изменяя угол наклона, он как бы изменял всю картину. Дарья с удивлением заметила, что изменения никогда не повторялись. Она поняла, что этот процесс бесконечен и можно вечно смотреть на этот листок, постоянно наслаждаясь его игрой.

Даша с трудом оторвала взгляд от листка. Она взглянула на свою руку, по которой полз небольшой серый муравей. Дарья смотрела на муравья, открыв рот. Обыкновенный муравей был совершенством. Дарья не понимала, откуда она это знает. Она это просто чувствовала. В этом насекомом все было совершенно: его лапки, тело, подвижная голова. Даша видела, как необычны и прекрасны его движения. Она с удивлением заметила, что вид муравья вызывает в ней неподдельное восхищение и бесконечное чувство любви. Чувство было настолько сильным, что ей захотелось заплакать от счастья.

Дарья подняла глаза. Мир вокруг переливался всеми цветами радуги. «Я люблю тебя», – неожиданно для самой себя мысленно воскликнула Даша. Она и сама не знала, к кому обращается. Она просто посылала свою любовь в эту чудесную бесконечность. Даша почувствовала, как светлая энергия ее души устремилась в синее небо. Она не ожидала ответа. Наверное, поэтому была так несказанно удивлена, услышав самый ласковый голос в мире: «И я люблю тебя!». Вслед за голосом на нее обрушился поток самых нежных чувств, какие только можно себе представить.

Еще секунда и Даша расплакалась бы от счастья в полный голос, но тут она услышала ласковый шепот отца:

– Закрой глазки, доченька.

Даша послушно опустила ресницы.

– Успокойся. Подумай о том, что тебе надо еще в магазин сходить. У нас хлеб кончился.

Даша постепенно начала приходить в себя. Волшебное чувство медленно отпускало ее.

– Дашенька, – снова ласково прошептал папа, – сейчас ты тихонько откроешь глазки. Постарайся держать свои чувства под контролем. Все хорошо. Я рядом с тобой.

У Дарьи было чудесное настроение, поэтому ей было не совсем понятно, о чем пытается предупредить ее папа. Она осторожно открыла глаза. Она чуть не закричала от удивления.

С ног до головы она была облеплена насекомыми. Сплошным ковром на ней сидели бабочки, стрекозы, божьи коровки. По ноге стройными рядами поднимались муравьи. На руке сидели несколько пчел и огромный шершень. На коленке расположилась осиная стая.

– Не делай резких движений, Дашенька, – предупредил папа. – Погладь их всех мысленно и ласково отправь по своим делам.

Даша так и сделала.

Минут через десять с Дашиной руки вспорхнула последняя стрекоза. Теперь на крыше были только они с папой.

– Фу, наконец-то, – облегченно вздохнула Даша.

– Это еще не все, солнышко, – ласково сказал отец. – Глянь-ка вниз.

Даша посмотрела вниз и оторопела. Прямо перед их домом сидел большой бурый медведь. Он то садился, то привставал на задние лапы, удивленно вращая головой во все стороны.

– А он откуда взялся? – воскликнула Даша.

– И не только он, – усмехнулся папа. – Вон те гости, судя по всему, тоже к тебе.

Даша перевела взгляд в том направлении, куда указывал отец. Прямо на огороде топталось небольшое стадо кабанов. Было такое впечатление, что они заблудились и не знают, что делать. Крупный вожак с опаской поглядывал на медведя. Двое бобров выглядывали из-за пригорка. Стая полевых мышей суетливо носилась перед домом.

– Дашенька, отправь-ка ты и их по своим делам, – весело сказал папа. – А то твои гости от моего огорода ничего не оставят.

– Да как же я этих-то отправлю? – удивленно спросила Даша. – Это же не муравьи.

– Точно так же. Разницы никакой, – засмеялся папа.

Когда наконец все звери разошлись, папа лукаво посмотрел на Дашу.

– У меня к тебе просьба, Дашенька. Ты, когда домой пойдешь, пожалуйста, корову дедушкину с моего огорода прогони да попроси дедушку, чтоб он ее привязывал получше, а то она у меня последнюю морковку доедает. А еще котов своих прихвати. Вон двое на срубе сидят, а третий к нам по крыше идет. И Бимку, пса дедушкиного, назад отведи, а то он внизу совсем извелся.

Даша расхохоталась:

– Хорошо, папочка. Скажи только, почему все так получилось?

– Видишь ли, Дашенька, я только одну бабочку подзывал, а ты увлеклась и весь лес пригласила. Любовь – это самая сильная энергия во Вселенной. Только неплохо бы научиться ею управлять. Видишь, около моего дома автомобиль стоит. Он мощный и быстрый. Да только если за руль посадить человека, который им управлять не умеет, он недалеко уедет. Да и в аварию попасть может. И людей погубить.

– Папа, а как этой энергией управлять научиться? – заинтересованно спросила Даша.

– Я, Дашенька, только догадываться могу, – ответил отец. – Любовь – это не только энергия, это чувство. А все чувства в нашей душе находятся. Научись чувства контролировать, сможешь и этой энергией управлять.

– Скажи, пап, а почему люди не хотят постоянно находиться в таком чудесном состоянии?

– Я думаю, что большинство людей даже не догадываются, что оно существует. А те, кто его испытывал, не знают, как к нему по своей воле вернуться. Долгий это разговор, Дашенька, а у меня перекур закончился. Ты, когда домой пойдешь, подумай о том, что сегодня произошло. Я тебе обещаю, ты многое сама понять сумеешь. Смотри, вон подружки твои возле церкви собрались. Я думаю, у тебя найдется, о чем с ними поговорить.

Даша посмотрела на церковь. Возле нее была свалена большая куча сосновых бревен. Видно, деревенский батюшка собирался построить себе новый дом. На бревнах сидели девочки и о чем-то оживленно беседовали.

Дарья обняла отца за шею, чмокнула его в щеку и стала спускаться с крыши. Она совсем уже было собралась уйти, но, видно, что-то вспомнила и вновь повернулась к отцу.

– Папуль, – весело крикнула она, – последний вопрос. Ведь на мне сидели и стрекозы, и пчелы, и осы, и ни одна из них меня не укусила. Почему?

– Ой, Дашка, – рассмеялся отец, – да в природе ни одно живое существо любовь кусать не станет. Им такое даже в голову не придет.

– Я так и подумала, – улыбнулась Даша.

Она подошла к корове, ласково погладила ее и поманила за собой. Корова бросила есть морковку и послушно пошла за Дашей.

Дня через два они с папой пошли за грибами. Даше нравилось ходить с ним в лес. Она уже привыкла к тому, что папа в какой-то момент говорил ей:

– Смотри внимательно вокруг, здесь такое место, где обязательно должны быть грибы.

Когда она стала постарше, то поняла, если папа так говорит, значит, он уже видит гриб и специально проходит мимо, чтобы именно она его нашла. Но тогда, в детстве, если она находила гриб, ее радости не было предела.

– Спасибо тебе, лес, – неизменно говорил папа, – покажи нам еще грибок.

Даша часто повторяла за ним эту фразу и вскоре настолько привыкла, что это стало ее паролем. Когда она ходила в лес с подружками, то всегда находила самое большое количество грибов.

Сейчас они возвращались из леса с полными корзинами. Папа остановился на берегу речки и присел на землю, прислонившись спиной к высокой сосне. Даша примостилась рядом. Они сидели молча, глядя на сверкающую гладь реки.

– Здорово здесь, папа, – тихо сказала Даша. – Интересно, речка может чувствовать?

– Ты бы хотела это узнать? – загадочно спросил он.

– Да, папа, хотела бы, – ответила Даша, – только, думаю, это вряд ли возможно.

– Как знать, – лукаво ответил папа, – иди ко мне.

Даша поднялась и подошла к нему. Папа посадил ее на колени и прижал спиной к себе.

– Закрой глазки и расслабься, – ласково сказал он.

Даша закрыла глаза. Сначала она ничего не чувствовала, а потом ее стало клонить в сон. Она не заметила, как из одного состояния перешла в другое. Вдруг она почувствовала, что течет вместе с речкой. Нет, она и была этой речкой. Это было непередаваемое чувство. Она была легка и свободна. Даша видела, как внутри нее плавают рыбы, она чувствовала каждое их движение. Она ощущала покатошь берегов и прикосновение веток, склонившихся над водой. Она несла свои воды к озеру, ей ужасно хотелось слиться с ним и стать чем-то большим. Это предвкушение вызывало чувство необычайного восторга.

– Ну, как тебе нравится? – донеслась до нее чья-то мысль.

Даша сразу даже не поняла вопрос. Как же ей может не нравится, ведь она же речка. Она захотела посмотреть на того, кто задавал ей этот вопрос.

– Где ты? – подумала Даша.

Она вдруг поняла, что может смотреть во все стороны одновременно. Вокруг нее был дивный лес, вверху – синее небо и ласковое солнышко.

– Где ты? – снова повторила она.

– Я прямо над тобой, – услышала Даша. – Я везде.

Она вдруг поняла, что с ней говорит папа и что сейчас папа – это ветер.

– Правильно, Дашенька, – сказал папа.

Даша почувствовала, как он ласково потрепал ее волны. Ей показалось, что нет ничего приятней, чем течь и играть с этим ласковым ветром.

– Есть намного более приятные ощущения, Дашенька, – снова услышала она папин голос, – однако нам пора возвращаться.

В следующее мгновение Даша ощутила, что снова сидит на коленях у отца. Он приподнял ее и поставил на ноги.

– Ты, Дашка, тяжелая стала, – улыбнувшись, сказал он, – всю ногу мне отсидела.

Даша расхохоталась.

– Папочка, мне очень понравилось! Я еще так хочу.

– Нет, Дашенька, – ответил папа, – мы теперь долго так не будем делать, возможно, никогда.

– Почему? – удивленно спросила Даша.

– Потому что смотреть на картину художника, пускай даже очень красивую, – это одно. А вот самому начать рисовать – это другое. Теперь ты знаешь, что стать художником возможно. Если захочешь, ты всегда можешь это повторить. Если у тебя получится, я обязательно к тебе присоединюсь, если нет, значит, это для тебя не очень важно и тебе нужно искать что-то другое.

Они посидели молча, глядя на речку. Вокруг них бегала соседская собака – Герда. Даша некоторое время наблюдала за ней, а потом обратилась к папе:

– Знаешь, папа, я иногда смотрю на нее и думаю: «Ну, собака и собака. Бегает себе хвостом виляет». Иногда она доброй бывает и очень понятливой. Но иногда мне кажется, что она уж чересчур понятлива, прямо как человек. Ты не поверишь, бывает, она на меня так смотрит, будто сказать что-то хочет.

Папа глянул на Герду, бегавшую поблизости.

– Да мало ли что показаться может? – лукаво сказал он. – Правда, Герда?

Та, видно, услышав свое имя, подошла к ним и села напротив. Она переводила свой взгляд с одного на другого, высунув язык и наклонив голову набок.

– Правда, – вдруг сказала она.

Даша не поверила своим ушам. Она подпрыгнула и спряталась у отца за спиной.

– Папа, ты тоже это слышал? – испуганно спросила она. – Мне страшно.

Папа посмотрел на собаку, а потом сказал серьезно:

– Ладно, Ира, хватит пугать ребенка. Ты ее с ума сведешь.

Герда покрутила головой. Потом вскочила и кинулась в лес. Даша проводила ее взглядом. Она опасливо вышла из-за спины отца и присела рядом.

– Ой, какие мы пугливые, – раздался сзади звонкий голос.

Даша обернулась. По лесной тропинке к ним шла мама. Даша вскочила и побежала к ней навстречу.

– Ты не поверишь, мамочка, – быстро заговорила она, – Герда разговаривать умеет.

– Быть такого не может, – улыбнулась мама.

– Правда, мамочка, я сама слышала, и папа слышал, – убежденно сказала Даша.

Она заметила, что родители как-то странно переглянулись.

– Только папа почему-то ее Ирой назвал. – Тут Даша запнулась. – Мама, – неуверенно пробормотала она, – ведь Ирой тебя зовут.

Мама с усмешкой смотрела на папу.

– Почему ты ей не расскажешь? – как-то загадочно спросила она у папы.

– Я думаю, время еще не пришло, – серьезно ответил папа.

– О чем это вы? – подозрительно спросила Даша.

Она удивленно смотрела на родителей. Мама подошла к папе и присела рядом. Даша устроилась между ними.

Мама ласково погладила Дашу по голове и произнесла:

– В жизни, Даша, много чего интересного, но, наверное, папа прав – всему свое время.

Даша хитро посмотрела на маму и спросила:

– Мама, а почему вы не расскажете людям о том, что вы умеете?

– А зачем? – серьезно спросила мама.

– Ну, тогда бы все узнали, что вы – волшебники, и стали бы к жизни относиться иначе. Они бы тоже захотели быть счастливыми.

– На самом деле, все не так просто, – задумчиво сказал папа. – Скажи-ка, Даша, многие дети тебе бы поверили, если бы ты рассказала им о том, что сегодня видела?

– Наверное, немногие, – неуверенно ответила Даша, – но ведь вы могли бы им показать.

– Вот тут бы все проблемы и начались, – вздохнула мама.

– Понимаешь, Даша, – сказал папа, – современные люди убеждены, что они все знают об этом мире. Если бы мы показали им то, что не укладывается в их знание, то это, скорее всего, вызвало бы непонимание. Непонимание рождает страх. Из страха возникает агрессия. А не очень умному человеку всегда хочется уничтожить то, чего он не понимает. И кто знает, сколько времени бы прошло, пока наиболее ретивые захотели бы очистить мир от скверны. Обязательно нашелся бы кто-нибудь, кто назвал бы маму

ведьмой, а меня – дьяволом. В лучшем случае нас бы захотели вылечить. А в худшем – уничтожить. Так уже было много раз. Поэтому пускай уж лучше все остается как есть.

– Если бы, Даша, нам захотелось удивлять людей, мы с папой пошли работать в цирк, – сказала мама. – Но мне это не интересно.

– Гораздо интереснее, Дашка, – добавил папа, – постараться ненавязчиво поднять людей на более высокий уровень, показать им, что мир – это великая, божественная загадка. Удивительная тайна. Объяснить людям, что они сами – это великое чудо. Они совершенство, сотворенное совершенным Богом. Каждый из них – это творец, созданный по образу и подобию самого великого Творца. Это и есть настоящая задача для волшебника.

– Мне с вами очень интересно, – искренне сказала Даша. – Я хочу быть такой же, как вы.

– Я тебе, Дашка, одно могу сказать, – ласково сказал папа, – даже если ты никогда не захочешь проявить себя как волшебница, я все равно буду любить тебя больше всех на свете.

– И я, – добавила мама.

– И я – Вас, – сказала юная **волшебница** и крепко обняла своих родителей.

Гусь в яблоках

Как-то под Рождество собрались подружки на лыжах покататься. День субботний. На улице мороз, небо синее, и солнышко светит ласково. Набегались девчонки, покраснелись и зашли к Катерине погреться да чаю попить. Сидят на кухне, из чашек прихлебывают, ногами болтают, о делах своих девичьих разговаривают.

Дом, в котором живет Катерина, в новом районе построен. Квартира у них большая, просторная, окна на обе стороны дома выходят. С одной стороны большое озеро открывается, а за ним – лес. С другой стороны – весь город как на ладони: красивые дома, широкие улицы и купола храма старинного.

Подружкам нравилось бывать у Катерины. Комната у нее отдельная. Недавно родители ее отремонтировали и сделали это с любовью и выдумкой. Теперь комната на теремок похожей стала. На стенах обои с сюжетами из детских сказок. На тумбочке – красивая лампа с абажуром.

Девочки помаленьку согрелись. Катерина им и говорит:

– Я вам, девочки, кое-что показать хочу.

Она подошла к шкафу и достала оттуда куклу. Смотрят девчонки на нее, даже дыхание затаили. Кукла уж больно красивая: волосы белые, ручки и ножки сгибаются, наряд на ней необычный, иностранный.

– Ее Барби зовут, – поясняет Катерина. – Мне ее папка из заграницы привез.

Девочки куклу крутят, восхищенно головами кивают. Только Дарья у окна стоит, на озеро задумчиво смотрит. Один раз только и повернулась, на куклу посмотреть.

– Дашенька, – спрашивают ее девочки, – неужели тебе на куклу красивую посмотреть не хочется?

– Нет, – говорит Даша. – Мне больше живые игрушки нравятся.

– Как это? – девочки интересуются. – Ведь игрушек живых не бывает.

– Ну почему ж не бывает? – отвечает Даша. – Я вот пока на озеро смотрела, речку нашу деревенскую вспомнила. Я в ней каждое лето купаюсь. Она у нас неширокая совсем. По краям осока растет. Если метров на сто по течению вниз спуститься, то можно увидеть, как она на рукава делится. Какой там только живности нет. И выдры, и бобры, и щука здоровенная живет.

Я этим летом заплыла в такое место, а там семья бобров плотину строит. Стала я за ними из воды наблюдать. Хорошо они работают, дружно. Дерево, словно карандаш, зубами острыми стачивают, а потом точно на плотину его роняют. Я на берег реки вышла, смотрю, как бобры трудятся. Вдруг вижу: старый бобер дерево подточил, да видать что-то не рассчитал. Оно между двух пней упало да и застряло там. Мучается он, никак вытащить не может. Я подошла, дерево колышком поправила и в речку спихнула. Потом сама в речку спустилась и стала бобрам помогать. Они на меня сначала с опаской посматривали, а потом успокоились. В этой семье пятеро бобрят маленьких. Они все вокруг меня крутились, поиграть приглашали.

Я когда с плотинкой помогать закончила, стала с бобрятами баловаться. Они такие смешные оказались. Плавают быстро и ныряют уморительно. Мы с ними и в прятки, и в догонялки играли. А самый маленький меня лапками щекотал и наутек пускался. А когда я за другими бобрятами гонялась, этот сорванец неожиданно прямо передо мной выныривал. Лизнет меня прямо в нос, точно собачка, и снова на дно ныряет. Я так хохотала, пока за ними гонялась, насилу из реки вылезла. Никогда не думала, что бобры такие ласковые да веселые. Теперь я к ним иногда в гости приплываю.

Слушают девочки, удивляются.

– Хорошо тебе, Дашенька, – говорит Таня, – да только не у каждой из нас есть речка чистая.

– Это верно, – говорит Даша, – не у каждой. У Катерины вот точно есть, мы с ней в одной деревне летом отдыхаем.

Катерина головой кивнула и вдруг спохватилась:

– Девочки, я ведь вам самое главное сказать забыла. У меня день рождения через неделю. Мы гостей пригласили, папка торт большой заказал. Знаете, день моего рождения прямо на католическое рождество выпадает. Мне папа рассказывал, что у католиков есть традиция – в Рождество на праздничный стол гуся в яблоках подавать. Теперь и у нас такая традиция будет. Папа для этого дела гусенка весной купил и у дедушки в деревне оставил. Гусь за лето подрос, теперь мы его есть будем. Я вас всех к себе на день рождения приглашаю.

Девчонки от радости даже запрыгали. Все им нравится: и день рождения, и торт, и гусь в яблоках. Только Даша молчит, хмурится. Заметила это Катерина и спрашивает:

– Ты что, Дашенька, хмуришься, не заболела ли?

– Нет, – отвечает Дарья, – я здорова.

Помолчала немного, а потом вдруг и говорит:

– Ты прости меня, Катюша, не смогу я прийти к тебе на день рождения.

Удивились девочки и спрашивают:

– Это почему же, Дашенька? Ведь без тебя и праздник – не праздник, ты же из нас самая веселая да остроумная. А песню нашу любимую, как мы без тебя петь будем, а шарады загадывать, а танцевать?

Даша отвернулась и молчит.

– Подождите, девочки, – говорит Катерина. – Дашенька, ты толком объясни, что случилось?

Даша и отвечает:

– Помнишь, Катерина, ты в конце мая в деревню нашу с родителями приезжала? Именно в тот раз вы гусенка привезли.

– Помню, – Катерина отвечает.

– Я тогда во дворе была, – стала Даша рассказывать, – и видела, как машина ваша подъехала. Когда вы из машины вышли, вслед за вами гусенок вывалился. Он был такой смешной и неуклюжий, прямо в пыль грохнулся. Потом встал, отряхнулся и, переваливаясь, во двор пошел. Вы еще долго над ним смеялись. А папа твой сказал, что гусенок – Кузьма неповоротливый. Мама тогда заметила, что гусь весь в папу, и поэтому гусенка нужно назвать Кузьмой Петровичем. Ведь папу у тебя Петром Николаевичем зовут?

– Да, – отвечает Катерина, – и день я этот помню, ну и что?

– Ты, Катюша, тогда целый месяц в деревне прожила и все время с Кузьмой играла. Ты и кормила его, и на пруд водила. Я даже видела, как ты его своим полотенцем вытирала. Кузьма за тобой как собачка бегал. А потом ты на все лето с родителями на море уехала, а Кузьма в деревне остался. Он за два месяца вырос и в здорового гуся превратился. Красивым да важным гусь сделался. Вот только характер у него был не больно ласковый. Ведь никому проходу не давал. По двору бегают, крыльями машет, шипит грозно. А когда на пруд купаться ходил, то все норовил ущипнуть кого-нибудь. Мне от него два раза доставалось. Да только я на него не обижалась. Смеюсь да от клюва его уворачиваюсь. А он еще больше хорохорится. Мне с ним подружиться хотелось. Я все понять пыталась, отчего Кузьма Петрович такой сердитый. Уж я ему и поесть приносила, и слова ласковые говорила, а он все равно шипит да ущипнуть меня старается.

Как-то раз пошла я в соседнюю деревню, за молоком. Коровка у нас заболела и молока совсем не давала. Налили мне там банку трехлитровую, иду я обратно. Погода чудесная. Птицы поют, бабочки летают. Воздух ароматами цветочными переполнен, хоть пей его. Настроение великолепное, я песню напеваю. По дороге меня толстый шмель догнал, летает вокруг, жужжит – пообщаться хочет. Такой болтун оказался. Рассказал мне о том, что в соседней деревне трактор в речку упал. Васька-тракторист навеселе был. А еще сказал, что наш пастух в лесочке заснул, а коровы на луг клеверный забрели, и к вечеру там совсем поживиться нечем будет. Потом на плечо мое опустился и замолчал. Едет на мне, по сторонам смотрит. Улетел только тогда, когда невдалеке полянка белая показалась. Там ромашки на ветру покачиваются, нектар собирать приглашают.

К тому времени я уже почти до самого дома дошла. Задумалась, размечталась. Вдруг прямо на меня огромная собака выскочила. Я от неожиданности оступилась и прямо в канаву упала. Когда падала, ногу подвернула, от боли аж вскрикнула. Банка с молоком опрокинулась, все платье мне залила. Лежу на дне канавы, подняться не могу. А собака ко мне кинулась, лает, зубы скалит, того и гляди, укусит. У меня обычно с животными хорошо ладить получается. А тут, или потому что ноге больно, или потому что все неожиданно произошло, я совсем растерялась. Пытаюсь сказать собаке что-нибудь ласковое, а у самой голос срывается, на плач похожим становится. Ничего у меня не выходит.

А собака все ближе подбирается и все злобнее лает. Смотрю я, а собака-то не наша, не деревенская. Я наших всех знаю. «Ну, совсем худо дело», – думаю. Видно, ее кто-то из дачников привез, да плохо привязал. Я ведь знаю, что, когда собака на человека кидается, лучше спокойно стоять, не двигаться, тогда собака сама успокоится. А я-то в канаве лежала да, видно, шевельнулась неловко. Собака, наверное, подумала, что я на нее напасть собираюсь. Еще громче залаяла и еще ближе ко мне подобралась. Честно говоря, я тогда сильно испугалась, даже глаза закрыла.

Вдруг слышу: возня какая-то началась, а собака уже в другую сторону лает. Открываю я глаза и вижу: на собаку Кузьма Петрович нападает. Собака большая, да ведь и гусь здоровенный. Закружились они на пыльной дороге. Кузьма Петрович подпрыгивает высоко, крыльями хлопает, шипит, от меня собаку отогнать пытается. А пес лает да на него кидается.

Сколько времени прошло – не знаю, только я страх пересилила и из канавы выбираться начала. Когда до самого верха добралась, вижу: изловчилась собака и сбила гуся на землю. На грудь его запрыгнула, вот-вот загрызет.

Так жалко мне Кузьму стало, что я даже про боль в ноге забыла. Чувствую, что ничего сделать не успеваю. Вдруг неожиданно, даже для самой себя, я изо всех сил крикнула: «Ко мне!».

Собака только на мгновение отвлеклась, но Кузьма успел на ноги вскочить. Я думала, убежит он, да только гусь настоящим бойцом оказался. Снова на собаку кинулся. Крылья у Кузьмы огромные, он ими, как кулаками, машет. На этот раз собака увернуться не успела, Кузьма Петрович ей со всего размаха крылом по голове заехал. Удар такой сильный получился, что пес в воздухе перевернулся и в ту канаву улетел, где я до него лежала.

Через несколько секунд собака в себя пришла, заскулила и домой кинулась. А вокруг меня суета началась. Кто-то из теток деревенских битву нашу в окно видел. Из соседних домов люди сбежались. В этой суете Кузьма Петрович исчез.

Дядя Егор, кузнец наш, меня до дома донес. А бабка Матрена ногу осмотрела, повязку тугую сделала и лежать наказала.

Я в этот день заснула быстро, наверное, переволновалась. А на следующее утро к своему спасителю в гости пошла. Меня, Катерина, твой дедушка встретил. Он уже знал, что вчера произошло, и сказал, что Кузьме сильно досталось.

Когда я во двор вошла, гусь под деревом сидел, немного на бок завалившись. Ему собака ногу повредила, а на теле следы глубокие от зубов оставила. Я когда к нему подошла, он голову вверх поднял. Взгляд грустный и какой-то безучастный. Мне твой дедушка сказал, что Кузьма, наверное, не выживет. Только я твердо решила, что вылечу его. Я в лес сбегала, целебной травки нарвала, кое-что у бабки Матрены попросила. Две недели я гуся лечила. Сначала у меня плохо получалось, а потом он на поправку пошел. Когда я травку к его ранам прикладывала, он не сопротивлялся совсем, понимал, наверное, что я ему помочь стараюсь.

Когда Кузьма Петрович совсем поправился, лето уже к концу подходило. Дни теплые стояли, и я каждый день на речку приходила. Гусь меня там уже поджидал. Мы с ним в речке поплаваем, а потом на травке сидим. Хорошо с ним. Он после драки с собакой тихим стал. Ни на кого не бросался, только вдаль смотрел и о чем-то своем думал.

Перед отъездом в город я последний раз искупаться пришла. Через некоторое время Кузьма появился. Я из речки вышла, на травке растянулась, глаза закрыла, лежу, сохну. Вдруг чувствую, что-то мне на грудь опустилось. Открыла глаза, а это Кузьма Петрович свою голову мне на грудь положил. Я лежу, не шевелюсь, на гуся смотрю. А у него в глазах такая тоска несказанная – прямо хоть плачь. Уж очень он в этот момент на человека был похож, у которого горе случилось. Вдруг вижу: из глаз Кузьмы Петровича слезинка мне прямо на грудь скатилась. Я даже ее тепло на себе почувствовала. В тот момент я чуть сама не разревелась. И ты знаешь, я поняла тогда, почему Кузьма таким буяном был. Он ведь скучал по тебе очень. И откуда только у птицы взяли такие чувства сильные. Никто ему тебя заменить не мог. Я ведь ему лишь другом была, а ты самым родным существом на свете.

И еще я тогда поняла, он каким-то неведомым образом знал судьбу свою. Он точно знал, что никогда тебя больше не увидит, знал и о том, что жить ему оставалось совсем недолго, и даже о том, что я уеду сегодня.

Кузьма голову поднял и долго мне в глаза смотрел, он чувствовал, наверное, что я его понимаю. Потом он встал и домой ушел. А я на берегу целый час проревела. Я ведь перед отъездом к твоему дедушке ходила, просила гуся продать. Деньги у меня были. Я летом грибы и ягоды собирала и в магазин за деньги сдавала, целую тысячу заработала. Только не согласился дедушка гуся продать, ведь он не ему принадлежит, а папе твоему.

Вот поэтому, Катюша, не смогу я прийти к тебе на день рождения. Не смогу я есть своего друга и спасителя. Да и смотреть на это я не смогу! – закончила свой рассказ Даша.

Замолчала она и голову вниз опустила. Девчонки растерянные сидят. У некоторых слезы на глазах, и как-то от этой ситуации всем неловко сделалось. Наконец, девочки торопливо простились и по домам разошлись, а Катерина одна осталась.

Ходит она по квартире, заняться чем-нибудь хочет, да ничего у нее не выходит, все из рук валится. Мысли сами собой к Кузьме Петровичу возвращаются. Долго так Катерина по квартире металась, пока родители не пришли. Она к отцу кинулась, объяснить что-то хотела, да только слов подобрать не смогла, поэтому сразу и выпалила:

– Папочка, давай мой день рождения отменим!

– Да ты что! – хохотнул отец. – Ты же у меня дочка единственная, любимая. Да ведь я уже и гостей пригласил, и подарки купил. С чего это мы будем день рождения отменять? А как же торт праздничный, а гусь в яблоках? Представляешь, Катюша, гусь жаренный, маслом политый, корочка хрустящая. Объедение!

– Папа, – заревела Катерина, – не убивай Кузьму Петровича!

– Какого Кузьму Петровича? – опешил отец.

Он с работы пришел, о своем думал, а тут дочка просит кого-то не убивать. А Катерина объяснить пытается, всхлипывает, бормочет что-то непонятное. Совсем запуталась, сидит плачет. В комнату мама вошла.

– Что тут у вас стряслось? – спрашивает.

Отец плечами пожимает.

– Да я бы и сам понять хотел, – говорит.

Мама Катерину успокоила и просит рассказать, что случилось. Катерина сбивчиво рассказала о том, что ей Даша поведала.

Родители сидят, друг на друга смотрят.

– Да, – говорит отец, – вот так история. Да только это не причина, день рождения отменять. А если мы гостей пригласим, чем же мы их угощать будем?

– А ты, папочка, попроси дедушку, чтобы он капусты из деревни прислал и картошки, а у бабушки всякие заготовки есть. А еще пусть дедушка яблок пришлет, он их долго хранить умеет.

– Ну не знаю, не знаю, – отец отвечает. – Подумать надо.

Катерина, видно, решила, что не смогла отца убедить, к телефону кинулась. Схватила трубку и стала номер деревенский набирать. Когда дедушка на том конце провода ответил, Катерина стала говорить торопливо:

– Дедулечка, если ты хочешь, чтобы я к вам хоть один раз приехала – не убивай гуся. Убьешь – никогда больше не приеду!

– Да я и сам бы этого не хотел, – дедушка ей отвечает, – да только не мой это гусь, а папки твоего.

– Это мой гусь, дедулечка, – заплакала Катя, – не трогай его!

Петр Николаевич трубку из рук Катерины взял и говорит:

– Ты, батя, того... повремени пока с гусем-то, мы тут что-то решить ничего не можем. Пришли нам, отец, овощей каких-нибудь да банок с салатами. А яблоки у тебя сохранились?

– А как же, – дед отвечает, – сохранились, конечно. Они у меня в газету завернуты и в сено зарыты, как новенькие лежат.

– Ну, вот и хорошо, – говорит Петр Николаевич, – тогда и их пришли. И знаешь, батя, приезжайте-ка вы с мамой к нам, на Катин день рождения. А то как-то некрасиво получается: чужих людей пригласили, а родных бабушку с дедушкой нет.

– Вот спасибо, сынок, – дед отвечает, – мы ведь в городе уже год как не были.

– И захвати, батя, гармошку свою, может, споем, – попросил Петр Николаевич.

На том их разговор и закончился.

В субботу днем гости у Катерины собираться стали. Многие дети с родителями пришли. Катерина всех встречает и в комнату провожает. Новое платье на ней, а на голове банты белые. Все подружки ее пришли, и Даша пришла. Подарков ей надарили множество. Вот уже и двенадцать часов – пора гостей за стол усаживать. Только хозяйева все медлят. Наконец Петр Николаевич говорит:

– Садитесь за стол, гости дорогие, родители мои что-то запаздывают. Мы им место оставим, как приедут, тоже за стол посадим.

Расселись гости за столом. Петр Николаевич взрослым шампанского налил, детям – лимонада, и уже хотел тост сказать за Катин день рождения, как звонок в дверь раздался. Мама открывать пошла.

Катерина слышит в прихожей возгласы удивленные, хотела к гостям опоздавшим выйти. Тут дверь открылась, и в комнату вошли дедушка с бабушкой. Все даже ахнули. У дедушки в руках корзина плетеная, а в ней гусь сидит, а вокруг него яблоки красные уложены.

– А вот и наш подарок, внученька, прибыл, – говорит дедушка. – Принимай гостинец.

Выскочила Катерина из-за стола и к деду кинулась. А дед корзину на пол поставил и рядом стоит ухмыляется:

– Больно тяжел, наш подарок получился!

Катерина Кузьму Петровича обнимает, а сама смеется радостно. А Кузьма ей голову на плечо положил и замер. Гости тоже к корзине подошли подарок диковинный посмотреть. Только Даша за столом сидит, улыбается.

Радостно всем стало. А Петр Николаевич говорит:

– Что ж это мы главное блюдо на пол поставили.

Раздвинул он тарелки на столе, взял корзину с гусем и в самый центр ее поставил. Взрослые хохочут.

– Ну, – говорят, – Петр Николаевич, удружил. Действительно славное угощение у тебя получилось – настоящий гусь в яблоках.

Дедушка с бабушкой за стол сели. Дедушка и говорит:

– Раз уж вы решили Кузьму в живых оставить, то я ему на будущий год подружку куплю, не век же ему одному мыкаться.

– Вот здорово! – Катерина воскликнула, – значит, у нас гусята маленькие будут!

– Обязательно будут, – ответил дедушка. Потом он из чехла гармонь достал и говорит: – Я смотрю, вы тут без нас праздновать собирались, а ну-ка и мне бокал налейте.

Поднял он бокал и говорит:

– За твой день рождения, Катюша, и за второй день рождения Кузьмы Петровича!

Выпил он шампанского и на гармони заиграл, да так задорно, что Катерина удержаться не смогла, стала деду подпевать. А песня была про то, как жили у бабуси два веселых гуся. Даша тоже песню подхватила, а за ней и все гости запели.

Радостной и шуточной была эта песня, да только всем гостям показалось, будто когда девчонки поют, они какой-то особый, только им известный, смысл в слова вкладывают.

Это был самый веселый день рождения у Катерины. Все здесь было и стол богатый, и гости веселые, и песни, и танцы, и настоящий **живой гусь в яблоках**.

Ябеда

Осень. Воздух прозрачный. На земле листья ковром пушистым рассыпаны.

Во дворе рабочие возятся. Новую песочницу устанавливают. Рядом с детской площадкой домики деревянные в кучу свалены – очереди своей дожидаются.

К дому большая машина подъехала, новую карусель привезла. Старая карусель сиротливо за приготовлениями наблюдает.

Рабочие с песочницей закончили и к карусели подошли. Гайки ржавые, болты набор свернуты, попробуй, отверни. Повозились они с полчаса да и бросили.

– Ладно, – говорят, – завтра придем.

Дарья с Катюшей во дворе на скамейке сидят. Катя и говорит:

– Жалко карусель старую. Давай, Дашенька, покатаемся на ней последний раз.

Девочки к карусели подошли, Катюша на сиденье забралась, а Дарья стала ее раскручивать. Катаются девчонки, хохочут, весело им.

Минут через двадцать во двор еще три девочки вышли.

К тому времени Катя с Дашей на карусели накатались и опять на скамейку сели. К ним девочки присоединились. Сидят, дела школьные обсуждают. Все они в одном классе учатся, поэтому им есть о чем поговорить.

– Ой, девочки, – говорит Танюша, – завтра же контрольная по русскому языку. Я жуть как боюсь. Я правила учила, учила, да никак запомнить не могу, как слова эти противные пишутся.

– Потому и запомнить не можешь, что слова противными называешь, – отвечает ей Даша. – Если ты какое-то дело не любишь, оно у тебя всегда плохо получается будет.

Лена рядом с Танюшей сидела, бутерброд с колбасой жевала. Она от слов Дашиных едва не подавилась. Смотрит на нее удивленно и говорит:

– Да как же слова эти полюбить можно? Только «завуч» да «директор» чего стоят, а уж в слове «интеллигенция» я точно пять ошибок сделаю.

– Любить не слова нужно, – отвечает ей Даша, – а язык русский. А если не любить, то хотя бы с уважением к нему относиться. Это великий язык, потому что народу великому принадлежит. А к словам лучше с юмором отнестись, они такие смешные да заковыристые бывают, просто умора. Когда к ним ласково да по-доброму отнесешься, так и они тебе помогать начнут. Они как бы учить тебя станут и запоминаться легко будут.

– Уж и не знаю, – говорит Лена, – у меня это вряд ли получится.

Лена девочка бойкая да задиристая. Раньше она хорошо училась, а потом учебу совсем забросила. Папка у нее запил. С работы стал поздно приходить. С мамой они скандалили часто, а бывало и дрались. Ленке под горячую руку тоже доставалось. Братик у нее младший есть – Васятка, добрый да тихий. Плохо ему дома. Мама его часто в деревню отправляет. Ленка к нему хорошо относится, жалеет.

Наконец Лена свой бутерброд доела и в сторону подъезда кивнула.

– Вон, – говорит, – у кого хорошо получится.

Из подъезда вышла Вера. Она тоже с подружками в одном классе учится. Девочка она серьезная да ответственная. В школе – отличница. Она часто грустной бывает. Раньше они с Леной подружками были. Такие разные и такие неразлучные. Что-то произошло между ними. Поссорились они. С тех пор Ленка Веру недолюбливает. Вот и сейчас с неприязнью на нее смотрит. Вера двор оглядела и к девочкам направилась.

– Вот и зубрила к нам пожаловала, – говорит Ленка. – Фу, ябеда противная.

– Это почему ж она ябеда? – спрашивает Катя.

– А кто матери моей рассказал, что я без шапки зимой хожу, – отвечает Ленка. – Мне тогда так влетело.

– А про меня она бабушке наябедничала, что я конфеты шоколадные ем, – говорит Танюша. – Теперь у нас дома ни одной конфетки не найдешь.

Вера стоит перед девочками растерянно. Слезы у нее на глазах выступили. Только она сдержалась и в сторону отошла. Присела на скамейку, что в отдалении стояла.

– Вот-вот, шагай отсюда, ябеда, – вслед ей крикнула Ленка.

Плечики Верочки вздрогнули. Она голову вниз опустил да и замерла в таком положении.

– Зря ты так, – говорит Даша. – Знаешь, Леночка, когда ты человека в чем-то обвиняешь, обязательно сама также сделаешь.

– Вот уж никогда я так не сделаю, – запальчиво ответила Лена.

Даша только грустно головой покачала.

Настроение у девочек испортилось. Сидят, молчат. Вдруг Даша говорит:

– А знаете, девочки, я ведь тоже ябеда.

Девчонки до того удивились, что даже рты пораскрывали.

– Да ты что, Дашенька, – говорит Катя. – Да чтобы ты на кого-то наябедничала – в жизни не поверю.

– Это, Дашка, ты на себя наговариваешь, – говорит Лена.

– Нет, девочки, не наговариваю, – ответила Даша.

– В прошлом году я с родителями в деревню поехала, – стала Даша рассказывать. – Дня через два мама мне сказала, что у нее в соседней деревне подружка живет. У нее лошадка есть. У этой лошадки жеребенок родился, и, если я хочу на жеребенка

посмотреть, могу с ней поехать. Я, конечно же, согласилась, так как животных очень люблю. Приехали мы в соседнюю деревню. Иду я по дороге вдоль домов, вдруг вижу: в огороде девочка возится. Пригляделась я, а это Вера. Окликнула ее. Она меня узнала, обрадовалась.

Я когда на жеребенка насмотрелась, к ней в гости зашла. Вера мне свой сад показала, клубнику, которую она на огороде выращивает.

Мы с ней около забора стояли. Смотрю я, а за забором брат твой, Леночка, саблю деревянную делает.

– Да, – говорит Лена, – у нас с Веркой действительно в деревне дома по соседству стоят. Васька к ней часто заходит. Любит он ее. Уж не знаю, за что можно эту ябеду любить. Они с Васькой то в огороде возятся, то сад поливают. Он прямо как девка.

– Стоим мы с Верой, – продолжает Даша, – клубникой любимся. Вдруг смотрим – к вашему дому мальчишки деревенские подошли. Стали они о чем-то с Васей разговаривать, с собой приглашать. Один из них Васятке что-то показал. Присмотрелась я, а это граната немецкая. «Может игрушечная», – думаю. Вера тоже на них смотрит.

– Это, – говорит, – Гришка, хулиган наш деревенский. Опять, наверное, какую-нибудь пакость задумал. Только зачем они к Васятке пришли?

А Вася стоит улыбается, мальчишек внимательно слушает.

Закончил Гришка говорить, Васятка саблю к поясу прицепил и с мальчишками пошел. Они мимо нас проходили. Гришка нас увидел и говорит:

– А вы что наши тайны подслушиваете? Попробуйте только наябедничать кому-нибудь, я вам устрою.

– Не очень-то я тебя боюсь, – ответила Вера.

Гришка усмехнулся и говорит:

– Вот кину эту штуку тебе в огород – испугаешься.

И гранату из-за пояса достал.

– Можно подумать, она у тебя настоящая! – говорит Вера.

– А ты что думала игрушечная? – захохотал Гришка, и ребята мимо прошли.

Мальчишки по дороге смеялись и улюлюкали. А Вася очень гордый был из-за того, что старшие ребята его с собой позвали. Добрый он, да вот только, кроме бабушки да Веры, никому не нужен. Поэтому и тянется к тем, кто к нему хорошо отнесется.

Мы с Верой стали дальше сад разглядывать, да только у обеих на душе беспокойно. Наконец Вера не выдержала и говорит:

– Нет, не могу больше. Жалко мне Васятку, аж сердце болит. Надо взрослым сказать, что Гришка пакость задумал.

Я с ней согласилась, и мы в дом кинулись. Забегаем, а там нет никого. Растерялись мы сначала, а потом к подруге маминой домой побежали, но и там, кроме бабки старой, никого нет. Мы на улицу выбежали. В деревне пусто. Все на дальний сенокос ушли. Мы в магазин заскочили, может там, кто есть. Но там, кроме продавщицы, никого не оказалось. Мы ей все объяснить попытались да попросили с нами пойти. А она и говорит:

– Делать мне больше нечего, как за шпаной деревенской гоняться. Сейчас все брошу и в лес побегу!

Вышли мы из магазина. Что делать, не знаем. И вдруг не сговариваясь за мальчишками в лес кинулись.

Мы их только на полянке лесной догнали. Спрятались за кустами. Стоим, наблюдаем, что они делать будут.

Стоят они, гранату крутят. Тут Колька, лучший друг Гришкин, предлагает:

– А давайте ее в костер бросим.

Мишка им возражает:

– Может ее просто в кусты кинуть?

– Да мы ее уже десять раз кидали, – отвечает Гришка, – не взрывается она.

– У нее, наверное, запал отсырел, – с видом знатока заявляет Колька.

– Вот мы сейчас и проверим, – усмехнулся Гришка.

Стали они хворост собирать, чтобы костер развести. Тут Вера не выдержала и из кустов вышла. Я за ней. Мы к мальчишкам направились. Гришка нас увидел и говорит:

– А вам что здесь нужно? А ну убирайтесь отсюда!

– Перестаньте, ребята, с гранатой баловаться, – говорит Вера. – Опасно это.

– Тебе-то что, – Гришка ей отвечает. – Это наше дело.

Не выдержала Вера и говорит:

– Ты, Гришка, большой, да глупый, пацанов хоть пожалей.

– А мы и сами за себя ответить можем, – говорит Мишка.

– Делайте, что хотите, – говорит Вера, – Ваську только отпустите.

– Он уже большой, – отвечает Гришка, – сам пускай решает.

– Вася, – говорит Вера, – пойдём с нами.

– Нет, – отвечает ей Васятка, – я с мальчишками останусь, очень мне посмотреть хочется, как гранатка взорвется.

– Вот тебе и ответ, – ехидно говорит Гришка. – Молодец, Василий! А вы убирайтесь отсюда, а то мы вам сейчас накостыляем.

– Никуда я не уйду, пока вы Васятку не отпустите, – говорит Вера.

– Я тебе что – непонятно объяснил? – злобно спросил Гришка и кулаком на нее замахнулся.

Вера стоит не двигается. Не ударил ее Гришка, а в грудь рукой толкнул. Вера на ногах не удержалась и на землю упала.

– И ты отсюда иди, – говорит он мне, – а то и тебе достанется.

Вера с земли поднялась, заплакала от бессилия. Нас двое, а их семеро, что мы можем сделать? отошли мы к кустам, где до этого стояли.

Мальчишки тем временем костер развели и гранату туда бросили. Гришка больше всех хорохорился, только смотрю я, он за Васятку прячется. У костра так становится, чтобы Вася постоянно между ним и костром оказывался.

Стоим мы за кустами, что делать, не знаем. Вера совсем извелась. Вдруг нагнулась она, сорвала крапиву и в сторону ребят побежала. Они ее не видели, так как к нам спиной стояли. Смотрю я на нее. А Вера сзади к мальчишкам подкралась, троих по голым ногам крапивой хлестнула и прочь кинулась. Она старалась до Васятки дотянуться.

Мальчишки сначала растерялись, а потом за Верой погнались.

Я думала, Васятка тоже побежит, а он присел возле костра и заревел. За Верой только трое мальчишек погналось. Впереди Гришка бежит, кулаками машет.

– Догоню, – кричит, – в костер брошу.

Только Вера быстро бежит, никак им ее не догнать.

Тут и я в себя пришла. Сорвала крапиву и к мальчишкам бросилась, которые у костра оставались. Они смотрели, как Гришка за Верой гоняется, поэтому меня не заметили. Я к ним подбежала и со всего размаха крапивой по ногам ударила. Пока они соображали что к чему, я Васятку на руки подхватила и прочь от костра кинулась. Васятка хоть и маленький, а для меня тяжеловат оказался. Я шагов на двадцать успела от костра отбежать, слышу: мальчишки меня догоняют. Я еще быстрее припустила, да в траве канаву не заметила. Оступилась я, и мы с Васяткой со всего маху в эту канаву полетели.

В следующий момент взрыв прогремел. Я услышала, как над нашей головой осколки засвистели. Кто-то из мальчишек вскрикнул. А потом все стихло.

Когда мы из канавы выбрались, к нам Вера подбежала.

– Живы, – говорит. – Слава Богу!

Я вокруг огляделась. Смотрю – а на поляне двое мальчишек без движения лежат, над ними остальные растерянно столпились. Мы мальчишек растолкали и над лежащими нагнулись. Вера пульс проверила. Бьется. Тут я не выдержала и крикнула им:

– Что вы стоите? Бегите в деревню за помощью!

Только бежать никуда не пришлось, на поляну машина выехала. Из нее двое мужчин выскочили. Как потом оказалось, это были рыбаки из соседней деревни. Они мимо нас проезжали да взрыв услышали, вот и повернули посмотреть. Рыбаки к мальчишкам лежащим подбежали. Осмотрели их. Ребята неподвижно лежат. Лица бледные. У одного рубаха кровью залита.

– Их в больницу срочно надо, – говорят рыбаки.

Потом на руки их осторожно подняли и к машине понесли. Один из мужчин обернулся и мальчишкам крикнул, чтобы они в деревню убегали.

Когда машина уехала, мальчишки в деревню ушли. А мы Васятку за руки взяли и домой вернулись.

На следующий день в деревне переполох начался: родители к нам прибежали, и милиция поселковая, и даже корреспондент из какой-то газеты. Даже Гришка пришел. Просил, чтобы мы про него не рассказывали. Но мы милиционеру про него все честно рассказали, – Дарья испытывающе на девочек посмотрела. – А я больше всех наобидничала. И про то, как он гранату принес, и как за Васятку прятался. А вот с корреспондентом я говорить не стала. Вот такая я ябеда, – закончила она.

Девочки сначала молча сидели, потом все загалдели разом.

– Какая же ты ябеда, Дашка, – говорит Лена. – Ты же о жизни мальчишек беспокоилась.

– А разве Вера не о здоровье твоём беспокоилась, когда маме рассказала о том, что ты без шапки ходишь? – ответила Даша. – Вера помочь тебе хотела, потому что вы когда-то подругами были.

Ты прошлой зимой все перед старшеклассниками воображала: то без шапки ходила, то без рукавиц. Только им все равно – в шапке ты или без. А ты заболела и два месяца на уроки не ходила, потому и на тройки скатилась. Сколько Вера тебя уговаривала, чтобы ты перестала глупостями заниматься? Только ты ведь ни в какую.

Лена голову опустила и молчит.

Тогда Даша к Тане повернулась.

– Скажи-ка, Танечка, разве это не ты полгода назад зареванная в класс пришла? Тебе тогда зубки сверлили. Они у тебя совсем плохие. Ты все конфеты шоколадные ешь и ни на какие уговоры не поддаешься. А ведь в этом году тебе опять к зубному врачу идти.

Замолчала Даша и на девочек смотрит. А те в сторону отвернулись и тоже молчат.

– Скажи, Дашенька, – спрашивает Катя, – а с мальчишками, что дальше было?

– Мальчишки живыми остались, – отвечает Даша. – В больнице им операцию сделали, осколки вытащили. Одно плохо – Колька без глаза остался.

– Жалко, – вздохнула Катя.

– С Верой неудобно получилось, – говорит Таня.

Даша ничего не ответила. Встала и на скамейку к Вере пересела. Через некоторое время к ним все девочки присоединились.

– Ты не сердись, Верочка, – говорит Таня. – Зря мы на тебя накинулись. И ни какая ты не ябеда.

– Ладно, девочки, – отвечает Вера.

– Что ж такая хмурая, если не сердись? – спрашивает Катя.

– Директор мою маму в школу вызывает. Ума не приложу, зачем это?

– Может, ты натворила чего? – говорит Таня.

– Да нет, вроде бы, – как-то неуверенно ответила Вера.

Замолчали девчонки, только Даша как-то странно на Лену смотрит.

Вдруг она говорит:

– Ты, Леночка, ничего рассказать не хочешь? Почему, например, директор Верину маму в школу вызывает?

– Откуда мне знать, – дернула плечом Лена.

– А я думаю, что ты знаешь, – настаивает Даша.

Девочки на них удивленно смотрят.

– Если ты что-нибудь знаешь, скажи, – попросила Вера.

– Да не знаю я ничего, – раздраженно огрызнулась Лена.

– Если сама не расскажешь, я расскажу, – говорит Даша. – Ты ведь теперь знаешь, какая я ябеда.

Лена только в сторону отвернулась.

– Ну что ж, – говорит Даша. – Тогда мне придется. Твою маму, Верочка, в школу потому вызывают, что ты стекло в дверях разбила.

– Откуда же директор узнал? – удивленно воскликнула Вера.

Даша на Лену посмотрела. Но та только плечами пожала.

– Так ведь Лена ему все и рассказала, – говорит Даша. – Я после уроков в классе задержалась. Молния у меня на сапоге испортилась. Присела я за партой посмотреть, что с ней. Вдруг слышу, в класс кто-то заходит. Выглянула я из-за парты. Смотрю: а это директор наш, а с ним Лена. Вот я их разговор и услышала.

– Зачем же ты Леночка?.. – чуть слышно прошептала Вера.

– Как ты на меня ябедничаешь, так и я на тебя, – зло огрызнулась Лена.

– Ну вот, – говорит Катя, – а сама говорила, никогда такого не сделаешь.

Вера отвернулась и заплакала. Девочки попытались ее утешить.

– Может, обойдется, – говорит Таня.

– Да уж, обойдется, – усомнилась Катя. – Стекло-то было уж больно здоровенное. И как это, Верочка, тебя угораздило?

– Меня в тот день дежурной назначили, – всхлипнула Вера. – Я об этом совсем забыла, только к концу перемены вспомнила. Кинулась я в умывальник тряпку намочить да с доски стереть. А в умывальнике столпотворение, никак к крану не подойти. Тут звонок прозвенел, и все по классам разбежались.

Пока я тряпку мочила да выжимала, учительница в класс пришла. Она у нас строгая очень. Не любит, когда доска грязная, а еще больше не любит, когда кто-то опаздывает. Я из умывальника выскочила и в класс побежала. Возле двери, что на лестницу ведет, кто-то лужу налил. Поскользнулась я и со всего маху на дверь налетела. Стекло вдребезги.

Я испугалась и снова в умывальник кинулась. Стекло с таким грохотом разлетелось, что, наверное, вся школа слышала. Когда все в коридор высыпали, я подождала немножко, а потом из умывальника выбралась и с толпой смешалась. Затем я в класс тихонько вошла, доску вытерла и на место села. В тот момент, когда я на дверь налетела, в коридоре, кажется, никого не было.

– Ты просто не заметила, – говорит Даша. – Лена у окна стояла и все видела. Она в тот день на урок опоздала.

– Я не за себя испугалась, – снова всхлипнула Вера. – Я маму не хотела расстраивать. Стекло-то дорого стоит, а мама одна нас двоих тянет. Денег дома совсем нет. У меня тетка в типографии работает. Я попросила ее к себе меня взять. Помогать газеты переключивать. Там за это деньги платят. Я уже целую неделю тружусь. Только на стекло еще заработать не успела.

– А сколько стекло стоит? – девочки интересуются.

Вера сумму назвала и опять пригорюнилась.

– Ого, – говорит Таня, – долго тебе работать придется.

– Ничего и не долго, всего два месяца, – отвечает Вера. – Маму только жалко. Она младшей сестренке на зимние сапоги копила, теперь придется за стекло отдавать.

Вера вздохнула грустно и голову опустила.

Девочки осуждающе на Лену смотрят.

Все знают, что Вера и ее маленькая сестренка только с мамой живут. Отец у них погиб два года назад. Он водителем работал. На такси ездил.

Однажды он к остановке подъезжал. Вдруг видит: на остановку грузовик несется. Еще секунда и он прямо в толпу врежется. А там женщины и дети маленькие. Развернул

он свою машину и на пути грузовика поставил. Грузовик его машину протаранил, а до остановки не доехал. Водитель грузовика убежать пытался, только мужчины скрутили его и в милицию доставили. Он совершенно пьяным оказался. Папку Веры похоронили торжественно и даже медалью наградили посмертно.

Пока папка жив был, хорошо они жили, дружно и в деньгах не нуждались. Теперь же пришлось Вериной маме на двух работах трудиться, и все равно денег не хватало.

Вера смерть папки тяжело переживала. Друзьями они были. Столько дел было общих, сколько праздников. Папка весельчак был и выдумщик, везде Веру с собой таскал. Не стало папки, и Вера как-то в одночасье повзрослела. Непоседа и хохотушка превратилась вдруг в тихую задумчивую девочку. Взгляд стал серьезным и не по-детски осмысленным.

Молчат девочки. Вдруг Даша говорит:

– Сколько ты, Верочка, денег за неделю заработала?

– Сорок пять рублей, – ответила Вера.

– Знаешь, – говорит Даша, – я в этом году клюквы много насобирала да лишнее на приемный пункт сдала. Поэтому я денег тебе добавлю. Только у нас все равно не хватит.

Катерина на девочек посмотрела и говорит:

– Ой, девчонки, а у меня летом день рождения был и бабушка мне, вместо подарка, деньги вручила. Истратить я их не успела, так что я тоже добавлю.

– А у меня, девочки, – вступила в разговор Таня, – копилка есть, я туда мелочь кидаю. По-моему, там приличная сумма набралась. Может, нам и хватит.

Вера глаза утерла и говорит:

– Спасибо Вам, девочки, – денежки я обязательно верну.

– Да ладно, – говорит Таня, – для хорошего дела ничего не жалко.

Обрадовались девчонки, что Вере помочь смогли. Вдруг Леночка вскочила, заплакала и прочь от них кинулась. Таня удержать ее хотела, только Даша ее остановила.

– Оставь ее, – говорит, – ей одной побыть надо.

На следующий день ученики школы странную картину увидели. Четыре девочки несли к школе большое стекло. Они пытели, запинаясь, давали друг другу советы и всю дорогу хохотали. Когда они к школе подошли, то попросили старшеклассников стекло наверх поднять. Катя за плотником – дядей Мишей, сбегала, и он, ворча беззлобно, стекло в дверь вставил.

Уроки начались как обычно. Учительница объявила, что сегодня будет контрольная работа. Ученики открыли тетради и собирались начать писать. Вдруг дверь отворилась, и вошла завуч. Все встали. Завуч класс осмотрела и говорит, обращаясь к Вере:

– Лазарева, ты почему без родителей пришла?

– А зачем же родителей вызывать? – ответила за нее Даша. – Стекло-то на место поставили.

– Как поставили? – удивилась Зинаида Арнольдовна.

Она вышла в коридор и через минуту обратно вернулась.

– Ну что же, – говорит, – то, что стекло вставили, это хорошо. А вот убежать трусливо с места проступка, это плохо.

Вера стояла, опустив голову.

– Хорошо, что в вашем классе есть ученики, которые не станут скрывать, кто в школе хулиганит, – сказала завуч и вышла из класса.

Поначалу ребята притихли. Вдруг с последней парты раздался голос двоечника Феди Ситникова:

– Это кто же у нас такой герой, который про Верку наябедничал?

– Да, жди, так тебе этот смельчак и признается, – ответила ему из другого угла староста.

Ребята уже собирались контрольную писать, как вдруг со своей парты Лена поднялась. Она была бледнее обычного, а в глазах решимость отчаянная светилась. Ни на кого не глядя, она громко на весь класс объявила:

– Это я про Веру наябедничала!

Класс на мгновение опешил, а потом все одновременно загалдели.

– Позор ябедам! – закричали девочки.

– Фу, ябеда! – улюлюкали мальчишки.

Девочка, которая сидела с Леной, вдруг поднялась со своего места и говорит:

– Я не хочу с такой ябедой сидеть!

Она собрала свои вещи и пересела на другую парту. Еще две девочки, которые сидели впереди, сделали то же самое.

Лена села на свое место и низко опустила голову. Было видно, как из ее глаз каплют слезы. Осуждающие взгляды почти всего класса были устремлены на нее.

Через какое-то время класс затих. Вдруг со своего места поднялась Катя, и в наступившей тишине отчетливо прозвучал ее голос:

– Если человека в чем-то обвиняешь, обязательно сам также сделаешь! Я Лену ни в чем не виню!

Она решительно направилась в сторону Лены и села за парту, что стояла впереди нее. Класс смотрел на нее удивленно.

Тут со своего места поднялась Танюша.

– Я тоже ябеда, – говорит она, – и поэтому мне Леночку не в чем винить.

Она подошла и села рядом с Катей.

Последней поднялась Вера. Она ничего не стала говорить классу. Она просто подошла к Лене и села рядом.

Бросив взгляд на Дарью, которая, улыбаясь, смотрела на них, она обняла Лену рукой за плечи и прошептала тихо:

– И я ни в чем тебя не виню, ты моя самая любимая **ябеда** в мире!

Елка

Под самый Новый год попросила учительница Дашу зал спортивный украсить. Даша – девочка ответственная да исполнительная, тетрадки в портфель сложила и уже собралась было в зал идти, как подумала, что одной ей скучно будет, и попросила Катю с ней отпустить. Учительница возражать не стала.

Девочки в зал спустились. Смотрят – у стены коробки стоят с украшениями новогодними. Катюша стала бумажные снежинки к стенам приклеивать. Даша гирлянды развешивать да воздушные шары надувать.

Вся школа как потревоженный улей гудит. Две недели до Нового года осталось.

В спортивном зале яблоку упасть негде. Первоклассницы в платьях снежинок танец какой-то разучивают. У дальней стены ансамбль школьный песню репетирует. По залу ученики третьего класса носятся: физкультуру у них отменили. Двое мальчиков в костюмах мушкетеров дуэль на деревянных шпагах устроили.

Дарье вся эта суета предпраздничная очень нравится. На душе волнение приятное и ощущение такое, будто должно случиться что-то хорошее. Кто-то мандарины принес, и по залу чудесный запах разносится.

В центре зала подставка для елки стоит, к ней провода протянуты. Это чтобы елка крутиться могла да огоньки на ней мигали. Только самой елки пока нет.

К Дарье одноклассницы подошли. Тихонько стоят, на девочек с завистью смотрят. Танюша в центр зала глянула и говорит:

– Ой, девочки, скоро елочку привезут, страсть как посмотреть хочется.

Дарья тоже в центр зала посмотрела. Она нередко ловила себя на мысли, что ей грустно становится, когда в зале очередная красавица ель появляется.

В прошлом году она долго одна в пустом спортивном зале простояла, там еще утром елку установили. Она за ветку рукой взялась и печально на ель смотрела. Тепло в зале. Елка после мороза оттаяла, и на коре смола выступила, на слезинку похожая. Даша тогда даже всплакнула. «Прости их», – прошептала она тихо.

Она все понять пыталась, почему в ней такие чувства противоречивые возникают. Ведь праздник – это радость. А вот елка... Даша не пошла на праздник. Все были заняты, и ее отсутствия никто не заметил. Она с родителями в деревню уехала и там весело Новый год встретила.

В этом году она в следующий класс перешла, и, кроме того, что ей поручили зал украсить, Даша должна была выступить перед гостями праздника со своим номером. Она не стала отказываться и решила, что сразу после выступления уйдет домой.

Вдруг Даша увидела, что в зал вошла женщина, а вместе с ней – директор и завуч. Женщина одета шикарно. Костюм модный. Прическа пышная. Сама высокая, красивая. Глаза умные и цепкие.

Женщина зал осмотрела и о чем-то с директором беседовать вполголоса стала. Ребята директора заметили и притихли. Через некоторое время женщина взгляд на учеников перевела и говорит задумчиво:

– А давайте мы у детей спросим, вдруг они нам что-нибудь интересное подскажут.

Директор плечами пожал – делайте, мол, что хотите.

Женщина задорно улыбнулась и говорит завучу:

– Наталья Петровна, соберите-ка всех детей в зале, я хочу с ними поговорить.

Через какое-то время в спортивном зале вся школа собралась. Дети на скамейках сидят да на школьное начальство смотрят.

Наконец директор на середину зала вышел и говорит:

– Ребята, к нам из Москвы представитель Главного управления образования приехала и поговорить с вами хочет.

Женщина головой кивнула и к директору подошла. Уверенно себя держит. Сразу видно, что совсем не волнуется, наверное, привыкла с детьми беседовать. Она внимательно на всех посмотрела и говорить начала:

– Ребята, меня Тамара Николаевна зовут. В этом году праздник новогодний не совсем обычным будет. Ваша школа по итогам прошлого года первое место в России заняла. Поэтому к вам из Москвы гости высокие приедут, и нам подготовиться необходимо. Ваш праздник телевидение снимать будет. Я приехала, чтобы помочь вам. Мне необычное что-нибудь сделать хочется, поэтому я решила к вам с вопросом обратиться: «Каким вы этот праздник видите?».

Сначала ребята молчали. Потом начали руки поднимать. В основном старшеклассники свои предложения высказывали, а Тамара Николаевна что-то у себя в блокноте записывала.

Так получилось, что Даша в первом ряду сидела. Она задумчиво в окно смотрела, совсем к тому, что говорили, не прислушивалась, о чем-то своем думала. Когда поток предложений иссяк, и уже казалось, что сейчас всех отпустят, женщина вдруг на Дашу посмотрела и говорит:

– А еще мне хочется тех, кто помладше, послушать. Скажи, девочка, как тебе праздник новогодний представляется? Как, например, лучше елку новогоднюю нарядить?

Дарья не ожидала вопроса, поэтому растерялась немножко. Она на секунду задумалась, а потом, глядя прямо в глаза женщине, говорит тихо:

– Вам не понравится то, что я сказать могла бы.

– Это почему же? – весело улыбнулась женщина.

– Потому что я не знаю, как лучше мертвое дерево украсить, – ответила Даша.

В зале совсем тихо стало. Директор и завуч переглянулись растерянно. И только женщина все также улыбается да на Дашу с любопытством смотрит.

– Это почему же мертвое? Елка ведь не искусственная, а живая, прямо из леса.

– Когда дерево рубят, оно не живым, а мертвым становится, – серьезно ответила Даша.

Стоявший рядом с директором учитель истории положение спасти попытался:

– Ты, Дашенька, не совсем права. Да ведь и традиция во всем мире есть – Новый год с елкой встречать. Эта традиция глубокие корни имеет. Испокон веков этой традиции наши предки придерживались. Это я тебе как историк говорю.

– Традиция такая действительно существует, – ответила Даша, – да только смысл ее во времени затерялся. Я одно знаю: никогда, вплоть до образования государства Российского, славяне елок не рубили и в дом не таскали. Это царь Петр такую традицию завел. И до наших дней именно она дошла. А люди современные, может, от того и живут так плохо, что каждый год мертвое дерево в доме ставят!

Директор школы усмехнулся и говорит:

– Может ты и права, Дашенька. Только ты о прошлом говоришь так уверенно, как будто рассказать можешь, как Новый год тысячи лет назад праздновали, да знаешь, откуда традиция появилась елку наряжать.

– Знаю, – твердо ответила Даша, – и рассказать могу!

– А что, любопытно было бы послушать, – снова улыбнувшись, сказала Тамара Николаевна.

Притихли ребята. Дарья взгляд куда-то вдаль устремила и рассказывать начала:

– Давно это было, больше пяти тысяч лет прошло, когда история эта случилась. В те времена далекие предки наши совсем иначе жили.

Городов на Руси тогда не было. А в других местах они только появляться начинали. Славяне в поселениях жили. У каждого своя земля была, и относились они к ней совсем не так, как люди современные. Не было в те времена на Руси ни бедных, ни богатых. Каждый другому помочь стремился. С радостью великой люди это делали, так как любого человека братом своим считали. Именно поэтому людей этих единым народом назвать можно было.

Много праздников предки наши отмечали. Среди них и тот, что с окончанием года связан был.

В день этот люди всего селения собирались около большой ели, посаженной в центре поселка. Каждая семья перед всеми выступала. Кто пел, кто танцевал, а кто истории смешные рассказывал. Были и те, кто картины свои показывал или поделки разные. Во всем этом смысл глубокий был. Люди как бы отчитывались ненавязчиво о том, что в году прошедшем доброго сделали. Ель ими была выбрана потому, что она всегда зеленой бывает. Она изменяется и в то же время вечно неизменной остается. Она как бы бесконечность жизни символизирует.

Елку под Новый год у славян украшать было не принято. Игрушки бессмысленные на елку вешать никому бы даже в голову не пришло. Предки наши считали, что лучшим украшением для елки снежок искристый будет, месяц задумчивый да звездочки озорные.

В то же время у славян традиция была – под Новый год подарки друг другу делать и перед елкой их складывать. Это могли быть поделки из дерева или глины, картины художников, а мог быть пирог, с любовью сделанный, или морс из ягод лесных. Каждый мог на подарки полюбоваться, а взять лишь тот, для кого они предназначены были.

В одном из таких селений кто-то предложил на время праздника поделки на елку прикреплять. Чем больше всем изделие нравилось, тем выше его поднимали. Они как бы мгновения прекрасные в бесконечном потоке жизни символизировали. Удивительней всего было то, что нередко поделки детей выше, чем поделки взрослых оказывались. Только макушку ели славяне никогда ничем не закрывали, как будто показывая тем самым, что нет предела совершенству.

В том поселении, где поделки на елку вешали, жила семья счастливая. Мужа Пересветом звали, жену – Любовой. И была у них дочка – Зоренька. В те времена далекие люди между собой не враждовали и мыслями глупыми о славе да о деньгах себя не

обременяли. А потому таланты разные в них раскрывались. И чаще всего так бывало, что человек в разных областях талант свой проявить мог.

Пересвет и Любава на своей земле жили в любви да в согласии, потому счастливы были. И дочь их – Зоренька, красавицей и умницей росла. Зоренька родителей любила очень, но по характеру скорее на папку похожей была, потому к нему и тянулась больше. Пересвет это чувствовал и с дочерью старался больше времени проводить.

Был у Пересвета талант необычный. Умел он в воду на большую глубину погружаться. В этом равных ему на много селений вокруг никого не было. Селение их на берегу озера чистого стояло, и Пересвет с дочерью купались в нем часто. Пересвет далеко от берега отплывал, а потом нырял. Долго его на поверхности видно не было. А когда он выныривал, то ракушку дочери доставал необычную, то рыбку, чешуей сверкающую.

Он Зореньку научил, как можно дыхание под водой надолго задерживать. А еще приспособление для глаз сделал, чтобы в воде лучше видно было. Зоренька вместе с отцом на дно озера опускалась, видами подводными любясь. На глубине она с косяками рыб играла или сома здорового гладила, а иногда на нем и каталась. В солнечный день под водой все таким необычным казалось, таким красивым и волшебным, что дух захватывало. И для Зореньки мир подводный близким и родным сделался.

Но самым большим талантом Пересвета был тот, что мог он инструменты музыкальные делать. Они звуком обладали удивительным. И на вид очень красивыми были. То арфу он смастерит необычную, то бубен со звуком, на удары сердца похожим. Зоренька не хуже Пересвета на музыкальных инструментах играла. Они перед селянами часто выступали. Пересвет и Зоренька играют, а Любава песни радостные поет.

Однажды, в долгие зимние вечера, смастерил Пересвет дудочку. Он ее в виде сокола парящего сделал. Красив сокол. Взгляд мудрый и грозный. Эта дудочка звуки издавать могла разные: и капель весенняя в этих звуках слышалась, и журчание ручейка, и шум ветра. А самое интересное было то, что она подражать могла голосам обитателей лесных. И как соловей трели могла выводить, и как чайка кричать, и даже рык медведя был ей под силу. Задумал Пересвет на Новый год эту дудочку Зореньке на елку повесить. Вот уж и инструмент готов, и звучит прекрасно, и выглядит лучше не придумаешь, да только нет покоя мастеру. Очень Пересвету хочется соединить эти звуки в мелодию единую, чтобы все звуки в общий хор сливались, да никак у него это не выходит.

Как-то по весне жена Пересвета – Любава, в дом вошла. Смотрит – сидит муж грустный, дудочку в руках крутит. Никогда Любава мужа грустным не видела.

– Что случилось, сокол мой? – спрашивает.

Рассказал ей Пересвет о думе своей. Да и говорит:

– Хочу я, Любавушка, в края дальние пойти. Может быть, есть где-нибудь мастер, который подскажет мне, как сделать так, чтобы дудочка как общий хор зазвучала. Не успокоится душа моя, пока этого не добьюсь.

Простился Пересвет с женой и дочерью и в дальний путь пустился. Перед расставанием сказал Зореньке:

– Жди меня, доченька, я вернусь обязательно.

Неделя прошла и месяц пролетел. Вот уже и весна кончилась, и лето прошло, и осень золотая отгорела – не идет Пересвет. Зоренька каждый день на дорогу выходит, по которой папка в дальний путь ушел. Нет, не видно его.

Как-то с утра перед праздником новым Зоренька на дорогу вышла, стоит, вдаль вглядывается. Вдруг видит – люди идут. Стала она всматриваться. Нет, люди незнакомые. Их человек десять: взрослые и дети. И одеты очень необычно. Люди ближе подошли и спрашивают:

– Не Зоренькой ли тебя зовут, доченька?

– Так и есть, – Зоренька им отвечает.

– Пойдем в селение ваше, девочка, – говорят ей люди печально.

Вздригнуло у нее сердечко. Пошла она за людьми незнакомыми.

В селении люди к празднику готовились. Много народу у елки собралось. Людей незнакомых увидели, все к ним направились. Остановились чужеземцы и спрашивают:

– Не в этом ли селении мастер великий Пересвет жил?

– Здесь, – селяне отвечают.

– Грустную весть мы вам принесли, люди добрые, – говорит старший из пришедших.

– Погиб Пересвет.

Опустил чужеземец голову, постоял с минуту, а потом на людей глянул и стал рассказывать:

– Пересвет в наше селение в середине осени пришел. У нас несколько селений в княжество объединено, и всем в нем князь управляет. Пересвет уже домой возвращался. Он весь сиял. Говорил, что секрет открыл великий и домой его несет. У нас он песни пел и на дудочке своей играл. Однажды князь его музыку услышал и захотел, чтобы Пересвет на празднике в его честь выступил. Пересвет отказаться хотел, да люди его уговорили: не хотели они князя гневить.

Наше селение на берегу озера горного находится. На нем торжества в честь князя его подданные задумали. По их плану, в торжествах должны были участвовать ладьи, празднично украшенные. Одна из них по проекту самого князя была сделана. Он себя великим мореходом считал. Мастера, которые ладью делали, отговорить князя пытались. Они ему объясняли, что ладья эта уж больно на воде не устойчива. Только выгнал их князь.

Ладью лентами украсили и детский хор на нее посадили. Мастера людям объяснили, чтобы они строго по обоим бортам ладьи стояли и ни в коем случае на одной стороне не скапливались. Умельцы сказали, что ладья перевернуться может. Детей, чтоб не баловались, в трюме закрыли. В самый разгар праздника с ладьи должны были фейерверк запустить, да что-то не так пошло. Заряды стали прямо на борту взрываться. Люди испугались и все к одному борту кинулись. Накренилась ладья, воду бортом зачерпнула и камнем на дно ушла. Взрослые с ладьи выскочить успели, а дети-то в трюме закрыты были и вместе с ладьей тонуть стали. Когда эту трагедию люди с берега увидели, им не до праздника стало. Они детей спасать бросились. Да только озеро наше уж больно глубокое да холодное. Никто донырнуть не смог.

Пересвет вместе со всеми к месту трагедии побежал. Он на лодку небольшую вскочил, что на берегу стояла, и стал грести к середине озера. Люди на берегу кричат, плачут. На ладьях безучастно сидят, они детей спасти пытались, но, видно, поняли, что не смогут.

Так вышло, что, когда Пересвет к месту трагедии приплыл, последний из спасателей на борт ладьи соседней поднялся. Люди в отчаянии были. Пятнадцать ребятишек одновременно погибли.

Пересвет рубаху скинул и со дна лодки большой камень достал. Он его веревкой обвязал и в озеро бросился. Долго его на поверхности не было. Люди решили – погиб Пересвет. Вдруг над гладью озера головка детская показалась, а за ней и Пересвет вынырнул. Люди к ним кинулись. Ребенка на ладью подняли. Мальчик жив, только испуган сильно. Пересвет отдышался и снова нырнул. Через какое-то время сразу две девочки из воды вынырнули, а Пересвет снова в глубину погрузился. Так одного за другим он детей и вытащил.

Последнюю девочку особенно долго ждали. Наконец и ее головка над водой поднялась. Только Пересвета не видно. Люди в глубину озера вглядываются, вдруг видят, что-то в глубине белеет, двое мужчин в воду бросились и вытащили Пересвета на борт ладьи.

Он глаза с трудом открыл, двигаться он уже не мог. Попросил людей, чтоб не трогали они его. Неподвижно лежал Пересвет, а вокруг него сидели дети, им спасенные. Взрослые за их спинами стояли.

– Прошу вас, – говорит Пересвет, – люди добрые, дойдите до селения моего, передайте дочери моей дудочку, что в лодке осталась. А еще скажите: секрет в том заключается, что Бог в любви великой землю творил, и все, что живет на ней, для человека он создал. Все живое свой голос и звучание имеет. Эти звуки чувства разные в человеке вызывать способны и только в его душе в общий хор сливаются. Для единой мелодии душа – самый главный инструмент. А еще передайте ей, что душа бессмертна. В этой жизни мы с Зоренькой больше не встретимся, но я всегда рядом буду. Сердца любящие смерть разлучить не способна. И мы еще обязательно встретимся.

Сказал так Пересвет, и душа его тело покинула. Не смогло сердце выдержать такого напряжения. Нам дети потом рассказывали, что когда ладья перевернулась и на дно ушла, в трюме воздушная пробка образовалась, поэтому там дышать было можно. Только выбраться дети ни за что бы не смогли. Дверь-то снаружи на крючок была закрыта. Когда Пересвет до них донырнул, он дверь открыл и в трюм заплыл. Детей испуганных он успокоил и объяснил, что делать нужно, чтобы на поверхность выбраться. Он каждого до поверхности провожал. Последнюю девочку он изо всех сил вверх толкнул, а у самого выбраться сил уже не хватило.

Закончил свой рассказ чужеземец и с поклоном дудочку Зореньке протянул. Поклонились ей и все, кто с ним пришел.

Зоренька дудочку взяла. Она смотрела на нее какое-то время, потом к губам поднесла и заиграла. Печально зазвучала дудочка. Зоренька так играла, как будто к папке обращалась, в пространство бесконечное. Не было в ее обращении упрека, только печаль великая да боль не сказанная. Через какое-то время изменилась мелодия. И всем почудилось, будто Пересвет ей отвечает. Показалось людям, что голос Пересвета им слышится. Голос добрый да ласковый.

Чем дальше играла Зоренька, тем светлей становилась мелодия. Вот она уже и как гимн звучит радостный, гимн всему, что в мире создано, всему вечно живущему, бессмертному.

Перестала играть Зоренька, подумала немножко и дудочку старейшине протянула. Тот дудочку принял, шепнул что-то мужчинам, рядом стоявшим. Они через минуту лестницу высокую принесли. И старейшина, поднявшись по ней, прикрепил дудочку к самой макушке ели.

Всем понятно стало, что старейшина этим сказать хотел: «Нет во Вселенной более высокого подвига, чем отдать жизнь за человека незнакомого. Нет более сильного чувства, чем умение чувствовать чужую боль как свою собственную. Нет более чистой любви, чем любовь безусловная».

Проходили годы. Как одно мгновение пролетали десятилетия. Вот уже и нет тех, кто знал Пересвета. Вот уже и внуков его не стало. Только каждый год жители этого селения снимали дудочку и лучший из музыкантов играл на ней мелодию светлую.

Ни дождь, ни снег, ни солнце палящее звучания дудочки не меняли. Столетия дудочка нетленной оставалась. Такой же нетленной, как чувства искренние, как любовь чистая.

Закончила Даша рассказывать и на место села. Тихо в зале.

К микрофону снова женщина подошла и говорит:

– Грустную легенду ты рассказала, Дашенька.

– Не легенда это, – отвечает ей Даша. – Все так и было пять тысяч лет назад. А грустной она кажется потому, что люди современные думают, будто после смерти все заканчивается. А это не так. В этом чудесном мире ничто не исчезает, а лишь форму свою меняет, поэтому Пересвет с Зоренькой обязательно встретятся.

– Хорошо бы они у нас на празднике новогоднем встретились, – кто-то из ребят выкрикнул.

– Кто знает, – задумчиво ответила Даша, – может быть, так все и будет.

– Скажи-ка, Дашенька, – снова обратилась к ней женщина, – ты говорила, что мертвую елку нехорошо в доме ставить. А разве вы дома Новый год не отмечаете, и родители твои елку не ставят?

– Новый год мы обязательно отмечаем, и елка у нас дома есть, – Даша ответила.

– Как же так? – усмехнулась женщина. – Дома вы елку ставите, а здесь не хотите.

– Так ведь у нас дома елка действительно живая. Мои родители очень любят друг друга. Они искренне хотели, чтобы я у них появилась, поэтому в день моего рождения они семечко еловое в горшочек посадили. Теперь елке уже десять лет. Это самое родное наше дерево. Даже правильной будет сказать родовое.

Тамара Николаевна лукаво на Дашу посмотрела и вдруг говорит:

– А скажи-ка, Дашенька, если бы тебе предложили организовать Новый год в вашей школе, как бы ты поступила?

Даша задумалась на секунду, а потом ответила:

– Если честно, то я бы Новый год на улице праздновала. У нас для этой цели даже елка имеется. Видите? – Даша в окно указала.

Там за окном действительно красивая ель росла.

– Эту елку наш старый учитель после войны посадил. Вокруг нее можно и хороводы водить. Только я догадываюсь, что вы скажете. На улице холодно бывает. В платье бальном на мороз не выскочишь, да и комиссию московскую негоже на улице принимать.

Для того чтобы традицию соблюсти, для школы можно ведь и искусственную елку купить. Но если вам так уж хочется, чтобы в помещении обязательно живая елка стояла, то традицию ведь и изменить можно. А для этого я бы вот, что предложила.

В нашей школе три одиннадцатых класса есть да еще два десятых. В них больше ста пятидесяти человек учится. Я бы старшеклассникам предложила в лес съездить и каждому небольшую елочку выкопать, какая кому больше понравится. Эту елочку дома в горшочек посадить, лучше зеленого цвета. Потом все елочки в зале собрать. В центре зала конструкцию деревянную сделать в виде пирамиды. А горшочки на полки специальные поставить. Тогда из них одна большая ель получится.

Эту елку можно и игрушками новогодними нарядить, но лучше так сделать, чтобы между игрушками подарки детские для родителей висели. Это и поделки могут быть разные, и картины, и даже дневники с пятерками, в красивую бумагу завернутые. Родители ведь всегда детям на Новый год подарки делают, а мы бы им ответный подарок сделали.

А еще бы я предложила не справлять Новый год по отдельности, как это в нашей школе принято. А собрать всех детей вместе да пригласить их родителей. А чтобы у нас скучающих не было, каждому поручить выступление подготовить, и чтобы родители в нем участие приняли.

А когда Новый год закончится, пускай старшеклассники свои елочки домой заберут и до весны за ними ухаживают. Кто-то захочет их навсегда у себя оставить, пусть так и будет. А те, кто решит, что елочка ему не нужна, пускай весной на пустыре за школой посадят. У нас он большущий, до самого озера тянется. Там раньше красивый лес был, а когда фабрику в нашем городе строить задумали, лес спилили. Пускай дети ошибку родителей исправят. В нашей школе фотографии учеников хранятся, да в музее поделки есть, что ученики разных лет делали. А тут, представляете, целые аллеи живых деревьев памятью вечной об учениках станут.

А те, кто в первом классе сейчас учатся, пускай семечко еловое возьмут и до одиннадцатого класса дома выращивают. Это ведь из их елочек на Новый год одна великая елка зал украшать будет.

Замолчала Даша и на место села.

Сначала весь зал молчал, как будто предложение Даши обдумывал. А потом все одновременно говорить начали, многие со своих мест повскакивали. Дети кричали и

спорили. Кто-то смеялся, а кто-то сидел задумчиво. Было видно, что предложение Дашино им очень понравилось. Даша тихонько со своего места встала и домой ушла.

Дня через два на школьный двор два автобуса подъехали. Из них старшеклассники высыпали, они все в снегу были. Лица на морозе покраснелись, наверное, от этого улыбки такими яркими казались. Каждый в руках небольшую пушистую елочку держал. Ребята с хохотом в спортивный зал направились и дверь за собой на замок закрыли.

Это был самый чудесный Новый год в Дашиной школе. Все были вместе: и взрослые, и дети. И не было среди них людей скучающих. Каждый хотел выступить. Люди пели и плясали, в игры играли и стихи рассказывали. Школьный ансамбль во всю старался. Когда они устали, их сменил ансамбль родительский. Оказалось, что у многих родителей образование музыкальное имеется. Чей-то дедушка за барабаны уселся и такую дробь выдавал, что народ устал хохотать и хлопать. Весь вечер дети и взрослые русские песни пели. Оказалось, что песен так много и они такие чудесные, что люди никак остановиться не могли.

Московская комиссия веселилась вместе со всеми. Председатель до того разошелся, что с какой-то бабушкой «Барыню» стал выплясывать. Ему за это даже первый приз вручили как лучшему танцору.

Телевидение давно уехать собиралось, да только не смогло от праздника оторваться. Оператор не знал, что ему снимать. Потом он рукой махнул, камеру бросил и стал выплясывать вместе с молодой дикторшей танец замысловатый.

Час прошел и другой пролетел. Праздник в двенадцать часов дня начался. Вот уже и вечер наступил, а времени никто не замечает.

Первым председатель комиссии спохватился. От песен да плясок он совсем запыхался. Рубаха мокрая, волосы всклокочены. Он на часы глянул, охнул и к микрофону подошел. Люди в зале притихли. Он попросил всех на скамейки присесть. Когда все расселись, он улыбнулся и говорит:

– Спасибо вам, ребята, большое. Давно я так не веселился. И учителям спасибо за идею прекрасную. Ваша школа действительно в России самая лучшая.

Он уже хотел окончание вечера объявить, да в последний момент вспомнил о чем-то, глянул в зал и лукаво спрашивает:

– А есть ли среди вас та девочка, что легенду чудесную поведала? Мне ее Тамара Николаевна пересказала.

– Здесь я, – отвечает Даша.

– Скажи-ка, Дашенька, – обратился он к ней, – я вот человек ученый, и мне не очень верится в то, что эта история на самом деле происходила.

– А что бы вас убедить могло? – Даша спрашивает.

– Знаешь, – говорит председатель комиссии, – в науке закон такой есть: все, что в теории звучит, на практике должно подтвердиться.

– Этот закон не только в науке, он и во Вселенной действует, – отвечает Даша. – Да только не каждый может практическое воплощение увидеть.

– А можно ли твоей истории подтверждение найти? – председатель спрашивает.

Задумалась Даша на секунду, а потом ответила:

– Коль я одна этого захочу, чудо может и не случиться, а вот если все мне помогут – это обязательно произойдет!

Люди в зале зашумели. Каждый крикнуть пытался, что тоже очень хочет.

Тогда Даша к микрофону подошла. Все притихли и на нее внимательно смотрят. А Дарья взгляд свой вдаль устремила и замерла. Вдруг елка, что посередине зала стояла, всеми своими огнями ярко вспыхнула. В тот же миг лицо Даши чистым светом озарилось. Улыбнулась она и говорит:

– Ну, конечно же, как это я могла забыть! В нашей школе музей есть. В нем хранятся предметы, которые выпускники разных лет своими руками сделали. Так вот, в этом музее есть одна вещь, которую необходимо сюда принести.

Даша поманила рукой свою подругу Катю и, когда та подошла, что-то тихо шепнула ей на ухо. Катя из зала выскочила, а через несколько минут вернулась, неся в руках красивую коробочку. Она ее Даше передала. Даша коробочку открыла, вытащила оттуда что-то, и руку высоко над головой подняла.

Все, кто в зале сидел, увидели, что Даша держит в руке деревянную дудочку, сделанную в виде парящего сокола. Красив сокол. Взгляд мудрый и грозный. Охнул зал. А Даша дудочку опустила и стала в сидящих людей всматриваться. Через какое-то время она остановила свой взгляд на людях, сидевших в самом конце зала. Красивый русоволосый мужчина, лет сорока, держал на коленях девочку лет восьми. Она нежно прижималась к отцу. На девочке был русский наряд, искусно вышитый. Платье ручной работы, рукава узором замысловатым украшены. Густые волосы красной шелковой лентой перетянуты. Рядом с мужчиной сидела молодая красивая женщина.

Даша взгляд от семейной пары отвела и к залу обратилась:

– На этой дудочке есть клеймо мастера, да вот только не разборчиво оно написано. Не знает ли кто-нибудь, когда эта дудочка в нашем музее появилась и кто ее сделал?

Со скамейки старенькая учительница поднялась и говорит:

– Я знаю. Эту дудочку лет двадцать назад смастерил мой ученик Петруша Лазарев. Он тогда в десятом классе учился. Хороший был парень, давно я его не видела. Когда-то дудочка удивительный звук имела. Теперь играть на ней нельзя, наверное, ведь двадцать лет прошло.

– А вот мы сейчас и проверим, – сказала Даша. Она снова в зал посмотрела и говорит: – А нет ли среди присутствующих Петра Лазарева?

Мужчина, который девочку на коленях держал, снял ее аккуратно и поднялся.

– Петр Николаевич Лазарев – это я, – улыбнувшись, сказал он.

Удивленные взгляды всего зала были устремлены на него.

– А скажите, Петр Николаевич, – обратилась Даша к мужчине, – рядом с вами ваша дочь?

– Да, – кивнул мужчина.

– А можно попросить ее сюда выйти? – спросила Даша.

Девочка вопросительно посмотрела на отца и, когда тот кивнул, подошла к Даше.

– Скажи, – обратилась Даша к девочке, – как зовут тебя?

– Зоя, – тихо ответила девочка.

Вдруг Даша протянула ей дудочку и говорит:

– Сегодня праздник, Зоенька, сыграй нам что-нибудь.

– Да что ты, Дашенька, – испуганно ответила Зоя, – не умею я на дудочке играть. Я ведь даже в школу музыкальную никогда не ходила.

– Не бойся, Зоенька, – говорит Даша ласково. – Ты дудочку возьми и начни дуть в нее. А когда звук услышишь, ты глазки закрой и представь, что на полянке лесной находишься. Оглядишься вокруг и к звукам лесным прислушайся. Может быть, ты капель лесную услышишь или ветерок, что между деревьями шумит, а, может быть, журчание ручейка твоё внимание привлечет.

Зоя, как замороженная, на Дашу смотрит. Она секунду сомневалась, а потом дудочку из рук Дашиных взяла. Поднесла ее к губам и дуть стала. Дудочка приятный звук издала, а Зоенька глазки закрыла и стала на дырочки пальчиками нажимать.

Полилась по залу мелодия чудесная. Сначала она грустной была, как будто дудочка звала кого-то, как будто тосковала о ком-то родном и близком. Но чем дальше играла Зоенька, тем светлей становилась музыка. Вот уже и звуки лесные всем слышатся. Будто птицы поют диковинно, да листья на деревьях шуршат ласково. А звуков лесных все больше становится, и все они в общий хор сливаются. А мелодия звучит все торжественней, на гимн похожей становится, гимн жизни вечной в мире прекрасном и радостном.

Зоенька играть закончила и дудочку Даше протянула. В зале такая тишина наступила, что, кажется, биение сердец слышно. Пока Зоя играла, Петр Николаевич на нее смотрел удивленно, он как будто вспомнить что-то пытался.

В полной тишине к Даше председатель московской комиссии подошел. Он осторожно взял из Дашиных рук дудочку. Потом он в конец спортивного зала направился, где длинная лестница стояла. Он к елке ее приставил. Наверх по ней поднялся и прикрепил дудочку к самой макушке.

Зоенька удивленно то на папку смотрит, то на дудочку. В этот момент елочка снова всеми огнями вспыхнула.

– Папка! – вскрикнула Зоенька и на шею Петру Николаевичу кинулась.

Он одной рукой обнял Зоеньку, а другой смахнул слезу, на глаза набежавшую.

В этот момент все, кто в зале был, со своих мест повскакивали, закричали радостно и захлопали. Никто больше не сомневался в том, что Даша правду рассказывала. Люди счастье ощутили великое.

Елка всеми огнями радуги переливалась, она как будто настроение, вокруг царящее, чувствовала. Она смотрела радостно на людей ликующих. Смотрела живая и вечно зеленая детская новогодняя елка.

Подарок

Ранним субботним утром Даше позвонила Катерина.

– Пойдем, – говорит, – сегодня в город Дашенька. Там на центральной площади ярмарку устраивают. Товары посмотрим, на лошадке покатаемся, а самое главное, блинов поедим. Мне страсть как блинчиков хочется.

– А что, – отвечает Даша, – давай сходим. Я ведь тоже давно блинов не ела.

Катя к Даше домой забежала, потом девчонки вниз спустились и по дорожке к центру города направились. Идут, болтают да прикидывают, сколько блинов на пятьдесят рублей купить можно.

Дорожка длинная, но неширокая. По обе стороны тополя высокие растут. А в тени кустов скамейки деревянные стоят. Девочки уже до середины аллеи дошли. Вдруг смотрят – в самом конце на скамейке одинокая фигура виднеется. Подошли девочки поближе и видят: на скамейке их одноклассница Юля сидит. Голова поникшая, плечики опущены, ручки на коленках сложены, платочек носовой сжимают.

– Здравствуй, Юленька, – говорит Даша. – Ты что такая грустная?

Юля в ответ только всхлипнула да еще ниже голову опустила.

Девочки с двух сторон на скамейку присели. Ждут, когда Юля что-нибудь скажет. А Юля глаза платком вытерла и к Даше повернулась.

– Знаешь, Дашенька, – говорит, – я... у меня... Тимка...

Она не договорила и разрыдалась в полный голос. Девочки друг на друга удивленно смотрят.

– Кто такой Тимка? – Даша у Кати спрашивает.

Та только плечами пожала.

– Может, братишка ее? – предположила Катя. – Юля, да ты толком скажи, – потрясла она ее за плечо.

Юля еще минут пять всхлипывала, потом наконец в себя пришла и говорит:

– Тимка – это котенок.

– Фу ты, леший, – облегченно вздохнула Катя, – а мы уж, Бог знает, что подумали.

Ну и что там с котенком твоим произошло, пропал он, что ли?

– Да... то есть нет... то есть да – совсем запутавшись, пробормотала Юля.

– Чего нет и что да? – терпеливо спросила Катя.

– Подожди, Катюша, – вмешалась Даша, – дай ей успокоиться.

Юля совсем перестала всхлипывать и начала рассказывать:

– У меня дедушка и бабушка есть. Они в деревне живут. Эта деревня в тридцати километрах от города находится. У нас в деревне коровка есть, пес Бимка, а еще кот Барсик и кошка Мурка.

У Мурки в этом году котята родились, целых пять штук. Я сначала со всеми возилась. Никак решить не могла, какой из них мне больше нравится. А через какое-то время серенький котенок с красивыми полосками вдоль спины самым дорогим для меня сделался. У него такие глазки умные, и играл он забавно. Уже через неделю я никого, кроме него, не замечала. Как только в деревню приезжала, сразу в хлев бежала. Там наверху, на сеновале, я для них домик сделала.

Котенка я Тимкой назвала и так к нему привязалась, что только о нем все время и думала. Я его и в лес за грибами брала, и спать с собою укладывала, и рыбку ему из города привозила. Он всегда мне навстречу кидался, когда я к дедушке с бабушкой приезжала.

Однажды я в деревню приехала, а Тимка мне навстречу не выбежал. Я подумала, может быть, он с другими котятами заигрался. Пошла в хлев, а там его нет. Я к дедушке. А он говорит: «Не знаю, Юленька, не видел я твоего котенка».

Я во двор вышла и думаю: «Куда же это Тимка мог запропасться?». Вдруг смотрю – по двору кошка Мурка бегает, какая-то вся обеспокоенная. Она на меня посмотрела и замыкала жалобно. Потом она в сарай побежала. Там у дедушки дрова лежат. Я за ней следом в сарай зашла и вижу – один край поленницы развалился. Раньше дрова у дедушки были аккуратно сложены. Мурка на дрова запрыгнула: то на меня посмотрит, то пытается лапкой полено отодвинуть. Она лапой по нему скребет, да только полено тяжелое, никак ей не поддается.

Я к поленнице подошла и стала кучу развалившуюся разбирать. А Мурка вокруг меня бегает. «Что это, – думаю, – она ведет себя так странно». Когда я половину кучи разобрала, то жалобное мяуканье услышала. Я оставшуюся половину за одну минуту раскидала. Там в самом низу Тимка лежал. Он, видно, в сарае на дровах играл, поленница рухнула, и его завалило. Тимке повезло. Он в небольшую ямку упал, а дрова над ним как бы крышу образовали.

Когда я его вытащила, он такой жалкий был: худой, испуганный. Видно, он там дня три пролежал. Ох, и наревелась я тогда. Он ведь погибнуть мог.

После этого случая я решила, что в город его отвезу. Я у папы с мамой спросила: можно ли мне котенка домой забрать. Мама сказала, что забрать можно, только я должна знать, что заводить животных – шаг очень ответственный. Ведь за ними ухаживать нужно: и кормить, и гулять, и лечить, если заболеют. Я с радостью согласилась.

Привезли мы Тимку домой. Сначала все так здорово было. Мы с ним играли, я его кормила и даже туалет за ним убирала. Мама коробочку специальную купила, но Тимка никак туда ходить не хотел, всю квартиру нам описал. Только я не переживала, мне убирать за ним было не в тягость.

Однажды я заметила, что Тимка заскучал. Нет, он рад был меня видеть, он по-прежнему играл со мной, но, когда я занята была, он просто не знал, что делать. В

деревне-то все было иначе: если я поиграть хотела – он ко мне прибежал. А если я занята была – он своими делами занимался: с котятами играл, за птичками гонялся, цветочки, которые я посадила, нюхал. А в квартире-то городской нет этого ничего. Вот он и не знал, куда деваться.

Днем, пока я в школе была, он выспится, а ночью ему поиграть хочется. Я в кровать, а он по мне топчется, спать не дает. Я один раз не выспалась, другой раз в школу опоздала. Расстраиваться, капризничать начала. Вот меня уже и Тимка не радует. Однажды ночью я его папе принесла. «Пускай, – говорю, – он с тобой поспит, а то я совсем замучалась».

Папа взял его, конечно, ничего мне не сказал, только посмотрел на меня как-то очень внимательно.

На выходные мы опять в деревню собрались. Я решила Тимку с собой взять. Пускай он с котятами поиграет да по травке побегает. Приехали мы в деревню, Тимка из машины выскочил и к котятам пустился, они так играли здорово. А кошка Мурка облизывала его ласково, видно, тоже соскучилась.

Я своими делами заниматься стала, а когда Тимку увидеть захотела, я его позвала, и он два часа со мной возился. В деревне никто никому не мешал. Я и выспаться успела, и с Тимкой наиграться. Я поняла тогда – котенку здесь больше нравится.

Когда время пришло в город возвращаться, я решила Тимку не брать. Я ведь люблю его. Пускай будет там, где ему лучше. Так мы и жили: я в городе, а он в деревне. И всем хорошо было.

Через месяц котята подросли. Дедушка с бабушкой решили их в хорошие руки отдать. Да и действительно, не держать же семь котов в доме. Я была не против, только дедушку очень попросила Тимку моего никому не отдавать. Дедушка мне твердо пообещал, что они его оставят. Мы с ним в хлев пошли, и я всех котят ему показала, а потом Тимку принесла. Я дедушке объяснила: какие у моего котенка полоски на спинке, какие глазки, и чем он от остальных отличается. Они же все серые, сразу и не разберешь.

Я в город уехала и целую неделю уверена была, что, когда вернусь, Тимка мне навстречу выскочит.

– Представляете, – Юля снова всхлипывать начала, – приезжаю я в деревню, а его нет. Дедушка все перепутал. Он другого котенка оставил, а моего Тимку отдал. Он сказал, что они с бабушкой долго выбирали, да, видно, невнимательно смотрели.

Тимка для меня самым дорогим существом был, а они его чужим людям... Они говорили, что любят меня, всегда ждали, когда я в деревню приеду, а сами даже внимательно посмотреть не смогли. Это они виноваты, особенно дедушка, никогда больше в деревню к ним не поеду!

Юля опять расплакалась. Девочки ее не утешают.

– Знаете, – снова заговорила она, – мы с ним однажды на улице целый день играли. Так набегались, прямо ноги отваливаются. Я на копну залезла. Дай, думаю, отдохну. Глаза закрыла и заснула. Проснулась я оттого, что Тимка около уха травой шуршит. Смотрю я спросонья, и кажется мне, что Тима с травинкой играет. Я глаза протерла и вижу, что это не травинка, а змея. Ее дедушка, наверно, вместе с сеном на самый верх забросил.

Сначала я, от страха не шевелясь, лежала. Тимка глупенький, видно, решил, что это веревка, которая почему-то шевелится. Ему интересно. Он то за хвост змею потрогает, то в морду лизнуть пытается. Змея шипит. Вот-вот укусит. Уж не знаю, сколько я так пролежала. Наконец страх поборола, вскочила, схватила Тимку за шиворот и с копны спрыгнула. Я тогда за него сильно испугалась.

Мы никому ничего не сказали, только весь вечер на печке просидели, друг к другу прижавшись. Тимка тихо сидел, тоже, наверно, испугался. – Юля снова всхлинула. – Он был самый умный и самый добрый.

Проснулась я как-то утром. Это через два дня было после того, как мы со змеей встретились. Лежу на кровати, глаза не открываю. Слышу – Тимка по дому носится.

Потом он затих, а через минуту ко мне на кровать запрыгнул. Я глаза открыла, смотрю – а у него в зубах мышка. Я мышей не боюсь нисколечко. Тимка мышку на одеяло положил и носом мне ее подталкивает. А потом он мне в плечо уткнулся и замер. Понимаете! Он мне покушать принес. Он угостить меня хотел. Он же мне самое дорогое отдавал, что у него было – маленькую мышку. – Юля опять разрыдалась. – Я тогда мышку ему назад вернула и целый вечер его гладила.

– Ничего удивительного в этом нет, – сказала Даша. – Он тебе самое дорогое принес, потому что ты ему самое дорогое отдавала – любовь свою. Так всегда бывает, что в мир отдашь – то и назад получишь.

– А еще он говорить умел, – снова всхлипнула Юля.

– Ну, это уж ты загнула, – усомнилась Катя. – Это ведь все-таки кот, а не попугай.

– Ничего я не загнула, – возразила Юля. – Я часто Мурку при нем гладила и приговаривала: «Муся, Муся». А однажды сажу я на диване, Тимку глажу. Забылась, наверное, и говорю: «Муся хорошая».

А он, представляете, мурлыкал сначала, а потом затих, а через минуту слышу – он произносит: «Муусся, муусся». Да так отчетливо. Я от неожиданности даже подпрыгнула. А потом он часто так делал.

Девочки только удивленно головами качают.

– Нет больше у меня Тимки, – печально говорит Юля.

Вдруг лицо ее изменилось, и она сказала решительно:

– Плохой у меня все-таки дедушка, не любит он меня, да и бабушка не лучше. Не поеду к ним больше!

Даша с Катей переглянулись. При этом Катя укоризненно головой покачала. Юля, видно, еще сказать что-то хотела, да только Даша ее опередила:

– То, что дедушка тебя не любит, наверное, правда. Так невнимательно к тебе отнестись только чужой человек мог. Да только ты не сердись на него Юля, ты ведь свою маму еще больше не любишь.

Юля до того удивилась, что даже про горе свое забыла.

– Что ты говоришь, Дашенька? – спросила она растерянно. – Да кто тебе сказал такое? Свою маму я очень люблю, она у меня самая лучшая.

– Да так ли это, Юленька? – усомнилась Даша. – А скажи-ка мне, ты ведь у нас девочка умная да сообразительная, примеры из математики как орехи щелкаешь. Только оценки у тебя не очень: то пятерка, то тройка. Вон на прошлой неделе за контрольную по математике ты тройку получила. Как это ты умудрилась?

– Я, Дашенька, между прочим, все правильно решила. Я даже с задачей справилась, – возразила Юля.

– За что же тройка тогда? – спросила Даша.

– Я все примеры на черновике сначала решала, – ответила Юля, – а потом в тетрадь переписывала. Только я невнимательно посмотрела и вместо цифры 58 – 56 написала.

– А по русскому языку почему тройку получила за проверочную работу? – снова задала вопрос Даша.

– Так ведь я слово «варежка» с буквой «ш» написала, а в слове «подъезд» вместо твердого знака мягкий поставила.

– Опять по невнимательности, что ли? – спросила Катя.

– Ну да, – непонимающе подтвердила Юля. – Я действительно не очень внимательная, мне и мама об этом говорит. Только при чем здесь все это? – удивленно спросила она.

– Ну, раз ты не поняла еще, тогда я тебе объясню, – ответила Даша. – Ты дедушку в чем обвинила? В том, что он внимательности к тебе не проявил, когда ты просила его котенка оставить. О другом думать себе позволил. Ведь это ты заявила, что любящий человек так поступать не может. Так ведь он это только один раз сделал, а ты маму уже

третий год мучаешь. Кто же из вас кого больше не любит? – спросила Даша и продолжила:

– Вселенная тебе много раз подсказать пыталась, что ты любимому человеку больно делаешь. Да ты ведь у нас только себя жалеть научилась. Ты даже, когда Тимку оплакиваешь, не думаешь о том, что ему у других людей лучше. Когда кого-то любят – счастья ему желают, а ты слезы льешь.

Вселенная все, что могла, сделала. Но ты ведь у нас девочка равнодушная, вот она для тебя историю с котенком и придумала. Может быть, ты на своем примере поймешь, что такое твоя невнимательность.

Мама с тобой целые вечера просиживала, уроки учила, помочь старалась. Каждый раз она надеялась, что ты пятерку принесешь, только ты ведь маму не любишь. Тебе все равно, что она чувствует!

Юля больше не плакала. Она сидела задумавшись. Наконец она подняла голову и сказала:

– Наверное, ты права, Дашенька. Только все равно, все это несправедливо. Свою невнимательность я могу исправить, а Тимку мне Вселенная не вернет.

– Как знать, – задумчиво сказала Даша, – всякое в этой жизни случается, да только именно ты первой шаг должна сделать. Скажи-ка, когда у твоей мамы день рождения?

– Через три месяца, – ответила Юля.

– И что же ты ей подарить собираешься? – снова задала вопрос Даша.

– Я ей картину красивую нарисую. Я ведь в художественную школу хожу и рисовать у меня хорошо получается. Да ты ведь и сама говорила, что родителям лучше дарить то, что своими руками сделано, – сказала Юля.

– То, что подарки своими руками делать нужно, – это верно, да только очень важно дарить человеку то, что он получить хочет.

– Так что же мне маме подарить? – спросила Юля.

– Подари ей свою внимательность, – ответила Даша.

– Как же я, Дашенька, это сделаю? – удивилась Юля.

– А ты сделай так, чтобы через три месяца у тебя ни одной тройки за невнимательность не было да чтобы в дневнике твоём все красиво написано было. Тогда, может быть, и Вселенная тебе подарок сделает, – ответила Даша.

Юля снова задумалась и говорит решительно:

– Хорошо, Дашенька, я сделаю то, что ты говоришь. Я сделаю это хотя бы для того, чтобы доказать, что ничего не может твоя Вселенная!

– Ну-ну, – усмехнулась Даша.

Они с Катериной поднялись со скамейки.

– Пойдем, Катюша, домой, – говорит Даша. – Все наши блины уже съели, хоть чаю у меня попьем.

Ушли девочки, а Юля одна осталась. Она еще немного посидела на лавочке, потом домой направилась.

Когда она в квартиру зашла, папа с мамой за столом сидели, чай пили. Юля в кухне потопталась немного, а потом говорит:

– Мамочка, а можно вас с папой попросить в мой дневник пока не заглядывать?

– Это почему еще? – удивился папа. – Там все так страшно?

– Да нет, – ответила Юля. – Ну, пожалуйста.

Мама внимательно на нее посмотрела и говорит:

– Хорошо, Юля, давай так сделаем: ты нам дневник и тетради покажешь тогда, когда сама сочтешь нужным.

На том они и порешили.

Через три месяца у Юлиной мамы гости собрались. Было много цветов и подарков. Еще утром папа и Юля праздничный обед приготовили и за цветами в магазин сходили. Наконец все собрались, и мама гостей за стол пригласила. Перед тем как за стол сесть,

каждый гость маме подарок вручал и говорил что-нибудь приятное. Юля самой последней оказалась. Она со своим подарком подошла, когда все гости уже за столом сидели.

– Дорогая мама, – говорит Юля, – я хочу подарить тебе два подарка. Вот это – первый.

Она протянула маме красивую картину, которую держала в руках. Гости картину увидели и восхищенно головами закивали. А Юля продолжает:

– А вот это – мой самый главный подарок, мамочка, это то, что ты от меня больше всего получить хотела.

И она протянула удивленной маме конверт запечатанный. Мама конверт взяла, а на нем написано: «Подарок любимой маме на день рождения – Моя внимательность».

Мама конверт открыла, а там Юлины тетрадки и дневник. Тут к ней папа подошел. Стали они тетрадки листать. А в них все так красиво написано и только одни пятерки. И дневник чистенький и тоже только с пятерками. Наконец мама поняла, о какой внимательности Юля говорила. Присела она около дочери и говорит:

– Спасибо тебе, доченька. Твой подарок для меня – самый дорогой!

Видит Юля, что у мамы слезы на глазах, и чуть сама не расплакалась. Мама Юлю в щечку поцеловала, поднялась и говорит гостям:

– Только самый любящий человек такие подарки может делать, я самая счастливая мама на свете, потому что у меня самая лучшая дочка.

Тут все гости захлопали, а Юля опять чуть не разревелась. Только она сдержалась и говорит:

– Мамочка, вы тут с гостями посидите, а я во дворе погуляю.

– Хорошо, доченька, – ответила мама.

Юля собралась и на улицу вышла.

Хорошо на улице. Солнышко светит, прохожие улыбаются. Идет Юля по дорожке, а на душе у нее птицы поют.

Задумалась Юля и не заметила, как забрела на то место, где с девочками три месяца назад разговаривала. Смотрит – та же скамейка стоит, а на ней Даша и Катя сидят. О чем-то оживленно беседуют. Подошла к ним Юля, поздоровалась.

– Как дела, Юленька? – спрашивает Даша.

– Хорошо, – отвечает Юля. – Сегодня у моей мамы день рождения. И я ей свою внимательность подарила.

– Ну и как ей подарок понравился? – Даша лукаво спрашивает.

– Очень понравился, Дашенька, – отвечает Юля. – Ты права была, мой подарок действительно самым дорогим оказался. А мне самой так хорошо, будто это я подарок получила!

Тут Юля задумалась, а лицо ее печальным сделалось. Она на скамейку к девочкам присела и говорит:

– Я-то свое обещание выполнила, а вот мое желание никто исполнить не сможет, даже твоя Вселенная.

Замолчала Юля и под ноги себе смотрит. Катя с Дашей переглянулись. А Юля продолжает:

– Хоть бы одним глазком на Тимку посмотреть, погладить бы его разок.

Она на Дашу глаза подняла и видит, что она ее не слушает, в другую сторону смотрит. И Катя почему-то вместе с Дашей в сторону отвернулась.

– Вам, наверное, девочки, со мной совсем не интересно, – печально говорит Юля, – пойду я.

Девочки к Юле повернулись, а Даша говорит:

– Нам, Юленька, с тобой очень интересно. А уходить ты не торопись. Никак не пойму, – говорит она задумчиво, – что это там по тропинке к нам движется.

– И мне никак не разглядеть, – говорит Катя.

Юля без всякого интереса взглянула в ту сторону, куда девочки указывали. Прямо к ним по тропинке двигался котенок, он был очень худой и взлохмаченный. При каждом шаге его покачивало и было видно, что каждый шаг ему с большим трудом дается.

Юля на котенка посмотрела равнодушно и говорит:

– На моего Тимку похож. Такие же лапки беленькие и полоски на спинке есть.

Девочки на Юлю посмотрели внимательно, а потом на котенка взгляд перевели. Котенок тем временем к девочкам подошел. Он всех троих осмотрел, а потом на землю сел, прямо напротив Юли.

– Ну, вылитый Тимка, – говорит Юля.

Котенок видимо почувствовал тепло, от девочек исходящее, и говорит:

– Мур, мур.

– Даже голос похож, – говорит Юля.

Девочки снова на Юлю посмотрели. А котенок тем временем опять:

– Мур, мур, – а потом замер на секунду и произнес: – Мууся, мууся.

Юля на скамейке так подпрыгнула, что чуть на землю не грохнулась.

– Этого не может быть! – воскликнула она.

Она ошарашено смотрела на котенка.

– Я так понимаю, – ехидно сказала Катя, – что, пока этот кот на чистом русском языке не представится, эта балда не поверит.

– Тимка! – завизжала Юля и кинулась к котенку.

Она подхватила его на руки и к себе прижала. Она так крепко прижимала его, что Даша ей сказала:

– Юлька, ты от радости задавишь кота, тогда уж точно Вселенная помочь тебе не сможет.

Юля ослабила объятия и зарыдала в голос.

– Ну вот, – говорит Катя, – у нее что не событие, то слезы. Горе – ревет, радость – ревет. У тебя ничего другого в репертуаре нет?

Юля ее почти не слышала, она все гладила и гладила своего Тимку.

– Слушай, Юленька, – сказала Даша, – отнеси-ка ты котенка домой, его покормить да помыть не мешает. Судя по всему, он все тридцать километров пешком отмахал.

Юля закивала головой и бросилась домой.

Дней через пять Дарья решила к Катерине заглянуть. Вышла на улицу, идет по дорожке, о своем думает. Вдруг видит – около подъезда на скамейке Юля сидит. Лицо счастливое, глазки огнем радостным светятся.

– Здравствуй, Юля, – поздоровалась Даша. – Как дела у тебя?

– Здравствуй, Даша, – ответила Юля. – У меня все хорошо.

Она немного подумала, а потом и говорит:

– Знаешь, Дашенька, ты права была. Ни в чем мои бабушка с дедушкой не виноваты. Это из-за меня все произошло, теперь я это точно знаю! Я к ним обязательно в деревню поеду!

– Вот и молодец! – говорит Даша.

Смотрит на Юлю. А та счастливая сидит, во весь рот улыбается, а на коленях у нее сладко посапывает маленький подарок Вселенной. Мягкий и пушистый, самый дорогой для Юли **подарок** в мире.

Памятник

Конец апреля. На улице погода чудесная. В школе последний урок закончился. Учительница попросила ребят остаться и объявила, что завтра уроков не будет, так как вся школа будет заниматься подготовкой к празднику 9 мая. Обрадовались ребята и стали домой собираться.

На следующий день все ученики на школьном дворе собрались. Завхоз объяснил, что делать нужно, и каждому инструмент вручил.

Девочки листья прошлогодние граблями в кучи сгребают, а мальчишки их на носилках за пределы двора школьного относят. Там в конце большой костер развели.

Много детей в школьном дворе порядок наводят. Тут и выпускники, и первоклашки. Мальчишки из пятого класса по двору носятся, листья прошлогодние в девчонок кидают. Девочки с ними ругаются, грозятся завучу пожаловаться.

Перед школой большая ель растет. Даша с Катериной около нее работают. Дарья к елочке подошла. Веточки погладила, на шишки, что на верхушке растут, посмотрела, и говорит:

– Глянь, Катюша, красавица какая!

Подошла Катерина и тоже на елочку смотрит. Елочка на ветру покачивается, девочкам кивает приветливо.

Девочки уже собрались за работу приняться, как вдруг на школьный двор две грузовые машины подъехали. На одной был установлен кран, а из кузова другой торчала какая-то конструкция железная.

Из машины рабочие вышли. Двое молодых, а один постарше, видимо, их начальник. Они стали из кузова какие-то инструменты доставать.

Ребята работать бросили, на рабочих с любопытством смотрят. А те к елке подошли и инструмент на земле разложили. Молодой рабочий бензопилу стал настраивать, а пожилой на елку задумчиво смотрит.

У одного из тех, что помоложе, каска желтая на затылок сдвинута, брюки в сапоги заправлены. Руки у парня в татуировках. Во рту зуб железный блестит. Он на учеников свысока глянул. Сплюнул сквозь зубы. И спрашивает:

– Эту пилить что ли, бригадир?

– Похоже, эту, – ответил тот, что постарше.

– Щас мы ее в один момент завалим, – усмехнулся молодой.

Катя на рабочих удивленно посмотрела, а потом у Даши спрашивает:

– Что это они, Даша, с нашей елочкой делать собираются?

– По-моему, они нашу красавицу спилить хотят, – ответила Даша задумчиво. – Пойду у их начальника спрошу.

Она к старшему подошла и спрашивает:

– Скажите, дяденька, что вы с нашей елкой делать собираетесь?

Тот на Дарью ласково посмотрел и говорит:

– Спилить, доченька. Праздник ведь скоро. Во всем городе приготовления идут. Люди ветеранов поздравлять будут. Директору вашей школы приказано мероприятия торжественные организовать. Городские власти памятник для этой цели изготовили. И камень гранитный с фамилиями солдат, что во время войны погибли. Многие из них в

вашей школе учились. Памятник в нашей машине лежит. Мы его установим, а потом трибуну соорудим.

– Нельзя, дяденька, эту елку пилить! – говорит Даша.

– Да я и сам не хочу, – бригадир ей отвечает. – Вон ведь какая красавица! Да только что я сделать могу. У меня ведь начальство есть. Оно приказало, а я только исполняю. Да ведь это место ваш директор указал, у вашей школы памятник-то больше и поставить некуда.

– Что ты, бригадир, с этой малышкой разговариваешь? – насмешливо спросил парень с татуировкой на руке.

Он подошел к елке и, присев на одно колено, стал заводить пилу.

Даша перевела взгляд в сторону парня. Она внимательно смотрела на его руки. Катерина, стоявшая рядом, заметила, что у Даши был очень напряженный взгляд. Наверное, поэтому у нее даже вены на лбу вздулись.

Повозившись немного с пилой, парень дернул за шнур. Пила рыкнула, но не завелась. Парень снова дернул шнур, ситуация повторилась. Даша все также напряженно смотрела на пилу. После третьей попытки парень удивленно уставился на инструмент.

– Что это с ней, Петрович? – обратился он к бригадиру. – Ведь полчаса назад она как часы работала.

– Может, свечу залило? – предположил бригадир. – Ты подергай – должна завестись.

Парень прижал пилу ногой к земле и принялся бешено дергать за шнур. Даша все также, не отрываясь, смотрела на инструмент. Пила не заводилась. Наконец, парень, устав дергать, отпустил шнур и присел рядом с пилой.

– Вот зараза! – в сердцах сказал он. – Что делать-то, Петрович?

– Выкрути свечу, – сказал тот равнодушно, – проверь, есть ли искра. Если нет – свечу замени да топливо подрегулируй.

Парень отошел немного в сторону и стал разбирать инструмент. Как только он отошел, Даша расслабилась и снова посмотрела на бригадира.

– Эту елку нельзя пилить, дяденька, – сказала она мягко, но настойчиво. – Она легендарная!

– Ага! – захохотал парень, который возился с пилой, – точно легендарная, ее Кутузов посадил.

Вокруг рабочих собралась вся школа. Ребята стояли полукругом, им было интересно посмотреть, что происходит. Впереди стояли старшекласники. После слов парня некоторые из них заулыбались. Со всех сторон послышались шутки и смех.

– Нет, эту елку не Кутузов посадил, – спокойно возразила Даша. – Это наш старый учитель Иван Николаевич сделал!

После ее слов вокруг наступила тишина.

Ивана Николаевича в школе знал каждый. Здесь не было человека, которого бы он ни учил.

Иван Николаевич пришел в школу сразу после войны и вплоть до прошлого года преподавал. Умный и тихий учитель был. Никогда он на учеников не кричал, поэтому даже самый последний двоечник уважал и любил его. Его уроки истории были настоящим произведением искусства. Когда он рассказывал, картины из прошлого становились живыми, и у всех создавалось ощущение, будто ты сам там присутствовал. Но не это было самое главное. Он учеников своих всегда поощрял думать самостоятельно над событиями минувшими. Радовался очень, когда ученики с ним спорили и свою точку зрения высказывали, которая не совпадала с учебником.

Жил он один, тихо и незаметно, в небольшой квартире на окраине города. Последний год болел часто и уже не преподавал. Умер он так же тихо, как жил.

– Вы почему не работаете? – вдруг раздался грозный голос.

Через толпу детей, активно работая локтями, пробиралась завуч школы. Наконец она добралась до елки и остановилась рядом с Дашей.

– Во, во, – отозвался парень с татуировкой, – сами не работают и нам не дают.

– Как это не дают? – удивилась завуч.

– Вот так и не дают, – презрительно глядя на Дашу, сказал парень, – елку, говорят, пилить нельзя.

– Что здесь происходит? – раздраженно спросила завуч.

– Эту елку нельзя пилить! – спокойно ответила Дарья, глядя ей прямо в глаза. – Потому что ее Иван Николаевич посадил. Мама этой елочки во время войны дважды жизнь Ивану Николаевичу спасала, и не только ему. Она как памятник посажена.

Завуч, не ожидавшая такого ответа, на мгновение растерялась. Однако через секунду она пришла в себя и перешла в наступление.

– А ты знаешь, что мы для ветеранов, подарок сделать хотим? – решительно заявила она: – Этот памятник по специальному заказу сделан. Знаешь сколько на него денег потрачено?

– Ветераны памятник себе уже поставили. Это живой памятник бессмертному подвигу солдат погибших. Неужели вон та железка, – Даша кивнула в сторону грузовика, – дороже, чем этот памятник.

Завуч что-то хотела возразить, но в этот момент к ней подошел учитель физкультуры.

– Что у нас здесь, Маргарита Арнольдовна? – поинтересовался он.

– Да вот... – только и нашлась, что ответить завуч.

– Пусть Дарья расскажет, – выкрикнул кто-то из школьников.

Даша паузой воспользовалась и рассказывать начала:

– Эту ель старый учитель посадил, когда с войны вернулся. Иван Николаевич всю войну прошел от первого до последнего дня. Он в пехоте служил. Когда наша армия столицу Австрии освобождала, от командования приказ поступил – не применять пушки и авиацию. В Вене, столице Австрии, много памятников архитектуры было, и наше командование сохранить их пыталось.

Иван Николаевич со своим отделением к центру города пробивался. Бои шли очень упорные. Немецкие снайперы многих солдат из его взвода ранили или убили. До центра города всего пять человек дошло. Иван Николаевич со своими солдатами за огромной елью укрылся. Он каску снял и хотел пот со лба вытереть. В этот момент большая шишка ему прямо на голову упала. Пригнулся он. И в это мгновение пуля снайпера в ель ударила, аккуратно в то место, где до этого его голова была. А шишка еловая прямо в каску свалилась. Иван Николаевич шишку в карман сунул, каску надел и из-за елки выглянул. И как раз вовремя. Увидел он, что в то место, где они находились, гранатометчик немецкий целится. «Ложись!» – только и успел он скомандовать и за елкой упал. В этот момент выстрел грянул, и взрыв последовал. Елка на себя все осколки приняла. Только не выдержала она и пополам переломилась.

Немцев из дома тогда другое отделение выбило. Бойцы Ивана Николаевича оказались только легко контужены, но каждый до конца войны дожил.

В память об этом случае он эту ель и посадил. Иван Николаевич ее из семечка той шишки вырастил, что ему на голову упала. Это – памятник елке-спасительнице.

Молчат ребята. Маргарита Арнольдовна на учеников смотрит. Досадно ей, что стала этот вопрос при детях обсуждать. Понимает она, что елку теперь очень трудно спилить будет, многие против нее настроены.

Так получилось, что, когда ребята вокруг елки собрались, Даша и Катя в центре оказались. Школьники напротив них стояли. В первом ряду среди старшеклассников стояла первая красавица школы – Света Меньшикова. Она с любопытством смотрела на девочек. Света стояла, скрестив руки на груди, прислонившись к плечу высокого красивого парня.

Даша знала, что Света влюблена в этого парня. Они действительно были красивой парой. Парня звали Игорем. Он был из довольно состоятельной семьи, наверное, поэтому

всегда был одет по последней моде. Игорь был отличником. На своих сверстников, а уж тем более на малышей он смотрел свысока.

Вот и сейчас он насмешливо глянул на Дашу и произнес надменно:

– Мало ли какие сказки нам тут малышня рассказывать будет. Решили памятник установить, давайте установим.

Из толпы школьников вышел первоклассник.

– Это не сказки, – заявил он. – Все, что Даша говорит, – это правда. Мой дедушка вместе с Иваном Николаевичем воевал. Он мне тоже эту историю рассказывал.

Мальчик подошел к Даше и Кате и встал рядом с ними.

– Я тоже не дам эту елочку спилить, – решительно сказал он.

– Еще один защитник природы нашелся, – ядовито сказал Игорь. – Можно подумать, тебя кто-нибудь спросит.

После его слов Света, опиравшаяся на его плечо, аккуратно отстранилась и с удивлением посмотрела на своего парня.

– Ты действительно так считаешь? – спросила она, испытывающе глядя на Игоря.

– Конечно, – холодно ответил он. – Начальству виднее, какой памятник устанавливать. Если каждый думать начнет да со своими советами лезть, мы даже сарай построить не сможем.

– Может, с этой елкой действительно повременить? – обратился к завучу учитель физкультуры. – Надо бы с директором посоветоваться. Кстати, нам надо еще деревья за школой спилить. Мы же собирались в этом году спортивную площадку расширять. Там у нас футбольные ворота криво стоят. Им деревья мешают. Три тополя да дикие яблони прямо на футбольном поле растут. Если их спилить, то мы сможем еще и беговую дорожку сделать. Пускай рабочие пока туда идут, а мы за это время до директора дозвонимся.

– А может, ваши умники и там нам работать не дадут, – снова встрял в разговор парень с татуировкой, – глядишь, они так скажут, что деревья рубить вообще нельзя.

Парень стоял, засунув руки в карманы и выставив вперед ногу в начищенном до блеска кирзовом сапоге. Он выплюнул папиросу, повернулся к Даше и ехидно спросил:

– Может, ты скажешь, что и их пилить нельзя, может, дикие яблони тоже героические да легендарные?

– Ничего легендарного в этих яблонях нет, – ответила Даша. – Только они не дикие. Ласковой и благодарной рукой они посажены.

Молчат все, а Даша продолжает:

– Когда учитель наш с войны вернулся, он в деревню родную поехал. Он ведь не из нашего города был. В деревне у него жена и трое детей оставались. Он для них подарки разные из Германии вез. Он их за хлеб у немцев выменивал. Жене – платок пуховый, двоим сыновьям – машинки игрушечные, младший дочке – куклу красивую. За всю войну от жены он только одно письмо получил, но по этому поводу не расстраивался – война ведь. Его из части в часть нередко переводили. Наверное, поэтому, думал, и письма его найти не могли. Да и деревня, где он жил, немцами была занята.

Когда Иван Николаевич до деревни доехал, к своему дому направился. Идет по деревне, смотрит – дома все целы. Видимо, немцы сжечь их не успели, когда отступали. Подошел он к тому месту, где дом его стоял, и видит – на месте дома пепелище, и только труба печная торчит. Кинулся он по соседям узнать, где семья его. Молчат люди, взгляд отводят да головы опускают. Наконец соседка одна рассказала ему, что случилось.

В самом начале войны, когда наши войска отступали, вслед за ними в деревню немцы вошли. В деревне только бабы, старики да подростки остались. Все мужики на фронт ушли. Немцы жителей на площадь согнали и объявили, что если кто-то из них помогать красной армии станет, того они расстреляют.

Как-то зимой жена Ивана Николаевича – Анастасия, в лес за дровами пошла. Трое детей у нее. Хочешь не хочешь – а кормить надо. В лесу она на бойцов наших наткнулась. Они из окружения выходили да в засаду попали. Все трое ранены, сами идти не могут.

Анастасия ночи дождалась и по одному их на сеновал к себе перетащила. Знала она, чем рискует, да уж больно жалко ей солдатиков было. Молоденькие они совсем, если немцы их поймают – точно расстреляют. Месяц она их лечила и кормила. Двое быстро поправились, и Анастасия их одного за другим в лес к партизанам отправила. Третий же тяжело ранен был. Поправлялся долго. Но и его она смогла бы на ноги поставить, немного совсем оставалось. Еще бы чуть-чуть и ушел бы солдат, да только, видно, не судьба.

В деревне их предатель оказался...

При этих словах Даша почему-то на парня с татуировкой посмотрела и продолжила:

– Он и рассказал немцам, что Анастасия красноармейцев прячет. Ладно бы он жизнь свою спасал, его бы понять можно было. Но этот человек выслужиться перед немцами хотел.

Немцы утром нагрянули. Весь дом они обыскали, потом на сеновал забрались, там солдата и обнаружили. Его во двор вытащили, били долго. Немцы сведения о наших войсках получить хотели. Да только не смогли они сломить дух русский. Ничего солдат им не сказал. Тогда немцы его к дереву поставили и расстреляли.

Анастасия все это видела. Поняла она, что немцы с ней сделают. Чтобы детей своих спасти, она сама к немцам вышла. Немцами молодой эсэсовец командовал. Он был худой да лощеный. Его сапоги всегда идеально начищены были. И он по ним тросточкой постукивал.

По его приказу всю деревню к дому Анастасии согнали. Через переводчика он объявил, что за помощь врагу Анастасия примерно наказана будет и все должны это видеть. Только немцы не расстреляли ее. По приказу офицера ее обратно в дом втолкнули. Окна и двери досками забили, лишь одно окно оставили, перед которым односельчане стояли. Возле окна немцы двух автоматчиков поставили. Дом бензином облили, а потом подожгли.

Люди видели, как Анастасия по дому металась, она хотела детей спасти. А когда поняла, что не сможет, она к окну подошла и перед ним встала. На руках она пятилетнюю дочь держала, а впереди нее сыновья стояли. Им в то время было девять и одиннадцать лет.

Когда дом загорелся, вся деревня заплакала, бабы в голос завывали. Только дети Анастасии не плакали. Молча стояли ее сыновья, ладошки в кулачки сжаты, а взгляды смело на немцев устремлены. Дочь Пелагея мамку за шею обняла и к щеке ее прижалась. Анастасия что-то сказала ей ласково.

Знали дети, что сейчас с ними произойдет, знали и не плакали. В последний момент Анастасия платок с головы сняла. Ее волосы золотистые по плечам рассыпались. Она людям улыбнулась. Может быть, мужа любимого в этот момент вспомнила, а может, солдат спасенных. И от улыбки ее еще сильнее зарыдала деревня. В этот момент крыша рухнула.

.....

На следующий день все, кто оружие мог держать, из деревни к партизанам ушли. Люди поклялись эсэсовца поймать, и слово свое сдержали. Его через год нашли, судили и на площади повесили. А деревню именем Анастасии назвали.

После того, как Иван Николаевич узнал о том, что случилось, он к пепелищу родному вернулся. В сад вошел, что они с женой и детьми сажали. Там он на землю сырую упал и три дня пролежал как мертвый. Местные жители помочь ему хотели, да только не отзывался он. Через три дня он в себя пришел. Игрушки, что для детей вез, из мешка вынул и под деревья поставил. Туда же и платок положил. Потом он месту родимому поклонился и навсегда в чужие края ушел.

Он в Москву уехал. Там институт закончил, и его по распределению в наш город учителем направили, здесь он навсегда и остался.

Года через два его солдаты разыскали, которых Анастасия спасла. Долго они с ним беседовали. Потом они все вместе в деревню к Ивану Николаевичу поехали. Пепелище травой поросло, только сад остался. Они оттуда семена и саженцы привезли и перед нашей школой посадили.

– Видите, – Дарья рукой в сторону школьного двора указала, – три тополя в рядок посажены – это солдаты, которых Анастасия спасала. Тот, что в центре, молния почти пополам расколола. А ветром его на один бок завалило, он на соседний тополь опирается. Это солдат молоденький, которого немцы замучили. Перед тополями яблоня большая посажена, а перед ней две поменьше – это Анастасия и сыновья ее. Рядом с яблоней пригорок небольшой, и на нем вишенка растет. Если из кабинета Ивана Николаевича смотреть, то вишенка чуть выше яблони получается. Такое впечатление создается, будто женщина ребенка на руках держит. Это Анастасия и дочь ее младшая.

В прошлом году Иван Николаевич болел сильно. Я к нему приходила часто. Летом я в деревню собиралась, и в последний день, перед отъездом, он мне горшочек передал, в котором клен был посажен. «Сделай с ним, доченька, то, что душа твоя подскажет», – сказал он.

Когда я из деревни вернулась, узнала, что старый учитель умер. Плакала долго. Осенью я клен его рядом с яблонькой посадила. Теперь они навсегда вместе будут. С этого дня их души никто разлучить не сможет.

Я сделала то, что душа моя хотела. Теперь вы, – обратилась она к учителю физкультуры, – можете сделать то, что ваша душа просит. Возьмите пилу, – Дарья на инструмент рукой показала, – спилите эти деревья. Ведь очень важно ворота футбольные выровнять и дорожку беговую сделать. Для нашей школы самое главное – побольше бегунов вырастить.

Замолчала Дарья. Раскраснелась от речи пламенной, на завуча смотрит. Вокруг тишина мертвая.

Через некоторое время ученики в себя приходиться стали. Перешептываются.

Маргарита Арнольдовна совсем растерялась, что делать, не знает. Учитель физкультуры голову вниз опустил и молчит. Рабочие инструмент свой оставили, на Дарью смотрят. Только парень с татуировкой продолжает с пилой возиться.

– Петрович, долго мы с этими вундеркиндами спорить будем? – вдруг зло сказал он, обращаясь к бригадиру. – У нас работа стоит, мы еще два заказа выполнить должны. Деньги за разговоры нам платить никто не будет. Надавать им подзатыльников да разогнать, всего и делов-то.

– Ну, им ты, может быть, подзатыльников и надаешь, ты вот мне попробуй, – послышался спокойный голос.

Из толпы учеников вышел высокий крепкий парень. Его широкие плечи и здоровенные кулаки говорили о том, что надавать ему подзатыльников будет очень непросто. Он подошел к Даше и Кате и встал рядом с ними.

Даша знала этого парня. Это был Андрей Фирсов – ученик выпускного класса. Учился он плохо. Вообще было непонятно, каким чудом он доучился до последнего класса. Он не был глупым, скорее даже наоборот. Нередко он с легкостью решал самые сложные задачи, а иногда не мог ответить на самый простой вопрос. Даша слышала однажды, как сокрушалась его классная руководительница. Она говорила, что у Андрея очень светлая голова, только он учиться совсем не хочет.

– Мне как раз размяться не помешает, – добавил Андрей, поводя широкими плечами.

– Я тоже давно подзатыльников не получал, очень хочется попробовать, – раздался еще один голос.

Из толпы выбрался другой ученик и встал рядом с Андреем. Это был его закадычный друг Колька. Он был ниже Андрея, но крепкий и коренастый. Его сломанный нос придавал ему вид уличного бандита.

– Ну что ты, «герой нашего времени», – сказал он, насмешливо глядя на парня с татуировкой, – как насчет подзатыльников?

– Нам тут еще драки не хватало, – всплеснула руками Маргарита Арнольдовна. – Ну, куда ты, Фирсов, лезешь? Твое присутствие в школе и так под большим вопросом.

– А он хочет, чтобы его в колонию для несовершеннолетних отправили, – презрительно проговорил Игорь. – Учиться ему мозгов не хватает, так вот он и решил тут перед нами показным героизмом поковырять. И ситуация подходящая, – продолжил он. – Эта недоучка, – кивнул он в сторону Даши, – нам тут байки рассказывает, а этот на амбразуру готов кинуться.

– Это не байки, – послышался детский голосок.

Вперед вышла первоклассница с большими белыми бантами.

– Мой дедушка был одним из тех, кого жена Ивана Николаевича спасла. Он мне сам говорил, что если бы не Анастасия, его бы в живых не было, а значит, и меня. Я тоже не дам эту елочку срубить, – решительно сказала она.

Малышка подошла к первокласснику, стоявшему около Даши, встала рядом и взяла его за руку.

– Я надеюсь, на этом героические выкрутасы закончатся, – громко и презрительно произнес Игорь, – или есть еще желающие вылететь из школы за срыв ответственного мероприятия.

– Думаю, что есть, – послышался звонкий голос.

Светка Меньшикова, первая школьная красавица, шагнула к ребятам и встала рядом с Андреем Фирсовым.

– Меньшикова, ты-то куда? – удивленно воскликнула Маргарита Арнольдовна. – Ну, я понимаю эту малышню – глупые они еще, что с них возьмешь. По Фирсову давно тюрьма плачет, его вот-вот из школы выгонят. Но у тебя-то – блестящее будущее, тебе в институт поступать надо, а ты к этим бандитам решила присоединиться.

– Блестящее будущее потерять не страшно, Маргарита Арнольдовна, – улыбнувшись, ответила Света, – Совесть потерять страшно.

Она посмотрела на Андрея Фирсова и вдруг решительно взяла его под руку. Андрей сразу как-то подтянулся и расправил плечи. Было видно, что теперь ему море по колено.

– Ну, Андрюха, – завистливо сказал Колька, – если бы меня такая девочка под руку взяла, мне бы и сотня бандитов была нипочем.

Он презрительно глянул в сторону парня с татуировкой и слегка ударил кулаком в свою ладонь.

– Ты у нас и так герой, – улыбнувшись, ответил Андрей.

– Тебе не кажется, Светик, что ты сильно ошибаешься, – снова вступил в разговор Игорь. – Я и раньше подозревал, что ты недалекого ума, – сказал он презрительно, – но теперь ты это еще раз доказала. Однако любую ошибку можно исправить, если сделать это вовремя. Я даю тебе пять секунд, чтобы ты передумала.

– Три, четыре, пять... – решительно ответила Света. – Я приняла твердое решение и менять его не собираюсь. Единственную ошибку, которую я совершила – это что с тобой познакомилась.

– Ты еще об этом пожалеешь, – с угрозой проговорил Игорь.

– По-моему, твой бывший тебе угрожает, – насмешливо глядя на Игоря, сказал Андрей.

– Это он от горя да по недомыслию, – усмехнулась Света.

– Тогда понятно, – улыбнулся Андрей.

– Слушай, Светик, как ты раньше не разглядела этого «отличника боевой и политической подготовки»? – встрял в разговор Колька. – Ты ведь у нас такая умница.

– Ой, Коля, – засмеялась Светка, – молодо–зелено, да ведь и на старуху бывает проруха.

Она отвернулась от Кольки и посмотрела на стоящих перед ней учеников.

Семеро школьников стояли против всей школы. Против рабочих. Против всего мира. Никого не обманывала их веселость. Все понимали, что эти семеро будут драться за елку до последнего. Они будут драться за этот памятник героически погибшим солдатам. Они не уйдут отсюда, даже если им придется умереть.

Маргарита Арнольдовна больше не угрожала. Она смотрела на стоявших перед ней учеников и совершенно не представляла, что ей теперь делать.

– Надо бы директору позвонить, – негромко сказал учитель физкультуры, – без него нам этот вопрос не решить.

– Ладно, – наконец придя в себя, сказала Маргарита Арнольдовна, – сейчас мы спорить не будем. Я позвоню директору, пусть он и решает.

– А я уже решил, – раздался хорошо знакомый всем ученикам голос.

Ребята обернулись. Позади толпы стоял директор школы. Он двинулся по направлению к елке. Ученики расступились, давая ему пройти.

Федор Степанович директором школы стал два года назад. Ему было чуть больше сорока. Умный и деятельный человек. Он никогда не сидел без дела. При нем школу отремонтировали. Организовали компьютерный класс, открыли разные кружки.

Областное начальство его недолюбливало. Он был слишком независим и самостоятелен. Он с легкостью нарушал все известные каноны и правила, решительно ломал веками сложившиеся традиции. Его терпели только потому, что каким-то необъяснимым образом ему удалось добиться того, что многие из его учеников получали диплом с отличием и золотые медали. Несколько раз в школу направляли различные комиссии, но всякий раз проверяющие убеждались, что знания детей соответствуют полученным ими наградам.

Когда он остановился рядом с Дашей, к нему подбежала Маргарита Арнольдовна.

– Как хорошо, что вы здесь, Федор Степанович, – торопливо заговорила она, – а то я просто не знаю, что делать. У нас тут мероприятие ответственное готовится, а эти, – она кивнула в сторону Даши...

Она не успела договорить, Федор Степанович перебил ее:

– Я все знаю, Маргарита Арнольдовна, – спокойно сказал он, – я слышал разговор от начала и до конца.

– Почему же вы не вмешались? – удивленно воскликнула завуч. – Тут ведь едва драка не началась.

– Посмотреть было любопытно, кто есть кто, – улыбнувшись, ответил он. – Нигде человек так свое настоящее лицо не показывает, как в критических ситуациях.

Он повернулся к бригадиру и протянул ему руку.

– Здравствуй, Петрович, – весело сказал он.

– И тебе не хворать, – улыбнувшись, отозвался тот.

– Ну, что мы делать будем? – спросил директор.

– А что ты у меня спрашиваешь? – усмехнулся бригадир. – Ты ведь у нас директор. Ты вон лучше у нее спроси, – он кивнул в сторону Даши, – это по ее милости мы тут уже целый час беседуем. Мы ведь так и не решили – пилим елку или нет.

– Я тебя, Петрович, не о том спрашиваю. То, что деревья эти никто не тронет, это уже решено. Я спрашиваю, где мы твою железяку установим?

Директор кивнул в сторону машины.

– Тебе же областное начальство приказало на этом месте установить, или ты с ними поспорить хочешь? – улыбнулся бригадир. – Смотри, снимут они с тебя голову.

– Ничего, – усмехнулся Федор Степанович, – без головы даже удобней, шапку покупать не надо.

– Да вы с ума сошли, – обратилась к директору завуч. – При всем моем уважении к вам, сейчас вы не правы. Да директоров за меньшие проступки с работы снимали, а на вас у начальства и так огромный зуб имеется. Это же дело государственной важности. Вас же выгонят!

– Может, так все и будет, – задумчиво проговорил Федор Степанович, – но для меня есть только одно дело государственной важности – вот они.

Директор указал в сторону учеников.

– Для них не важно, как мы будем обосновывать свою трусость, для них важно, как мы поступим. Знаете, Маргарита Арнольдовна, в этой жизни мы каждый день принимаем решения. Одни простые, другие сложные. Есть такие, от которых зависит карьера, а есть и такие, от которых зависит жизнь. Мой дед когда-то принял решение биться за Родину до последней капли крови и погиб за нее. Мой отец принял решение всегда говорить правду и двадцать лет отсидел в сталинских лагерях. Вот они, – директор кивнул в сторону семерых школьников, заслонивших собой елку, – тоже приняли свое решение. Теперь мой черед. И неужели вы, Маргарита Арнольдовна, думаете, что я испугаюсь?

– Делайте, что хотите, – безнадежно махнув рукой, ответила завуч, – я вас предупредила.

Она развернулась и стала выбираться из толпы школьников.

– Смелый ты мужик, Федор, – сказал бригадир, – хотя ты и в школе такой был. Мы ведь с тобой десять лет за одной партией сидели. Только ты скажи, нам-то что делать? За работу ведь деньги заплачены. Это-то ты понимаешь?

– Понимаю, – ответил директор. – Ты не волнуйся, Петрович, сейчас мы все решим.

Он повернулся к семерым школьникам, стоявшим у елки.

– Ну, какие предложения будут, – улыбнувшись, спросил он. – Только вы уж постарайтесь сделать так, чтобы меня хотя бы до девятого мая с работы не сняли.

– Если вас снимут, мы вместе с вами из этой школы уйдем, – серьезно ответила Света.

– Ну, я надеюсь, до этого не дойдет, – сказал Федор Степанович.

– До этого точно не дойдет, – уверенно сказала Даша. – Сами ветераны ни за что бы не дали эту елку спилить. Они просто не знают, какой подарок им власти приготовили.

– Как же нам все-таки поступить? – снова спросил директор.

– Я вот что предлагаю, – ответила Даша. – Давайте гранитный камень прямо перед елкой установим. Вокруг нее клумбу разобьем и оградку поставим, которую рабочие привезли. Сам памятник мы на школьном дворе установим, около сада, который Иван Николаевич посадил. Так у нас даже два памятника получится. Спортивную площадку мы в другую сторону развернем, там же и беговую дорожку сделаем.

– Площадку развернуть не получится, – грустно сказал учитель физкультуры, – там места мало. Ты ведь, Даша, сама видела у нас за школой целая свалка. Там и камни, и бочки, и бревна сухие лежат. Да и ворота футбольные очень тяжелые. Их не то что перенести, их с места сдвинуть тяжело.

– Это раньше тяжело было, – задорно ответила Даша, – а теперь у нас кран подъемный есть и самосвал, за который деньги заплачены. Да вон и тому парню, – Даша кивнула в сторону рабочего с татуировкой, – распилить что-нибудь не терпится. Я думаю, он нам все сухие бревна в один момент на мелкие кусочки распилит.

– А что, Даша, по-моему, идея хорошая, – задумчиво сказал директор, – пойдём-ка на школьный двор, посмотрим, как все лучше устроить.

Через полчаса работа закипела. Каждому нашлось дело. Как-то само собой получилось, что школьникам не надо было больше указывать, что делать. Двое ребят быстро расчистили место перед елкой. Рабочие опустили на него большой гранитный камень.

Как только он был установлен, четверо мальчишек схватили лопаты и разбили большую клумбу. Девочки сбегали в кабинет биологии, набрали семян и саженцев и вместе с учительницей стали сажать цветы.

Рабочие довольно быстро установили деревянную трибуну. Потом они перевезли железный памятник на школьный двор. Ребята долго спорили о том, в каком месте его поставить. Кто-то догадался сбегать за учителем рисования, и тот изобразил на ватмане несколько вариантов. Один из них, после небольших поправок, был принят.

Через несколько минут ребята с хохотом набросились на школьную свалку. Они растаскивали камни и доски, откатывали бревна и разбирали битый кирпич. Рабочие краном загружали бочки и бревна в машину. Самосвал несколько раз уезжал и снова возвращался. Ребята работали с таким усердием, что заразили им даже рабочих. Веселое настроение передалось и парню с татуировкой. Он больше не злился. Его пила работала бесперебойно. Он ходил вокруг бревен в мокрой от пота рубашке и беззлобно приговаривал, что сегодня он напилится на всю оставшуюся жизнь.

Директор школы вместе с бригадиром рабочих стояли в сторонке, наблюдая за происходящим.

– Знаешь, Федор, – сказал бригадир, – все-таки здорово, что у тебя такие ребята есть. Я ведь грешным делом подумал, что таких больше не осталось. Глядя на молодежь, я решил, что это потерянное поколение. Мальчишки мягкотелы и трусоваты, в армию их сейчас колом не загонишь. Девчонки все больше о деньгах да о тряпках думают. Такое впечатление создавалось, что эти ребяташки Родину за грош продадут. А ведь ошибся я. Есть среди них те, на ком Россия держится.

– Я тебе, Петрович, вот что скажу, этих детей все больше становится. Настоящих детей. Мальчишек и девчонок **новой цивилизации**. Они многое изменят. Может быть, и нам с тобой удастся в новом мире пожить.

– Ну дай-то Бог, – с надеждой вздохнул бригадир.

Когда работа была закончена, уставшие, но довольные школьники разошлись по домам.

День Победы был ясным и солнечным. Возле школы собрались все ученики. Они стояли, выстроившись в две линейки, перед трибуной. Играл настоящий оркестр. Музыканты были одеты в солдатскую форму времен Великой Отечественной войны.

Когда часы пробили десять, на трибуну поднялись ветераны, а вместе с ними руководство школы и представители городской администрации.

Даша стояла вместе со своим классом. Она с искренним восхищением смотрела на защитников Родины. У многих ветеранов на груди блестели ордена и медали. Когда заиграл гимн, седые старики расправили плечи и гордо подняли головы. Воистину, им было чем гордиться. Это был их праздник. Это был их день. День светлой памяти их великому подвигу.

Пока играл гимн, Даша смотрела на елку. Сегодня она выглядела не совсем обычно. На самой макушке была надета красная звезда с серпом и молотом. Чуть ниже на ветках были закреплены пять солдатских пилоток с красными звездами. Сверху по обеим сторонам ели, спускалась красивая лента, на которой висела звезда героя Советского Союза. Эта звезда была сделана из блестящей желтой бумаги.

Даша знала, что перед самой смертью Ивану Николаевичу вручили звезду героя. И вот теперь копия этой звезды висела на елке. Лента охватывала солдатские пилотки, как будто показывая тем самым, что среди защитников Родины никого кроме героев не было.

В этот день звучало много торжественных речей. Много добрых слов говорили люди ветеранам. Когда пришла очередь ответного слова, кто-то из ветеранов сказал, что в числе прочего они благодарны властям за то, что они сохранили самый дорогой их сердцу памятник – эту красавицу елку.

Когда торжественный митинг закончился, детей отпустили, а ветеранов пригласили в кабинет к директору школы.

Даша уже было собралась идти домой, но тут к ней подошла Катя.

– Пойдем со мной, Дашенька, я тебе что-то покажу.

Она взяла Дашу за руку и повела в сторону спортивной площадки. Даша не была там с того дня, когда они наводили там порядок. Они остановились недалеко от сада, посаженного Иваном Николаевичем.

Сейчас здесь все выглядело иначе. Сад был обнесен невысоким деревянным забором. Земля под деревьями была вскопана и полита. В центре стоял небольшой столик и деревянная скамейка. На ней сидели два седых ветерана. У одного из них на коленях устроился внук.

Малышка с белыми бантами помогала высокому широкоплечему парню поливать клумбу, устроенную между деревьями. Она хохотала, брызгала на него водой и говорила, что он не там поливает. Стройная красивая девушка с улыбкой смотрела на эту возню. Наконец парень, устав поливать цветы и воевать с малышкой, подошел к девушке. Даша узнала их. Андрей Фирсов – знаменитый школьный двоечник, и Света Меньшикова – первая школьная красавица, стояли рядом. Света взяла Андрея под руку и застенчиво прижалась к его плечу.

– Устал? – ласково спросила она.

– Что ты, Светлана, доброе дело никогда в тягость не бывает, – ответил он, широко улыбнувшись.

Один из ветеранов, сидевших на скамейке, повернулся к молодой паре, и Даша отчетливо услышала его слова:

– Спасибо вам, ребятки. За память о друзьях наших погибших, спасибо! Ваше отношение – это самый дорогой для нас **памятник!**

Ксюша

Весна в этом году была ранней. Город утопал в зелени, и запах сирени разносился по всей округе.

Даша сидела на скамейке возле подъезда. Она закрыла глаза и блаженно подставила лицо лучам солнца. В густых кустах чирикали воробьи. Слышались приглушенные звуки машин, да ветер изредка доносил гомон детских голосов.

Весна для Даши была самым чудесным временем года. Она любила наблюдать, как все оживает. Как тает снег, и как ручьи уносят остатки зимнего сна. Ей нравилась свежая зелень листвы, яркий свет солнца и синее, бесконечно высокое небо.

Дарье вспомнилось, как года два назад она вот также сидела у подъезда и смотрела на ручеек, что бежал с небольшой горки перед домом. Он пробивался из-под тающего снега и, протискиваясь между льдинками, нес с собой редкие прошлогодние листочки. Этот ручеек был удивительно чистый. Сквозь него были видны мелкие камушки и желтый песок. Вода до того была прозрачной, что иногда казалось, что ее просто нет. Спустившись с горки, ручеек замедлял свой бег и тек спокойно и ровно, издавая какой-то особенно мелодичный звук.

Вдруг Дарья заметила, что ручеек вынес из-под снега спичку. Обыкновенную спичку, брошенную кем-то, может, год, а может, десять лет назад. Ничего в ней особенного не было. Она просто повторяла все движения ручейка, то погружаясь, то вновь выскакивая на поверхность. Может быть, в этот момент солнце в воде блеснуло как-то по-особому, может быть, в движении спички было что-то волшебное, да только после ее появления настроение Даши резко изменилось.

Ее спокойная радость сменилась чувством необычайного восторга. Захотелось петь и прыгать от радости. Захотелось сделать что-нибудь хорошее. А еще захотелось крикнуть всем людям:

– Смотрите, как прекрасен мир, вдохните этот чудесный воздух, опустите руки в ручей, почувствуйте, как здорово жить!

Чувства, нахлынувшие на Дашу, были очень сильными и еще долго бурлили в ней, вызывая слезы радости и ощущение абсолютного счастья. «Странная эта штука – весна!» – подумала Даша.

Дарья открыла глаза. Она по-прежнему сидела на скамейке и прислушивалась к прилетавшим звукам. Мимо нее прошла соседка, баба Маша, живущая на первом этаже. Пробежал толстый рыжий кот. Проехала на велосипеде маленькая девочка с длинными косичками. И опять никого.

Чувство радости постепенно угасло, и Даша уже было собралась пойти домой, как вдруг увидела, что к подъезду направляется ее сосед, живущий в квартире напротив. Это был Эдик. Высокий красивый парень, с чудесной кучерявой шевелюрой и здоровенными кулаками.

– Привет, Дашенька! – поздоровался Эдик.

– Здравствуй, Эдик, – ответила Даша.

Эдик показал Дарье язык, рассмеялся и забежал в подъезд.

Еще год назад Эдик был грозой всей школы, где училась Дарья. Да что там школы – всего района. Он учился в выпускном классе. Год назад, это был двоечник и грубиян, бездельник и драчун. Он был жестокий и надменный. Человек, для которого, казалось, нет ничего святого.

О нем еще много можно было бы сказать плохого, если бы ни одно «но». Его сестренка – Ксюша.

Странное дело, когда Эдик был с Ксюшей, он мгновенно менялся. В этот момент он был самым добрым и искренним, самым нежным и заботливым. Он любил свою сестричку, и это была самая настоящая любовь. В такие моменты в нем чувствовалось непреодолимое желание сделать другого человека счастливым.

Даша знала об Эдике немного. Что-то рассказали родители, что-то говорили подружки или соседи. Но из того, что она знала, картина складывалась невеселая.

Эдик родился в благополучной семье. Отец, Дмитрий Федорович, – военный летчик, мама, Зинаида Николаевна, – преподаватель в музыкальной школе. С отцом у Эдика сложились самые теплые отношения. Дмитрий Федорович – человек по военному дисциплинированный и аккуратный, с сыном был добрым и строгим. Он с детства приучал Эдика к физическим упражнениям, воспитывал в нем волю к победе, прямоту и честность.

Эдик старался во всем походить на отца. Он еще в первом классе записался на секцию бокса и к седьмому добился хороших результатов. Выиграл городские, и даже областные соревнования. Он бегал быстрее всех в школе, подтягивался на перекладине больше двадцати раз, кидал мяч дальше всех. Эдик прекрасно играл на фортепиано. Кроме всего прочего, он был отличником.

Отец часто брал его с собой в походы и путешествия. Они даже как-то раз вдвоем спускались в лодке по бурной реке. Года четыре назад в их семье родилась Ксюша. Эдик относился к ней по-доброму, но сдержанно, отца же он боготворил. Казалось, этому счастью никогда не будет конца. И вот в одно мгновение все рухнуло.

Как-то зимой, когда Эдик учился в седьмом классе, отец пришел домой и, со свойственной ему прямотой заявил, что он любит другую женщину и уходит к ней навсегда. Он собрал свои вещи и ушел. Это было как гром среди ясного неба. В это так не хотелось верить. И в течение недели никто и не верил. Только потом Эдик и Зинаида Николаевна осознали, что Дмитрий Федорович больше никогда не вернется. Много позже Эдик узнал, что отец, уже через два дня после ухода из семьи уехал с молодой красавицей на Дальний Восток.

Когда пришло осознание неотвратимого, все изменилось. Зинаида как-то в одночасье потухла, ей вдруг стало все безразлично. Казалось, она постарела лет на десять. Ничто ее больше не интересовало: ни любимая работа, ни Эдик, ни дом, и даже дочка Ксюша не вызывала у нее больше никаких эмоций. Она как будто заснула, не в силах перенести свалившееся на нее несчастье.

Эдик же, напротив, в течение месяца превратился из веселого, отзывчивого парня в агрессивного озлобленного подростка. Он бросил секцию, начал курить, в школе едва перебивался с двойки на тройку. Он стал задиристым и дрался со всеми, кто попадался ему под руку. Он как будто вымещал на других всю свою злость и обиду на отца. Нередко его боль выплескивалась дико и страшно.

Даша однажды видела, как Эдик дрался одновременно с тремя парнями из соседнего двора. Это была настоящая бойня. Эдик никого не щадил и не хотел жалости для себя. Казалось, он не чувствует боли. Со стороны могло показаться, что боль даже доставляет ему удовольствие. Минут через десять все его противники лежали на земле, а он стоял над ними, тяжело дыша, со сжатыми, окровавленными кулаками.

Через какое-то время он сколотил подростковую банду и стал ее предводителем. Домой он стал приходиться подвыпившим и сразу валился спать. В городе поговаривали, что кражи магнитофонов из машин – это дело рук его банды. Вскоре Эдика поставили на учет в детской комнате милиции. И, наверное, недалек был тот день, когда он наконец совершил бы что-то серьезное и сел в тюрьму, или погиб. Да, видно, его ангел хранитель – маленькая Ксюша, не давала ему сделать этот последний, роковой шаг.

Ксюше к тому времени исполнилось пять лет, а Эдик перешел в десятый класс. Он всегда находил для нее время. Водил ее в садик, гулял с ней во дворе. Он покупал ей фрукты и сладости. Научил кататься на велосипеде, который сам же и купил, неизвестно на какие деньги. Даша как-то видела, как они играли в детской песочнице. Сначала Ксюша учила Эдика делать песочные пирожки, а потом решила поиграть с ним в ладушки. Она рассказывала Эдику детскую присказку, которую, наверно, выучила в садике:

– Ладушки, ладушки, где были? У бабушки...

Эдик никак не мог запомнить эту простую считалку, и Ксюша весело хохотала, когда он ошибался.

– Какой ты у меня непутевый братик! – сквозь смех говорила она и снова начинала объяснять, хлопая брата по ладошкам.

Наконец Эдик хватал Ксюшу в охапку, начинал тискать и рычать как волк.

– Ну все, Ксюха, – говорил он, – сейчас я тебя съем.

Он поднимал ее на руки и начинал шутливо покусывать ее живот, отчего Ксюша еще больше хохотала и визжала на весь двор. Она брыкалась и вырывалась из рук брата. А тот наконец прижимал ее к себе, целовал в румяную щеку и ждал, пока сестра успокоится. Потом он сажал ее к себе на плечи и нес домой, изображая лошадку.

Все случилось прошлой весной.

Даша возвращалась из школы. В этот день у них была контрольная работа по математике. Учитель разделил класс на три части, написал на доске задание и сел за стол, зорко наблюдая, чтобы ученики не списывали. Даша свой вариант решила быстро и какое-то время смотрела в окно. Потом, ради развлечения, решила и два остальных варианта. Но так как времени оставалось еще много, она сдала тетрадку и попросилась домой. Урок был последний, и учитель ее отпустил.

Когда Даша подошла к дому, она увидела около своего подъезда машину скорой помощи. Машина перегородила дорогу, и Даша, обойдя ее по бордюру, вошла в подъезд. «Наверно, бабе Маше стало плохо», – подумала Даша. Она сочувственно глянула на дверь соседки с первого этажа. Поднявшись на свой этаж, она увидела, что дверь в квартиру, где живет Эдик, распахнута настежь. Из глубины квартиры доносился приглушенный гул встревоженных голосов и тянуло запахом лекарств. Сердечко Дарьи тревожно сжалось.

Она достала ключ от своей квартиры, собираясь зайти домой, но какое-то непреодолимое чувство потянуло ее в квартиру напротив.

В прихожей никого не было. Дарья прошла дальше. Справа по коридору находилась кухня. Там на стуле сидел Эдик. Его пустой взгляд был устремлен в одну точку, лицо белое как мел, в руке зажата давно потухшая сигарета. Даша повернула налево и увидела часть комнаты, где толпились люди. В проходе, спиной к ней, стояла баба Маша – соседка с нижнего этажа.

Когда Даша подошла и заглянула в комнату, перед ней открылась жутковатая картина. На кровати, которая стояла у стены, лежала Ксюша, ее глаза были закрыты, курчавые волосы разметались по подушке. Возле кровати медсестра спешно настраивала какую-то аппаратуру. Молодой доктор поторапливал ее и, обращаясь к Зинаиде Николаевне, говорил с досадой:

– Что ж вы, мамаша, делаете, ну кто же так ребенка антибиотиками пичкает, если у нее обыкновенная простуда.

Зинаида Николаевна сидела на табуретке в углу комнаты, безучастно глядя на доктора. На полу валялись коробки от каких-то лекарств.

Доктор приложил слуховую трубочку к груди Ксюши и стал прислушиваться. Вдруг он резко повернулся к медсестре и скомандовал:

– Реанимацию, быстро!

Медсестра засуетилась еще быстрее. Она открыла небольшой чемоданчик, вытащила оттуда два круглых приспособления с ручками и передала их доктору. Резким движением воткнула вилку в розетку, прикрепила к бокам Ксюши провода на присосках и доложила:

– Готово!

Доктор потер приспособления друг о друга, приложил их к Ксюшиной груди и дал команду:

– Разряд!

Медсестра щелкнула тумблером на панели приборов, и Даша увидела, как выгнулось тело маленькой Ксюши. Когда тело снова опустилось на кровать, доктор и медсестра стали смотреть на приборы. На одном из них по экрану бежала прямая линия.

Даша видела в кино, как делают реанимацию, и понимала, что прямая линия обозначает то, что сердце Ксюши не удалось запустить.

– Увеличить ток, – услышала она голос доктора.

Медсестра повернула большую черную ручку и снова щелкнула тумблером. Тело Ксюши снова на мгновение изогнулось и рухнуло на кровать. Линия на экране по-прежнему была прямой.

«Ничего не выходит!» – мелькнуло в голове у Даши. Все происходящее казалось ей каким-то неправильным, несправедливым. Ей очень захотелось, чтобы у доктора все получилось. Она мысленно стала просить:

– Ну давай, Ксюша, ну, пожалуйста!

Очередной, еще более мощный разряд, дугой изогнул тело Ксении. Даша быстро взглянула на прибор. Нет! Линия по-прежнему была прямой. Доктор обессилено и безнадежно опустил руки. Мгновение он стоял не шевелясь, потом произнес в полголоса:

– Все! Это конец!

Он медленно протянул приспособления медсестре, которая аккуратно уложила их в ящик. Доктор обошел кровать и присел на табурет рядом с приборами.

– Сколько раз все это видел, – проговорил он, – но, наверное, никогда не смогу привыкнуть к смерти ребенка.

Дарья услышала, как запричитала и заплакала в голос баба Маша. Зинаида Николаевна, сидевшая на стуле, стала раскачиваться из стороны в сторону и что-то бормотать. Вдруг Дарья почувствовала, как что-то падает за ее спиной. Она резко обернулась и увидела, как тело Эдика опускается на пол. Ситуация была до того напряженной, что падение показалось ей очень медленным, она даже отметила про себя, что голова Эдика, ударившись об пол, подпрыгнула как резиновый мячик.

Доктор обернулся на звук падения и устало сказал медсестре:

– Это, кажется, ее брат, помоги ему!

Медсестра схватила бутылочку с нашатырным спиртом и выскочила в коридор.

Дашу охватило чувство какой-то нереальности происходящего. К ней снова вернулось ощущение, что здесь что-то не так, что-то неправильно. Она посмотрела на бледное лицо Эдика, лежавшего на полу, потом на Ксюшу, и в ней вдруг сама по себе вспыхнула картина из прошлого.

Наделю назад Даша ехала на автобусе к своей подружке. Народу было много и ей пришлось стоять. Она не сразу обратила внимание на парня, который был рядом с ней. Одной рукой он держался за поручень, а на другой у него сидел ребенок, судя по одежде, – девочка. Картина была обычной, если бы не та нежность, с которой парень прижимал ребенка. Девочка обеими ручками обнимала парня за шею. Она обессилено положила свою голову ему на плечо.

В автобусе была толкотня, и парень изо всех сил старался закрыть собою ребенка. Девочка на мгновение подняла голову, и Дарья узнала Ксюшу. Даша успела заметить на лице девочки нездоровую красноту и капельки пота, выступившие на лбу.

– Скоро мы доедем, Эдичка? – услышала она слабый голос Ксюши.

– Скоро, моя хорошая, скоро, – ласково ответил он.

Кто-то из пассажиров уступил им место, и Эдик устало опустился на сидение. Ксюша все также обнимала брата за шею, только теперь она опустила свою головку ему на грудь и закрыла глаза. Эдик прижал ее к себе и нежно гладил рукой ее худенькую спинку. Он прижался щекой к ее кудрявой головке и тихо нашептывал:

– Все будет хорошо, Ксюшенька, доктор тебе обязательно поможет.

– Мне не будет больно? – жалобно спросила Ксюша, поднимая голову.

– Нет, солнышко, – уверенно улыбаясь, ответил Эдик, – я никому не позволю сделать тебе больно. Братик у тебя самый сильный, он тебя от всех защитит.

С этими словами он еще крепче прижал ребенка к себе.

– Я люблю тебя больше всех, Эдичка, – чуть слышно прошептала Ксюша, она даже смогла улыбнуться.

– И я тебя, сестричка! – ответил Эдик.

И было в его словах столько любви и нежности, столько искреннего желания помочь Ксюше, что у Даши даже слезы навернулись. Никого в этот момент для них не существовало. Не было ни людей в автобусе, ни ругающейся билетерши, ни глупой песни, доносившейся из динамиков. Были только он и она, и их искренняя и чистая любовь, заполнившая все пространство перед ними.

Сейчас, стоя возле Ксюшиной комнаты, на Дашу обрушились знакомые чувства. Ее охватила какая-то бесконечная жалость, которая перемешивалась с самой искренней нежностью и самой чистой любовью. Только в этот раз чувства было намного сильнее.

Медсестра закончила помогать Эдику и вернулась в комнату. Она набросила на тело Ксюши белую простыню и стала собирать медицинские инструменты.

Наверно, это последнее движение довело чувства Даши до максимума. Ее просто захлестнула эта бескрайняя волна жалости. Чувства метались в ней, не находя выхода, и ей казалось, что такого напора не выдержит ее детская душа.

Вдруг все изменилось и стало каким-то другим. Неожиданно, даже для себя, она отодвинула бабу Машу и вошла в комнату. Поначалу на нее никто не обратил внимания, но через секунду все взоры были обращены к ней. Чувства по-прежнему бушевали в Даше. Она оглядела комнату и вдруг решительно заявила:

– Выйдите все отсюда!

Ее тон был настолько властный и уверенный, что все замерли. Даша смотрела на доктора в упор.

– Выйдите все! – повторила она, и на этот раз голос ее звучал совсем не по-детски.

Даша подошла к доктору и решительно вытолкала его в коридор, потом она сверкнула глазами на медсестру, и та выскочила в коридор сама. Даша подошла к Зинаиде Николаевне, помогла ей подняться, вывела в коридор и закрыла за ней дверь.

Даша приблизилась к кровати, на которой лежала Ксюша. Она резким движением сдернула простыню и, постояв мгновение, присела на стул возле кровати. Она смотрела на худенькое детское тело.

Ксюша лежала совершенно неподвижно. Ее тонкие ручки были разбросаны по кровати, маленькие ладошки сжаты в кулачки. Голова лежала прямо на подушке, и кудрявые волосы, ниспадая на лоб, придавали ей вид спящего человека. Сквозь прозрачную кожу проступали ребра, а из-под одеяла сиротливо выглядывали цветные детские трусики. Даша внимательно всмотрелась в черты детского лица. На нем застыла какая-то великая решимость и тихая детская грусть.

Дарья опять перевела взгляд на руки. Почему-то именно они вызвали в ней такую бесконечную жалость и чувство несправедливости. «Именно эти ручки обнимали брата за шею, – подумала Даша, – неужели этого больше никогда не случится?».

Вдруг она почувствовала, что готова отдать все, что угодно, чтобы снова увидеть ту сцену, которая произошла в автобусе. Она готова умереть прямо здесь и сейчас за то, чтобы все повторилось. Она готова сделать это без всякого страха, с абсолютной радостью и любовью. Дарья протянула руку к голове Ксюши и, вдруг неожиданно для себя, из самой глубины своего сердца произнесла:

– Я согласна, Господи!

.....

Ей показалось, что на мгновение она потеряла сознание. Что было дальше – она совершенно не помнила. В памяти осталось только чувство вселенской любви, в последний момент затопившей ее до краев.

Даша пришла в себя только на лестнице. Голова кружилась, на душе была абсолютная пустота. Сзади доносились чьи-то удивленные и радостные возгласы, но ей было все равно. Она, пошатываясь, подошла к своей двери и, с трудом попадая ключом в замочную скважину, открыла дверь.

Дома никого не было. Выронив портфель из рук, она доплелась до кровати, упала на нее, не раздеваясь, и мгновенно уснула.

Дарью разбудил звук проезжавшей по улице машины. Она не стала открывать глаза и прислушалась к своим ощущениям. В теле была легкость, на душе – светло и спокойно. Дарья блаженно потянулась и открыла глаза. Около ее кровати стояли два стула, на которых сидели ее одноклассницы – Катя и Танюша. Дарья заметила, что девочки смотрят на нее во все глаза.

– Привет, девчонки, – весело поздоровалась Даша, – что вы на меня так смотрите?

– Фу, живая, кажись, – отозвалась Катя.

И обе девочки облегченно вздохнули.

– А с чего это мне быть неживой? – усмехнулась Дарья.

– Так ты же два дня проспала, как мертвая, – затараторила Танюша. – Тут такое творится, такое! Ты себе даже представить не можешь!

– И что же тут творится? – весело поинтересовалась Даша.

– Ты что же ничего не помнишь? – спросила Катя.

Даша задумалась.

– Так, отрывки какие-то, – ответила она.

– Ты, Дашенька, Ксюшу с того света вытащила, – сказала Таня, – и сейчас баба Маша ходит по двору и требует причислить тебя к лику святых!

Дарья расхохоталась.

– Ага, к лику святых нашего подъезда, – задорно отозвалась она.

– Дашенька, я серьезно, – возмутилась Таня.

– А если серьезно, – продолжала дурачиться Дарья, – тогда что вы тут передо мной расселись, а ну быстро на колени и хором петь: «Матушка наша небесная, помилуй нас!».

– Да ну тебя, – заулыбались девочки.

Даша совсем развеселилась.

– Девчонки, есть очень хочется, или в этом доме святым не подают? – лукаво спросила она.

– Сейчас я маму твою позову, – откликнулась Таня и вышла из комнаты.

Через минуту она вернулась в сопровождении Дашиной мамы. Мама внимательно посмотрела на Дашу и ласково спросила:

– Как дела, доченька?

– У меня всегда хорошо, – бодро ответила Дарья, – только есть очень хочется.

– Сейчас принесу, – ответила мама и ушла на кухню.

Пока Дарья, сидя на кровати, уплетала обед, девчонки рассказывали ей последние новости. Они тараторили без умолку. Из их сбивчивого рассказа Дарья поняла, что вся информация получена ими из первых рук, то есть от бабы Маши. С их слов выходило, что после того, как Дарья вошла в комнату Ксюши и закрыла за собой дверь, взрослые какое-то время приходили в себя. А потом у всех возник вопрос, зачем это маленькой соседке в комнате с умершей Ксюшей наедине оставаться? Они открыли дверь и хотели войти, но какая-то непреодолимая сила не дала им этого сделать. Более того, пока Даша находилась в комнате, никто не мог произнести ни одного слова.

– А в комнате происходило вот что, – рассказывала Таня. – Ты, Дашенька, на стульчик возле Ксюши присела. Сначала неподвижно сидела. Потом нагнулась к ней,

свою руку на голову ей положила и что-то нашептывать начала. Слов никто разобрать не мог, они только сказали, что сначала тон у тебя был просящий, даже умоляющий, а потом он требовательным сделался. Через какое-то время ты встала, протянула руку в сторону Ксюши и сказала не своим голосом: «Тебе говорю, Ксения, вернись, твое время еще не пришло!».

Как только ты эти слова произнесла, Ксюша вся выгнулась, затрясло ее, и она в себя пришла. Она по началу заплакала. Но ты к ней на кровать присела, к себе ее прижала и по голове ласково гладила. А потом ты сказала, что Ксюша теперь жить будет долго-долго. Потом ты из комнаты вышла. А сила, удерживающая до этого людей, исчезла.

Доктор в комнату кинулся – а Ксюша живая. Они ей желудок почистили, капельницу поставили и на каталке в больницу увезли. Эдик в себя пришел и сейчас целыми днями в больнице пропадает. А самое главное, Зинаида Николаевна проснулась, прежней стала.

– Я ее сама видела, – подтвердила Катя.

– А еще баба Маша рассказывала, – продолжала Таня, – что пока ты в комнате была, там какой-то свет был необычный, она считает, что это сам Бог к тебе спускался. А еще она говорит, что нимб у тебя над головой видела. И поэтому тебя надо к лику святых причислить.

Даша чуть котлетой не подавилась. Сидит на кровати, хохочет.

– Ты, Танечка, больше бабу Машу слушай, так она и тебя к лику святых причислит.

В какой-то момент, пока Таня рассказывала, в Дашином сознании яркой вспышкой предстала недавняя картина. Она вдруг все вспомнила. Вспомнила настолько отчетливо, будто это произошло только что.

Девочки замолчали, когда увидели, что Даша задумалась.

– Что же там на самом деле случилось? – спросила Катерина.

Дарья задумалась.

– Непростой это вопрос, Катюша, – ответила она. – Я постараюсь объяснить тебе, как смогу. Эдик – брат Ксюшин, после ухода отца долго в себя прийти не мог. Сильную боль в душе он испытывал. Огонь обиды сжигал его изнутри. Чтобы это пламя потушить, он зло творить стал. Он думал, что, если другим больно сделает, – самому легче будет. Да только не знал он, что злом зло не исправишь, болью боль не вылечишь. Эдик до того дошел, что собрались они с товарищами торговца богатого ограбить. И Эдик убить торговца планировал. Но не знал он, что в этом грабеже он единственной жертвой окажется. Торговец тот давно нападения опасался, поэтому пистолет всегда с собой носил. И пистолет этот так хитро спрятан был, что из любого положения мог выстрелить.

Я когда в комнате была – картину страшную видела. Эдик в луже крови лежит. Пуля ему сердце пробила. Это судьба его была. Так бы все и произошло, но Ксюша не дала случиться самому страшному.

Эдик любил сестричку свою искренне, а от настоящей любви только любовь рождается. Ксюша тоже судьбу его знала, не смотря на то что маленькая. А может быть, именно потому, что маленькая – душа еще чистая. Многие взрослые наивно полагают, что дети малые разумом большим не отличаются. Только не так это. Многие дети в тысячи раз мудрее взрослых оказываются.

Ксюша решила собой пожертвовать. За любимого брата жизнь свою отдать. И делала она это с радостью, без страха и жалости к себе. Только чистые души на такое способны. Таблетки здесь ни при чем были. Ксюша сама свое сердечко остановила. Ведь именно в тот день, когда она умерла, Эдик должен был погибнуть.

Знаете, девочки, за три дня до трагедии, я в палисаднике, что у дома нашего, смородину поливала. На скамейке Эдик с Ксюшей сидели. Они обычно веселые были. А в это раз – грустные почему-то. Ксюша о чем-то брата просила, а он не соглашался. Я их разговор тогда не слышала. А вот когда я в комнате у Ксюши была, догадалась, что она в тот раз брата уговаривала от преступления отказаться. Не согласился он, вот и решила Ксюша его спасти, – закончила Даша.

Девочки Дашу слушают, удивляются, необычно все как-то, а Даша их и не убеждает. Иногда ей и самой не верится.

Даша снова задумалась. Вспомнила о том, что баба Маша всем рассказывала.

Не соврала баба Маша. Так все и было, как она говорила. Только не все она поняла. Вспомнила Даша, что, когда в комнате она оказалась и слова произнесла заветные, комната вдруг светом голубым стала заполняться. Ощущение у нее появилось, что, кроме них двоих, в комнате еще кто-то присутствует. Только Дарья подумала об этом, услышала она тихий и ласковый голос, который был наполнен любовью и нежностью.

– Просьба, доченька, твоя услышана! В ней любовь и сострадание великое. Коль произошедшее считаешь неправильным, то давай исправить попробуем. Только вот ведь в чем дело, Дашенька. Я людей создавал свободными, по своему образу и подобию. Власти над людской душой никогда и никто получить не сможет. Только если сам человек не отдаст ее. Ксюшин выбор добровольным был, чувством великим продиктованным. И никто, кроме нее самой, отменить не сможет решение. В этом вечный закон и великий смысл. А тебе я возможность дам, Дашенька, поговорить с Ксюшей, может быть, она передумает.

Стих голос, и перед Дашей внезапно возникла живая Ксения. На кровати у стены лежало ее материальное тело, а рядом с ним стояла настоящая Ксюша. Стала Дарья тогда просить ее, умолять, уговаривать, требовать. Только Ксения улыбается да головой качает. Тогда Дарья объяснять ей стала, что все произошло уже. Не погибнет теперь брат ее. Больше в смерти ее нет необходимости. Видит Дарья, что Ксюша задумалась, в сомнении голову опустила. Тогда Даша вдруг картинку вспомнила, что в автобусе видела. Яркой ее представила.

Исчезла Ксюша, а Дарья снова голос услышала:

– Молодец, доченька, все у тебя получилось. Только мы ведь полдела сделали. Знай тот, кто по воле своей из жизни уходит, сам возможности не имеет назад вернуться. Ему для того помощник требуется – человек с душой чистою, любовью и состраданием наполненный. И у человека того должна быть вера крепкая, воля сильная и уверенность в том, что исполнится все, что мысль его оживить задумает. А еще для того, кто решится на такое, нужна сила великая. Все в тебе есть, Дашенька, только силы вот маловато.

Слышит Дарья вдруг будто голос усмехается.

– Если, доченька, не сробеешь, могу силу дать тебе, – прозвучал голос друга неизвестного. – Только помни, Дашенька, если ты, хоть на долю секундошки, усомнишься в себе, иль захочешь для себя что-нибудь – ничего тогда не исполнится, а Ксения навсегда здесь останется.

– У меня все получится, Господи! Только помоги мне, пожалуйста! – воскликнула мысленно Даша. И в тот же миг почувствовала, что наполняет ее великая сила. В ней такая несказанная мощь, что, кажется, скажи сейчас Дашенька, поднимись гора в небо синее и свергнись в море – все исполнится.

В какой-то момент Дарья почувствовала, что пора действовать. Вот тогда она встала перед телом Ксении и велела душе ее вернуться в бездыханное тело. Именно так все и случилось.

Когда Ксюша в себя пришла, Дарья снова голос услышала.

– Вот желание твое и исполнено. Хорошо мне с тобой, Дашенька. Добрая девочка ты и ласковая. Прежним станет сейчас все, доченька. Помни только, во всем, что ты видела, никакой трагедии не было. Был урок лишь великий для каждого. А еще, – прозвучал лукаво голос, – был ответ одной маленькой девочке на вопрос ее искренний.

Замолчал голос, и все вдруг сделалось прежним. Исчезла сила. И Дарья сама собой стала. Только все так быстро произошло, что Даше показалось, будто ушла из нее вся энергия. Именно поэтому она едва до дома добралась.

Девочки недоверчиво на Дарью смотрят.

– А что за девочка, и какой вопрос она задавала, на который Бог ответ ей дал? – спросила Таня.

Усмехнулась Даша и отвечает:

– Так ведь это – я, девочки. Я недавно читала древнюю, церковную книгу – Евангелие. И во мне вопрос возник: как Иисус Христос оживил Лазаря? Видно, тот вопрос был уж очень искренним, потому и ответ был исчерпывающим.

– Да уж! – только и смогли сказать девочки.

Они еще немного посидели и по домам разошлись, а Дарья одна осталась.

Через неделю Ксюшу из больницы выписали. Дарья к ним в гости зашла. Минут десять они с Ксюшей поговорили, а потом Дарья заявила, что на неделю ее в деревню заберет. И еще сказала, чтобы через неделю Эдик за ней приехал. Никто ей возражать не стал. Раз Дарья так считает, значит, на то есть веские основания, да и права у нее особые есть на Ксюшу. Вечером они уехали.

В конце недели Эдик в деревню приехал. Тихий он был, задумчивый. Ксюша, когда его увидела, кинулась к брату со всех ног. Эдик ее на руки подхватил и закружил радостно. Потом они на скамейке сидели – наговориться не могли. Дарья из дома вышла, смотрит – сидят братик с сестричкой на скамейке под липами. Обняла Ксюша брата за шею крепко и голову ему на плечо положила. А он рукой ее по спинке гладит и нашептывает что-то ласково. «Ну вот, и сбылась моя мечта, – Даша подумала. – За такое можно было и жизнь отдать».

Когда Даша подошла к ним, Ксюша голову подняла и улыбнулась.

– Я его больше всех люблю, – сказала она.

– Знаю, Ксюша, – ответила Дарья. – Она ласково посмотрела на Ксению и сказала: – А сходи-ка ты в дом, принеси брату холодного кваса.

Ушла Ксюша. А Эдик с Дашей вдвоем остались.

Эдик сначала сидел молча, потом он серьезно посмотрел на Дашу и говорит:

– Знаешь, Дашенька, трудно мне очень. Что-то в своей жизни изменить надо, да вот только не знаю что.

Дарья в глаза Эдика посмотрела и отвечает:

– Прости отца, Эдуард!

Вздрыгнул Эдик.

– Не проси меня об этом, Дашенька, не смогу я выполнить твою просьбу.

– Знаешь, – говорит Даша, – все изменится, если умрут в тебе обида и злость на отца да жалость к самому себе. Запомни, нередко так бывает, что из прощения любовь рождается. И только из любви чудо великое творится. Сегодня ты сам свершиться ему не даешь!

Задумался Эдик, а Дарья встала и в сад ушла. Тут и Ксюша из дома выскочила. Напоила братика квасом. А через час они уехали в город. Даша им в след рукой помахала.

Как-то в выходной день, через месяц после разговора с Эдиком, мама попросила Дашу сходить в магазин, за батоном. Даша батон купила и назад возвращается, задумалась и свой подъезд прошла. Спихватилась она и думает: «Что же это я, непутевая, мимо своего подъезда прошла». Повернулась она, чтоб домой идти, да на секунду задержалась. Смотрит – на скамейке, что спряталась в кустах густой сирени, какие-то люди сидят. Если бы Даша свой подъезд не проскочила, ни за что бы их не заметила. Люди ей смутно знакомыми показались. Присмотрелась Дашенька и подумала: «Да ведь это Эдик».

На скамейке, действительно, Эдик сидел, рядом с ним мужчина незнакомый. Под руку мужчину держала Зинаида Николаевна. Мужчина сидел низко опустив седеющую голову. Эдик обнял его рукой за плечи и что-то говорил негромко. Головы их соприкасались. Изредка мужчина кивал головой, видимо, соглашаясь с тем, что говорил Эдик.

В какой-то момент мужчина поднял голову, и Даша узнала его. «Да это же Дмитрий Федорович – отец Эдика!» – подумала она. Тем временем Эдик закончил говорить, и отец, чуть повернувшись к сыну, обнял его.

В этот момент маленькая девочка осторожно выбралась из кустов и подошла к сидевшим на скамейке людям. Она смело забралась на колени к Эдику и, раскинув в стороны свои ручки, крепко-крепко обняла всех троих. Было такое впечатление, будто она навек старается соединить этих людей, сделать так, чтобы они никогда больше не расставались. Люди, сидевшие на скамейке, ласково обняли ее в ответ.

На мгновение девочка обернулась к Даше. На лице ее была счастливая улыбка. Это была маленькая **Ксюша**.

Танец для мамы

Большой черный жук плюхнулся с березовой ветки рядом с песочной кучей. Он немного полежал на спине, потом, пошевелив лапками, перевернулся на живот. Жук посмотрел вверх. Перед ним возвышалась огромная гора. Где-то там, за ней, была еда. Самая вкусная еда в мире. Он заметил ее еще тогда, когда был наверху. Через вершину этой горы до еды было ближе всего. Жук какое-то время раздумывал, а потом решительно тронулся в путь.

До середины кучи песок лежал полого, поэтому жук добрался туда довольно быстро. Однако потом дело явно застопорилось. Дальше склон был довольно крутой, и сыпучий песок никак не хотел поддаваться. Добравшись почти до середины, жук трижды соскальзывал вниз, причем дважды вместе с песком.

Перед четвертой попыткой он почистился, потер свои лапки друг о друга, а потом снова самоотверженно бросился на штурм.

– Как ты думаешь, Даша, сможет он через эту кучу перелезть? – спросила Катя.

– Трудно сказать, Катюша, – ответила Дарья.

Девочки уже минут десять наблюдали за жуком. Они сидели на бревнах, сваленных в кучу, недалеко от деревенской церкви.

– Любопытно, зачем ему так необходимо залезть наверх, – спросила Катя.

– Я думаю, что он не к вершине стремится, – ответила Даша, – а к тому, что находится за ней. Видишь, – она указала на толстую гусеницу, которая извивалась между веток, – кажется, именно она его интересуется.

– А почему он не обойдет эту кучу? – удивилась Катя, – он бы уже давно добрался до своей добычи.

– Ты слишком многого требуешь от жука, – усмехнулась Даша. – К тому же, это только нам ясна вся картина, потому что мы смотрим сверху. Жук знает только одно, там, за этим препятствием, есть еда, и самый короткий путь к ней – через вершину. Откуда ему знать, что самое короткое расстояние – это зачастую самый длинный путь.

– Ой, Дашка, не могу смотреть, как он мучается, – воскликнула Катя, увидев, как жук в очередной раз скатился с горки. – Давай я его перенесу через нее, прямо к его гусенице.

– Ты, конечно, можешь так поступить, – задумчиво ответила Даша, – только в этом случае ты лишишь его бесценного опыта. В следующий раз он будет точно также штурмовать препятствие, надеясь на то, что произойдет чудо, и он окажется возле еды. Он перестанет надеяться на себя. Он будет думать, что, чем больше он тратит сил на бесплодные попытки, тем быстрее какая-то внешняя сила ему поможет. Если за это время он обзаведется потомством, то и его детям передастся это качество. В конце концов, все его потомство погибнет, так как будет изменена природная программа. Сейчас жук учиться, и это здорово. Если он решит эту задачу, это будет самый ценный подарок его детям. А теперь, если тебе его по-прежнему жалко, можешь ему помочь.

– Что-то мне расхотелось, – засмеялась Катя.

Она отвернулась от жука и посмотрела в сторону деревни. Оттуда к тому месту, где они сидели, шла группа девочек. На улице было жарко, и, видимо, девчонки направлялись на речку.

– Пошли искупаемся, Даша, – предложила Катерина, – смотри, сколько народу на речку идет. Весело будет.

– Пойдем, – ответила Даша.

Искупавшись, девочки опять вернулись на бревна. Здесь уже сидели ребята, человек шесть. В этом месте было прохладно: высокие деревья создавали тень.

Из-за горки вышли две девочки и направились к ребятам.

– Здравствуйте, девочки, – поздоровались они.

Это были подружки – Света и Майка. Они присели на бревнышко.

– Хорошо на речке, – произнесла Майка.

Она блаженно откинулась назад и, подставив лицо нежным лучам солнышка, зажмурилась.

Ребята какое-то время сидели молча.

– А что это к нам в деревню столько машин понаехало. Праздник какой, что ли? – спросила Света, разглядывая подъезжающие к церкви автомобили.

– Так ведь сегодня «Родительская суббота», – ответила Тоня. – Сегодня люди на кладбище собираются, чтобы родственников помянуть, да в церковь идут, чтобы свечку за упокой их души поставить.

Несмотря на жаркую погоду, Тоня была в длинной темной юбке. На голове повязан черный платок. Она была дочкой местного священника и хорошо разбиралась в религиозных праздниках. Среди сверстниц Тоня всегда выглядела старше своих лет. Она отличалась серьезностью нрава и недетской рассудительностью.

Девочки какое-то время смотрели на людей, которые шли с большими пакетами и букетами цветов на могилки к родственникам.

Зазвонил колокол. Нарядно одетые местные жители потянулись в церковь.

– Смотри, Майка, твоя бабушка в церковь идет, – сказала Тоня, – а ты что же с ней не пошла?

Майка открыла глаза и стала вглядываться в проходящих мимо людей. Наконец узнав бабушку, она опустила ресницы и снова откинулась назад.

– А мне-то что там делать? – сквозь зубы проговорила она.

– Как это что? – возмутилась Тоня. – Богу помолиться, маму помянуть, свечку за упокой ее души поставить.

Девочки знали, что у Майки полтора года назад умерла мама. Это была грустная история.

Родители Майки познакомились еще студентами. Мама училась в хореографическом училище, отец заканчивал режиссерский факультет одного из престижных столичных вузов. Их любовь была яркой и романтической. Шикарные букеты роз, признания в любви, путешествия – все это было в их жизни. На самом пике их отношений родилась Майка.

Она всегда вспоминала свое детство с какой-то щемящей грустью. Сколько она себя помнила, родители всегда были в разъездах, и Майка часто оставалась одна. Сначала с ней сидели няни, потом их сменила бабушка, мамина мама.

Самые светлые воспоминания у Майки были связаны с теми редкими случаями, когда вся семья собиралась вместе. Майка помнила, как однажды, вернувшись с гастролей, мама пробыла дома целых три месяца. Отец в это время тоже был дома. Они все втроем съездили к морю, а когда вернулись, поехали на дачу.

Майке тогда исполнилось семь лет. На даче собирались друзья родителей. Это были известные люди. Они устраивали шумные праздники, на которых присутствующие называли маму восходящей звездой русского балета. Мама была весела и беззаботна. Наверное, соскучившись по дочери, она проводила с ней много времени. Нередко утром они выходили в сад, где мама танцевала, напевая разные мелодии.

Однажды она вынесла из дома магнитофон и устроила для Майки настоящее представление. Мама двигалась очень красиво. Плавные движения рук, легкий шаг, скорее похожий на полет, завораживали Майку, погружая ее в какие-то приятные грезы. Когда мама закончила танцевать, она остановилась и оценивающе посмотрела на дочь.

– А ну-ка, иди сюда, – позвала она.

Когда Майка подошла, мама поставила ее в какую-то танцевальную позицию и предложила сделать несколько движений. Майка очень старалась.

– Нет, не так, – сказала мама.

Она встала напротив Майки точно в такую же позицию и предложила:

– Повторяй за мной.

Майка стала повторять движения, которые ей показывала мама. Сначала движения были резкими и неуклюжими, но потом стали приобретать плавность и даже изящество. Мама подняла руки и предложила Майке прижать свои ладошки к ее. В таком положении мама стала двигаться в различных направлениях, поднимая и опуская руки. Майка изо всех сил старалась не отставать.

Их занятия продолжались больше месяца. Майка вспоминала это время со смешанным чувством искренней радости и бесконечной печали.

Однажды мама как обычно включила магнитофон и встала напротив Майки. Она начала делать плавные движения, постепенно ускоряя темп. Майка не отставала. Через какое-то время она вдруг заметила, что находится в каком-то необычном состоянии. В голове не было ни одной мысли. Внутри звучала прекрасная музыка. Майка была потрясена, музыка действительно звучала откуда-то изнутри. Мелодия была очень похожа на ту, которая лилась из магнитофона, только она была намного насыщенней.

Майка заметила, что движения, которые она повторяла, стали абсолютно синхронными. Она как будто сливалась с мамой, становясь с ней одним целым. Майка откуда-то знала, что в следующую секунду сделает мама. Ее тело как будто действовало самостоятельно, без всяких сознательных усилий, управляемое не мыслями, а чувствами. Наверное, это было похоже на то, как великий музыкант, переполненный эмоциями, исполняет любимое произведение. Он не думает о том, какие нажимать клавиши, какая будет следующая нота. Его душа в прорыве вдохновения стремится выразить себя в самой совершенной форме. Майка была на седьмом небе. В этот момент она была абсолютно счастлива.

Заметив необычное состояние дочери, мама подошла к магнитофону и переключила музыку. Из динамиков зазвучала быстрая мелодия. Однако необычное состояние не исчезло. Майку захлестнула волна безудержного веселья.

На этот раз мама двигалась очень быстро. Она делала невообразимо сложные движения, высоко подпрыгивала, вращалась волчком. Майка не отставала. Она совершенно точно повторяла все движения мамы. В какой-то момент ей захотелось украсить то, что показывала мама. Она слегка изменила угол наклона тела, что придало ее движениям еще больше изящества. Теперь она не повторяла за мамой, а как будто отвечала ей своим собственным движением. Получался шуточный танцевальный диалог.

– Жаль, что никто не видит, – в какой-то момент подумала Майка.

Как только эта мысль мелькнула у нее в голове, она тут же сбилась с ритма. Пропала внутренняя музыка. Рисунок движений сломался. Майка остановилась. Через секунду она услышала аплодисменты. Майка обернулась. На пороге дома стоял отец. Он улыбался и аплодировал жене и дочери изо всех сил.

– Никогда не думал, – наконец произнес он, – что у вас двоих может так здорово получиться.

– Честно говоря, я тоже не думала, – ответила мама.

Она с интересом смотрела на дочь. Любопытнее всего было то, что Майка даже не запыхалась, в то время как маме потребовалось несколько минут, чтобы восстановить дыхание.

– Я не знаю, Майка, как ты это делаешь, – серьезно сказала мама, – но, по-моему, то, что я видела, это больше чем талант. Я кончила училище, каждый день репетирую, но мне не хватает чего-то, что есть в тебе. Я даже сама не знаю, что это.

Она вдруг искренне улыбнулась, подхватила дочь на руки и прижала к себе. Мама поцеловала Майку в щеку и торжественно произнесла:

– Когда ты подрастешь, я обязательно отдам тебя в училище. Ты станешь великой танцовщицей.

– Такой же, как ты, мамочка?

– Нет, – улыбнулась мама, – судя по тому, что я видела, лучше чем я!

Это было прекрасное время, но однажды оно медленно и страшно тронулось вспять.

Как-то весной мама вернулась с очередных гастролей. Майка заметила, что она явно не в настроении. Мама раздраженно ходила по комнате. Вещи лежали в полном беспорядке. Когда пришел папа, они закрылись в комнате и долго беседовали. Родители говорили громко. До Майки отчетливо доносился голос мамы. Из их разговора Майка поняла, что маме не дали какую-то очень важную роль. Судя по всему, эту роль отдали другой танцовщице, которую мама называла интриганкой, старой коровой и совершенной бездарностью.

Папа пытался утешить маму. Он говорил, что не стоит так переживать, ведь это не последняя ее роль. Если танцовщица, которая обошла маму действительно бездарность, то она скоро провалится, и роль вернут маме.

Выслушав папу, мама перешла на крик. Теперь она обвиняла отца в том, что он не понимает, насколько для нее важна эта роль. Она говорила, что такой шанс выпадает раз в жизни. Что эта роль – путь в «большой», начало блестящей карьеры, слава, деньги – это все, о чем она мечтала.

Майка не понимала, что значит путь в «большой», но чувствовала, что мама очень несчастна.

Наконец мамины чувства достигли высшей точки. Она не кричала, она срывалась на визг.

– Я от всей души желаю, чтоб она сдохла! – в сердцах кричала она. – Я желаю ей самой страшной болезни! Чтоб у этой Голубевой ноги отсохли!

– Остановись, Наташа, – с досадой сказал отец. – Ты сама не знаешь, что говоришь. Роль – это только роль, и желать человеку смерти за то, что он тебя обидел, – большой грех. Не гневи небо. Все, что ты пожелаешь другому, испытаешь сама.

Но маме было уже никак не остановиться.

– Убирайся отсюда, – закричала она. – Ты никогда меня не понимал. Я вообще была душой, что вышла за тебя замуж.

Когда папа вышел из комнаты, мама разрыдалась. Майке до слез было жалко маму. Ей почему-то представилось, как кривоногая старуха будет танцевать вместо мамы. Майка никак не могла понять, почему противный режиссер хочет поменять маму на какую-то старую женщину. В Майке стала закипать ненависть. Она тоже от всей души пожелала ей смерти.

С этого дня все пошло наперекосяк. Через неделю маму сбил пьяный мотоциклист. Она три месяца пролежала в больнице. Синяки и ссадины зажили, однако оставалась одна проблема – у нее было сильно травмировано колено. Врачи вынесли свой приговор – танцевать она больше не сможет. Это был страшный удар.

Когда маму выписали из больницы, то оказалось, что ей неудачно сделали операцию, и нога постоянно болела. Врач выписал маме какие-то таблетки и уколы, но предупредил, чтобы она принимала их в крайнем случае, так как может возникнуть привыкание.

Через какое-то время мама устроилась на работу учителем танцев. Денег платили мало. Да и работа ей не нравилась. Дома стали происходить постоянные скандалы. Нередко мама приходила домой выпивши. В один «прекрасный день» ее выгнали с работы.

А потом сгорела квартира. Мама уснула с непотушенной сигаретой. Отца в этот день дома не было. И пожарные едва успели спасти их с Майкой. Они целый месяц провели в больнице.

Сгорело все: деньги, документы, вещи. По вине мамы сгорели еще две квартиры и их заставили оплатить ущерб. Теперь денег у них катастрофически не хватало.

Родители приняли решение – переехать. Они отремонтировали квартиру и обменяли ее на другую, на окраине города. Однако от этого легче не стало. Мама снова устроилась на работу, но через два месяца ее опять выгнали. Она приходила на работу в нетрезвом состоянии и часто прогуливала. Попытки отца вразумить ее ни к чему не привели. Мама все чаще срывалась и кричала на него.

Майке было ужасно жаль маму. Она понимала, что если бы она могла танцевать, все сложилось бы иначе. Помочь маме она ничем не могла, она могла только плакать, наблюдая, как разваливается их семья.

Потом умерла бабушка. Маму выгнали с очередной работы. А потом ушел отец, и они с мамой остались вдвоем. Теперь мама пила очень часто, практически каждый день. В доме стали появляться незнакомые мужчины. Одни задерживались ненадолго, другие исчезали на следующий день. Майка часто оставалась голодной.

В школе она скатилась на тройки. Подружки от нее ушли, да, честно говоря, она и сама никого не хотела видеть.

В моменты редких просветлений, когда мама была трезвой, она плакала и просила у Майки прощения. Она говорила, что в том, что произошло, виновата только она сама. Мама обещала больше никогда не притрагиваться к спиртному и напивалась на следующий день до умопомрачения.

Однажды она вдруг вспомнила, что у Майки накануне был день рождения. Она снова плакала, просила прощения. Утром она подарила дочери маленького пупсика, одетого в одну ночную рубашку. Мама забыла, что Майке уже одиннадцать лет и в куклы она давно перестала играть. К вечеру она опять напилась.

Получив подарок, Майка проплакала весь день. Это был единственный подарок от мамы за последние годы. Она прижимала к себе этого пластмассового малыша и повторяла:

– Ну за что, Господи, ну за что!

Как-то раз Майка прождала маму три дня, но она так и не появилась. Потом пришли незнакомые люди и сказали Майке, что мамы больше нет. Они долго думали, что делать, потом решили позвонить отцу.

Никогда до этого момента Майка не знала, как сильно она любит маму. Сейчас она не помнила ничего плохого. В ней были только светлые воспоминания. Сейчас Майка испытывала самую сильную любовь и самую страшную боль от потери.

После похорон отец забрал Майку к себе. Он давно жил с другой женщиной, и у него за это время родилось двое детей. Мачеха приняла Майку ласково, и первое время все шло хорошо. Однако, чем больше в их семье находилась Майка, тем больше она чувствовала себя чужой.

Отец уже больше не работал режиссером. Карьера у него не сложилась. Он стал корреспондентом и подрабатывал в какой-то малоизвестной газете. Жили они с женой более чем скромно. Отцу часто приходилось бывать в командировках, и Майка оставалась с новой семьей один на один.

По прошествии некоторого времени Майка стала замечать, что новая папина жена смотрит на нее с упреком. Она ничего не говорила, но Майка чувствовала, что мачеху раздражает все: как она ходит, как ест, что говорит.

Майка старалась реже попадаться ей на глаза, всегда брать самый маленький кусок, но это не помогало. Она до того уставала дома, что ни за что не хотела уходить из школы домой. Она часто бродила одна по пустым школьным коридорам. Иногда она дремала, присаживаясь у теплой батареи. Изредка она плакала, прижимая к себе маленького пупсика, подаренного мамой.

Единственной радостью для Майки были танцы. В свои самые тяжелые моменты она уходила туда, где ее никто не мог увидеть, и танцевала. Она танцевала самозабвенно. Это даже трудно было назвать танцем, это было что-то большее. Начав танцевать, Майка неизменно входила в то стояние, которое испытала, танцуя с мамой. Реальный мир исчезал, и она оказывалась в каком-то чудесном месте, где звучала прекрасная музыка и со всех сторон струился ослепительный белый свет. В эти мгновения Майка была абсолютно счастлива. Ей казалось, что она парит над землей. Ее движения были настолько красивыми и точными, что казалось, будто сама чистота и гармония пытаются выразить себя через Майку.

Как только наступало лето, Майку на три месяца отправляли в деревню к родителям отца. Тут для Майки начинался настоящий ад.

Ее бабушка и дедушка переехали в деревню недавно. В городе у них была квартира, но они предпочитали жить в деревне. Бабушка была очень властной и категоричной женщиной. Когда-то она была руководящим работником и даже состояла в коммунистической партии. На старости лет она уверовала в Бога и стала ревнивой последовательницей православной церкви. Она крестилась в деревенском храме, после чего стала соблюдать все посты и праздники, накупила икон и начала регулярно посещать церковь.

Бабушка постоянно привлекла своего мужа ко всем этим мероприятиям. Дедушка был человек зависимый и покорно исполнял все прихоти жены. Бабушка пыталась привить христианскую веру и Майке, однако та наотрез отказалась, чем вызвала несказанный гнев бабушки.

С покойной невесткой у бабушки отношения не сложились, а в последние годы она ее просто терпеть не могла. Бабушка винила невестку во всех смертных грехах. Самое страшное обвинение было в том, что она сломала жизнь ее сыну. Это по ее вине, считала бабушка, сын не стал известным режиссером, а до сих пор мается в какой-то заштатной газетенке.

Майка внешне была очень похожа на маму, наверное, этот факт злил бабушку больше всего. А еще Майка была такой же независимой. Она позволяла себе иметь свое мнение. Стараясь помочь сыну, бабушка брала, конечно, внучку на все лето, но при этом не забывала попрекнуть ее куском хлеба. В минуты сильного раздражения она называла Майку нехристом и наркоманским отродьем.

Самую сильную боль Майка испытывала тогда, когда бабушка говорила, что ее мама будет гореть в аду, где ей самое место. Она утверждала, что эта мука будет вечной. В эти мгновения Майка ненавидела бабушку, а вместе с ней Бога и церковь.

Сейчас, увидев, что бабушка идет в церковь, она только зло усмехнулась.

– Ну, сегодня вечером начнется, – раздраженно проговорила она, – эта святая придет, намолившись, и начнет про адское пламя рассказывать. Особенно про то, как черти душу моей мамы в аду мучают. Пошла бы она, куда подальше, со своим Богом и церковью. Майка сплюнула сквозь зубы и собралась снова прилечь на бревно.

– Не богохульствуй, Майка, – серьезно сказала Тоня, – это гордыня в тебе говорит. Судьбу свою смиренно принимать надо. Отец наш небесный за грехи нас наказывает.

Майка снова села. Она зло посмотрела на Тоню.

– Гордыня, говоришь, ладно, допустим, – яростно произнесла она, – только чем это я перед Богом согрешила, что он мне такую судьбу уготовил, может, убила кого? Чем это моя мама так нагрешила, что Бог ее будет вечно в аду держать. Ты Бога оцтом называешь, это что ж за родитель такой, который собственных детей на вечные муки отправляет. Зачем ему вообще ад понадобился.

– Пути Господни неисповедимы, – опустив глаза, произнесла Тоня, – нам не дано понять дела отца нашего небесного. Я тебе одно сказать могу, Бог каждому дал свободу выбора, и каждый может по своей воле к нему прийти. А если человек не хочет, тогда Бог бессилен ему помочь. Человек сам себя на вечные муки обрекает.

– Это что ж за свобода выбора такая? – опять кинулась в атаку Майка. – Если я свободна, значит, я могу поступить так, как захочу, и ничего мне за это не будет. А если мне вечными муками угрожают, то понятно, что я должна выбрать. Неужели у твоего Бога, кроме угроз, ничего не нашлось. К тому же, скажи-ка ты мне, с чего это ты взяла, что ты в рай попадешь?

– Потому что я к единственно истинной вере принадлежу, – ответила Тоня.

– Чудесно, – зло рассмеялась Майка, – это значит, все, кто к другой вере принадлежит, в аду гореть будут. Не слишком ли много их получается? Кстати, большинство иноверцев как раз в обратном уверены. Ты поговори с ними, каждый из них тебе скажет, что только его вера истинная. Да я лучше с мамой в аду гореть буду, чем с такими, как моя бабушка, в раю жить.

– Ты сама не ведаешь, что говоришь, – безнадежно махнула рукой Тоня. – Впрочем, каждому воздастся по вере его.

Даша с любопытством смотрела на спорящих девочек. Вдруг она повернулась к Майке и спросила:

– Скажи, Майка, а как бы ты поступила на месте Бога?

Майка на мгновение задумалась, а потом решительно ответила:

– Я бы никогда и никого в ад не отправила. Я бы каждого утешила, особенно тех, у кого жизнь не удалась. Я бы объяснила им, что они не так сделали, и дала бы возможность ошибку исправить. Знаешь, Даша, мне иногда кажется, что я за каждого пьяницу и наркомана жизнь бы свою отдала. Если бы ты только знала, как я их понимаю!

– Это ты книжек бесовских начиталась, – презрительно сказала Тоня, – вот поэтому так и рассуждаешь.

– Может, и начиталась, – ответила Майка. – Знаешь, Даша, мне тут книга попала про родовые поместья. Я там про Бога прочитала. Автор его совсем иначе описывает, чем у нас принято. Я так обрадовалась, что даже духом воспряла. Там написано, что человек не один раз на земле живет и, если он родовое поместье построит, то всегда туда

вернуться сможет. Я даже план рисовать стала. А потом я до того места дочитала, где говорится, что те, кто в этой жизни поместье построить не успеют, то вновь родиться смогут только через десять тысяч лет. «Да что же это такое, – думаю, – опять угрозы. Мама-то моя ничего сделать не успела». У меня даже руки опустились.

– Значит, говоришь, всех бы утешила? – спросила Даша, искоса глядя на Майку.

– Да, – твердо ответила Майка.

– А знаешь, Майка, а ведь Бог именно так и поступит, – неожиданно сказала Даша.

– Что ты говоришь, Дашка! – возмутилась Тоня. – Ни к чему ее обманывать даже ради утешения. Бог за грехи каждого обязательно накажет.

– Вынуждена огорчить тебя, Тонечка, – улыбнулась Даша, – Бог наказывать никого не станет, хотя бы по той простой причине, что Бог есть любовь. Более того, самая высшая форма любви – безусловная, то есть Бог никому и никаких условий не ставит. И никогда и никого любви своей не лишает. Да, человек может отвернуться от Бога. Это и станет для него адом. Да только Бог от человека никогда не отвернется, хотя бы потому, что он Бог. Любой человек на этом свете или на том всегда может к Богу вернуться и Бог его с радостью примет.

А то, что книжек этих касается, я тебе, Майка, вот что скажу. В этих книгах истина написана. И путь хороший указан, по которому к счастливой жизни вернуться можно. Бог для всех людей его хотел. В отношении угроз – ты права, наверное, зря автор это сделал, тем более от имени Бога.

Душа человека бессмертна и душа твоей мамы жива. Она уже все осознала. Теперь она на твою жизнь смотрит и, я так думаю, переживает сильно, что ты несчастлива. Ее муки закончатся только тогда, когда тебе хорошо станет. Только ты ей помочь можешь. Кстати, вы еще в этой жизни можете встретиться.

– Что ты говоришь, Даша, – воскликнул кто-то из девочек.

– Ты действительно, Дашка, ври да знай меру, – с упреком сказала Тоня. – Ты еще скажи ей, что воскресить ее маму можешь.

– Во-первых, я никогда не вру, – серьезно ответила Даша, глядя на Тоню, – во-вторых, я всегда думаю, прежде чем что-то говорю. Если я сказала, что это возможно, то так оно и есть.

– Любопытно было бы посмотреть, – ехидно заметила Тоня.

Даша повернулась к Майке и серьезно сказала:

– Когда-нибудь, Майка, ты вырастешь, и наступит такое время, когда ты встретишь молодого красивого парня. Ты полюбишь его всей душой, и он полюбит тебя. Потом тебе очень захочется, чтобы у вас родился ребенок. Если в этот момент ты будешь думать о маме, то именно ее душа воплотится в теле твоего ребенка.

В этом будет нетрудно убедиться. Внешне ребенок будет очень похож на твою маму. Скорее всего, это будет девочка. В детстве у нее обнаружится тяга к танцам, а позднее раскроется настоящий талант. Если твой ребенок родится в том же месте, где вы жили с мамой последнее время, то ты обязательно заметишь, что твоя дочь каким-то необъяснимым образом будет знать, где лежат твои вещи. Ей будет казаться, что она все это уже видела.

Твоя дочь не будет помнить, кем она была в прошлой жизни, но ты будешь это твердо знать. Только самый главный вопрос, Майка, заключается в том, зачем ты хочешь пригласить в этот мир свою маму? Чему ты хочешь ее научить? Что хорошего ты хочешь ей подарить? Дело в том, что подарить ты ей можешь только то, что сама имеешь. Сможешь ли ради нее стать великой танцовщицей, захочешь для нее построить родовое поместье? В прошлой жизни твоя мама была несчастлива. Сможешь ли ты в этой жизни сделать ее счастливой?

– Смогу! – неожиданно воскликнула Майка.

Через секунду она пришла в себя и с грустью посмотрела на Дашу.

– Ох, Дашка, я очень хочу тебе верить, изо всех сил хочу, да только чудес в жизни не бывает. Вся моя жизнь тому подтверждением является.

– Пока ты так думаешь, так все и будет, – ответила ей Даша. – Знаешь, когда-то мой папа решил поступать в университет. В школе он учился плохо. В аттестате – одни тройки. Когда он служил в армии, он твердо решил, что станет студентом. В те времена попасть в университет было очень трудно, а с таким аттестатом, как у него, просто невозможно. Мой папа твердо решил, что он будет учиться. За год он выучил всю школьную программу. Ему надо было сдавать английский язык, и к моменту экзаменов он знал его настолько хорошо, что его взяли в самую сильную группу. Самое удивительное было в том, что в одном классе с папой учились ребята, которые были отличниками, так вот, многие из них так никуда не поступили только потому, что считали, что это невозможно. Если ты о чем-то говоришь, что это невозможно, так оно и будет.

Тридцать лет назад моей бабушке сделали операцию на позвоночнике. Такая операция считалась очень сложной, и врачи полагали, что самый лучший результат – это если больной сможет самостоятельно сидеть. Бабушка дала себе слово, что она выйдет к доктору на своих ногах. Она очень хотела жить и готова была сделать для этого все, что в ее силах. Когда собралась комиссия, врачи были потрясены – бабушке действительно удалось выйти к ним навстречу. Наверное, потому, что она проявила железную волю, она до сих пор жива и ходит на своих ногах. Те, кто поверил в то, что они не смогут встать, так и остались лежать и вскоре умерли.

Что ты готова сделать для того, чтобы исполнилась твоя мечта? Чем ты готова пожертвовать? А может, лучше найти причины, по которым это сделать невозможно, да и оставить все, как есть?

Майка ничего не ответила. Она вскочила со своего места и смотрела на Дашу, сжав кулаки. Потом она развернулась и кинулась прочь.

– Зря ты, Дашенька, так с ней говорила, – сказала Наташа, – ей и так тяжело. Ее бы успокоить надо.

– Успокаивать тех, кто ничего не хочет изменить в своей жизни, – это по вашей части. Я хотела дать ей шанс. Время покажет, смогла я это сделать или нет.

Даша решительно встала и зашагала домой.

Майка изо всех сил бежала по лесу. Слезы душили ее. Наконец перейдя на шаг, она заговорила сама с собой.

– Господи, ну за что мне все это? – всхлипывала она. – Ну чем я провинилась? Неужели я никогда не смогу стать счастливой. Почему так рано ушла моя мама? Почему родной отец ко мне совершенно равнодушен? За что так ненавидит меня родная бабушка?

Она плакала и плакала и никак не могла остановиться. Вокруг никого не было. Майка брела по лесной тропинке, ничего не замечая вокруг.

– Знаешь, Господи, – вдруг воскликнула она, – я очень хочу поверить Даше. Хочу и не могу. Нет во мне веры. Уж больно тяжело мне. Прошу тебя дай мне знак, что она права, и я обещаю тебе, я сделаю все, что от меня зависит.

Майка огляделась вокруг. Она забрела в какую-то чащу и сейчас стояла рядом с высокой березой. Она посмотрела вверх, как будто была готова услышать ответ. Вдруг она выпрямилась, топнула ногой и закричала на весь лес:

– Господи, дай мне знак, прошу тебя. Сделай это, и у тебя не будет более верной дочери, чем я. Помоги мне, и я смогу совершить чудо!

Потом она опустила глаза и тихо прошептала:

– Помоги мне или убей меня!

Майка присела под березой. На нее вдруг навалилась огромная усталость. Глаза слипались и не было никаких сил бороться с этим. Она закрыла глаза, прилегла на травку рядом с березой и мгновенно уснула.

Ей приснился странный сон. Она увидела абсолютно белый свет, от которого исходила такая любовь, которой Майка никогда в жизни не испытывала. Ей нестерпимо захотелось заплакать от счастья.

– Твоя просьба услышана, доченька, – прозвучал самый ласковый голос в мире, – не только услышана, но и исполнена. Не забудь и ты о своем обещании.

Смолк голос, и свет исчез, оставив после себя чудесное ощущение. Майка проснулась. Ей было так хорошо, как никогда прежде.

– Как здорово, – подумала она, – так не хочется просыпаться.

Майка поднялась, отряхнула свое платье и направилась домой. Солнце уже скрылось за горизонтом, но было еще довольно светло. Она шла по лесной тропинке, изо всех сил стараясь сохранить приятное чувство, пришедшее к ней во сне. Наконец из-за деревьев показалась крыша ее дома. Радостное настроение сразу угасло, Майка даже сбавила шаг.

Ей так не хотелось сейчас видеть бабушку, слушать ее речи. Вскоре она заметила, что возле их дома бегают какие-то люди. «Странно, – подумала Майка, – уж не случилось ли чего».

Когда она вышла из леса, то увидела, что к ней со всех ног бежит Тоня. Ее длинная черная юбка развевалась на ветру.

– Где ты ходишь? – воскликнула Тоня, остановившись перед Майкой, – мы весь лес обыскали. Беги скорей домой, там твоя бабушка умирает.

– Как умирает? – опешила Майка. – Она еще час назад здоровой была.

– Ей в церкви плохо стало, – начала торопливо говорить Тоня, – мы молились, как обычно. Вдруг она заплакала и никак остановиться не может. Потом на колени опустилась. А рыдания все громче становятся. Затем она на пол упала. Не слышит никого, только одно повторяет, чтобы тебя к ней привели, иначе ее душа в ад попадет.

Девочки торопливо шли по тропинке. Наконец Майка забежала в дом.

На кровати лежала бабушка, а вокруг нее толпился народ. На табуретке возле кровати стояли какие-то лекарства. На полу валялся разбитый стакан. Увидев Майку, бабушка попыталась встать с кровати и подойти к ней. Но, видно, ноги ее уже не держали, и, упав на пол, она поползла к Майке на коленях.

– Прости меня, Майка, – зарыдала бабушка, – прости меня, ради Христа. Грех на мне большой, мне сегодня в церкви Бог его показал. Мука смертельная душу мне сжигает, если не простишь ты меня, то и Бог меня не простит. Тогда я вечно в аду буду мучиться.

Бабушка захлебывалась слезами. Майка с удивлением смотрела на нее. Она больше не злилась на бабушку. Ей не было ее жалко. Страх этой старой женщины вызвал в Майке какое-то брезгливое чувство. Она попыталась сказать бабушке что-нибудь ласковое и не смогла.

Тогда Майка выпрямилась и, серьезно глядя на бабушку, произнесла:

– Я прощаю тебя! За все прощаю! Ты будешь жить. Я думаю, что все будет хорошо. Сегодня Бог не возьмет твою душу. Живи с миром.

После этих слов бабушка рухнула на пол и потеряла сознание. А Майка развернулась и вышла из дома. На следующий день она уехала в город.

В большом концертном зале шла плановая репетиция. На сцене ученики хореографического училища готовились к праздничному концерту. В пустом зале сидели четверо. Полноватый мужчина, лет сорока, в дорогом костюме и с золотым перстнем на пальце. Две женщины. Одна постарше, в простом, но элегантном платье. Другая – помоложе, в черном, плотно облегающем тело трико. На первом ряду сидел молодой мужчина, в серых брюках и белой безрукавке.

Когда ребята закончили танец, и музыка стихла, молодая женщина обратилась к мужчине в дорогом костюме.

– Ну, что скажете, Валерий Николаевич? – спросила она.

Мужчин потер подбородок и проговорил с сомнением:

– Что вам ответить, Татьяна Сергеевна. Ребята танцуют, конечно, хорошо. Только чего-то им не хватает. Огня, что ли. И спинку они держат ровно, и улыбаются. Только все это не так как-то. Солистка ваша ноги вон как высоко поднимает, да только такое впечатление создается, что все это искусственно. Понимаете, они не живут в танце, они жизнь изображают, поэтому впечатление какое-то неестественное получается.

Молодая женщина постаралась скрыть презрительную усмешку, промелькнувшую у нее на лице.

– Вам, конечно, виднее, Валерий Николаевич, – сказала она, – вы ведь наш спонсор.

– Не в этом дело, – раздраженно ответил мужчина. – Конечно, если бы я не вложил деньги в ваш ансамбль, он бы давно развалился. Но я хочу, чтобы это был лучший ансамбль. Сейчас на сцене достаточно всяких дилетантов от искусства. Они скоро уйдут, и их забудут. Только у нас с вами другая крайность получается. Мы детей профессионально танцевать научили, а душу вложить забыли. Такое искусство только десятку специалистов будет интересно. Оно людей зажигать не способно. Понимаете, Татьяна Сергеевна, искусство – это умение передать чувство. Умение заставить зрителя плакать и смеяться, умение заставить его сопереживать. А я от ваших танцев едва не заснул, – с досадой закончил он.

Молодой мужчина поднялся, два раза хлопнул в ладоши и объявил:

– Перерыв.

Ребята разошлись по сцене. Женщина постарше повернулась к мужчине в дорогом костюме и тихо произнесла:

– Наверное, вы правы, Валерий Николаевич, хотя я, честно говоря, даже не знаю, что делать. Свою душу я не могу в них вложить, а их души зажечь у меня пока никак не получается.

– Дайте мне настоящую солистку, – глядя на женщин, решительно произнес Валерий Николаевич. – Есть у вас девочка, которая живет танцем? Есть у вас кто-нибудь, кто сможет зажечь остальных?

– Есть, – вдруг прозвучал звонкий голос откуда-то сзади.

Взрослые обернулись. По проходу шла девочка, лет тринадцати, в простеньком платье и танцевальных туфлях.

– Я могу сделать то, что вы хотите, – решительно заявила она, глядя на мужчину в дорогом костюме.

Ее черные волосы рассыпались по плечам, горящие глаза светились решимостью и какой-то небывалой удалью.

– Ты кто, девочка? – спросила, первой пришедшая в себя, Татьяна Сергеевна. – Откуда ты взялась?

– Это неважно, – ответила девочка. – Самое главное, я смогу сделать то, что вам не удастся.

– А что? – как бы раздумывая, произнес Валерий Николаевич. – Может и вправду попробовать?

– Да вы что? – возмутилась молодая женщина. – Врывается какая-то девица с улицы, и вы хотите, чтобы она у нас танцевала?

– Я еще ничего не решил, – ответил мужчина, – я даже не знаю, умеет ли она танцевать вообще. У вас ведь все равно перерыв. Давайте развлечемся. Пусть покажет, что она умеет. Прогнать ее никогда не поздно. У тебя есть три минуты, – обратился он к девочке, – если я в течение этого времени не скажу стоп, можешь продолжать. Но если скажу – ты соберешь свои вещи и уйдешь и очень постарайся никогда больше не показываться мне на глаза. Договорились?

– Да, – решительно ответила девочка.

Она подошла к пожилому звукорежиссеру, который сидел рядом со сценой и протянула кассету.

– Включите, пожалуйста, первую мелодию, – попросила она.

Тот задумчиво потер подбородок, взял кассету и сунул ее в магнитофон. Он как-то по-отечески посмотрел на девочку и тихо произнес:

– Удачи тебе, дочка.

– Спасибо, – серьезно ответила девочка.

Она поднялась по ступенькам на сцену, вышла на середину и замерла, ожидая, когда зазвучит музыка. Ребята, сидевшие на сцене, с любопытством смотрели на незнакомку.

Музыка обрушилась как-то неожиданно громко. Бразильская мелодия разорвала тишину стройным и быстрым ритмом.

С первых движений стало понятно, что эта девочка не просто талантлива. Ее движения поражали своей красотой и изяществом. Она как будто сливалась с музыкой, создавая впечатление абсолютного единства движений и звуков.

Она танцевала яростно. Распущенные черные волосы придавали танцу магическую окраску. Какой-то дьявольский блеск то и дело вспыхивал в ее глазах. Улыбка поражала какой-то нечеловеческой глубиной. Она завораживала, она, как магнит, притягивала взгляды зрителей.

В какой-то момент, когда музыка ускорила свой темп, девочка стала вращаться на одной ноге с такой скоростью, что вообще трудно было себе представить, что такое возможно. Когда она выпрыгивала вверх, то создавалось такое впечатление, что она на мгновение задерживается в воздухе, нарушая все физические законы.

Не было никаких сил оторвать свой взгляд от того, что происходило на сцене.

Мелодия неожиданно оборвалась. Никто не произнес ни слова. Звукорежиссер вместе со всеми смотрел на сцену, совсем забыв о своей аппаратуре. Из динамиков зазвучала совсем другая мелодия. Теперь девочка танцевала совершенно иначе. В ее движениях больше не было этого яростного огня, безудержной мощи. Она как будто разговаривала с людьми в зале. Она танцевала очень печальную историю, видимо, историю своей жизни. Каждое движение было словом, каждый шаг был фразой, понятной любому, кто хотел понять то, что она говорила.

Ее движения вызывали такую щемящую боль, что одна из женщин не удержалась и всхлипнула. Девочка ничего не изображала, она жила. Она выплескивала на окружающих самые сильные чувства, от которых нельзя было отмахнуться. Невозможно было сказать, что ты их не ощущаешь или просто отвернуться от сцены.

В какой-то момент, когда эмоции достигли предела, девочка резко остановилась. В то же мгновение смолкла музыка, продолжая звучать в душе каждого. И опять никто не сказал «стоп». Звукорежиссер все также ошарашенно смотрел на сцену, не притрагиваясь к своей аппаратуре.

Следующий танец был совсем не похож на предыдущий. В глазах девочки вспыхнул радостный огонь. Она стояла, опустив руки вниз, прямая как струна. В следующую секунду она начала отбивать чечетку. Создавалось такое впечатление, что она не двигается, и только ноги в бешеном ритме танцуют сами по себе. Она высоко подбрасывала колени, выдавая одну дробь за другой. В какой-то момент, не переставая танцевать, она повернулась в пол-оборота к ребятам, сидящим на сцене.

– Ты, – вдруг громко воскликнула она и поманила к себе высокого красивого парня.

Парень вскочил на ноги, подбежал к ней и, выждав секунду, попытался подстроиться к ее танцу. Было видно, что он старается изо всех сил. Однако парень явно опаздывал.

– Нет! Медленно! – громко воскликнула девочка.

Она резко отвернулась от парня и, поискав глазами кого-то, указала на другого мальчишку, который сидел на противоположной стороне сцены.

– Вот ты, – залихватски выкрикнула она.

Второй парень смог продержаться не многим больше первого. Он тоже не выдерживал того бешеного ритма, который задавала девочка.

– Тренируйся, – насмешливо крикнула девочка и, слегка подтолкнув парня, отправила в угол сцены.

Она продолжала танцевать, ни разу не сбившись с ритма. Девочка обвела глазами зал, как будто прикидывая, кто бы мог составить ей компанию. Наконец, ее взгляд остановился на молодом мужчине, сидевшем в зале.

– Вот Вы, – крикнула она, указав на мужчину пальцем.

– Я? – удивленно воскликнул тот.

– Да, Вы, – девочка решительно тряхнула головой. – Или Вам тоже слабо?!

Она насмешливо смотрела на него.

– Ну, держись! – задорно отозвался мужчина.

Он легко поднялся и выскочил на сцену.

– А ну давай заново, Семен, – крикнул он звукорежиссеру.

Тот, как будто очнувшись, торопливо перемотал пленку и нажал пуск. Музыка заиграла снова.

Мужчина и девочка стояли друг напротив друга. Когда зазвучала музыка, они одновременно стали бить чечетку. Никто из них не хотел уступать. Девочка двигалась легко и изящно. Движения мужчины были более порывисты, и он был чуть более напряжен. Как бы девочка не ускоряла темп, мужчине удавалось его удерживать, хотя было видно, что это ему дается с огромным трудом.

В какой-то момент девочка перестала взвинчивать темп и затанцевала легко и расслабленно. Она как будто приглашала мужчину к диалогу. Девочка выдавала ногами дробь, а потом давала возможность ему ответить. Получался веселый дурашливый танец.

Когда прозвучал последний аккорд, она топнула ногой и осталась стоять, оперев руки в бока. Мужчина обессилено опустился на пол, он тяжело дышал. Потом он лег на спину, полежав в таком положении несколько секунд, расхохотался.

– Давно меня так никто не пришпоривал, – улыбаясь, сказал он. – Ну, красавица, ты даешь!

Девочка протянула ему руку, помогая подняться. Потом она откинула волосы назад и спустилась со сцены. Она подошла к мужчине в дорогом костюме и остановилась, глядя на него в упор.

– Я хочу танцевать в вашем ансамбле, – решительно сказала она.

– Откуда ты взялась? – спросил мужчина, пропустив ее слова мимо ушей.

Он уже пришел в себя, но все еще потрясенно смотрел на девочку.

– Это неважно, – ответила девочка. – Я просто хочу у вас танцевать.

– В нашем ансамбле танцуют только те, кто учится в хореографическом училище, – сказала женщина, которая выглядела постарше.

– Значит, я буду у вас учиться! – решительно заявила девочка.

– А живешь-то ты где? – усмехнувшись, спросил мужчина в дорогом костюме.

– На вокзале, – равнодушно ответила девочка.

– На каком вокзале? – опешил он.

– На железнодорожном, – теперь уже усмехнулась девочка. – Вы не волнуйтесь, мне уже четырнадцать лет и я вполне могу о себе позаботиться. Обещаю приходить на занятия вовремя и не пропускать ни одного урока.

Взрослые с изумлением смотрели на нее.

– Вы что, действительно, хотите взять ее в ансамбль? – повернувшись к мужчине, спросила молодая женщина.

– А вы – против, Татьяна Сергеевна? – теперь мужчина смотрел на нее с любопытством.

– Девочка, конечно, хорошая, это видно, – ответила женщина, опустив глаза, – но поймите, Валерий Николаевич, все-таки школа...

– Что?! – мужчина вскочил со своего места. – Школа!.. Девочка, говорите, хорошая... это ваши девочки хорошие, Татьяна Сергеевна, а эта девочка гениальна!

Он ударил кулаком по спинке кресла.

– Когда-то мне не удалось стать великим танцором, но отличить будущую звезду от подмастерья я еще сумею.

Он видно хотел еще что-то добавить, но сдержался и снова сел на свое место.

– Мне лицо твое знакомо, – обращаясь к девочке, сказала другая женщина, – мы никогда раньше не встречались?

– Не думаю, – спокойно ответила та, – я вас вижу впервые.

– Как твоя фамилия? – снова спросила женщина.

Девочка назвалась.

– Твоя мама была танцовщицей? – опять задала она вопрос.

Девочка печально кивнула головой.

– Кстати, – вступил в разговор молодой парень, – от чего она умерла?

– Я тоже хотел об этом спросить, – присоединился к нему мужчина в дорогом костюме.

– Вы что знакомы с этой девочкой? – подозрительно спросила Татьяна Сергеевна.

Мужчина бросил на нее презрительный взгляд.

– Нет, Татьяна Сергеевна, – медленно ответил он. – Я ее вижу впервые, так же, как и вы. А о своей трагедии она в танце рассказала, неужели вы не заметили. Тоже мне – профессионал.

Женщина постарше с любопытством смотрела на девочку.

– А ты знаешь, – вдруг сказала она, – я ведь знала твою маму. Когда-то мы были с ней подружками и даже соперницами. Мы танцевали с ней вместе. Тебе фамилия Голубева ни о чем не говорит?

При этих словах девочка заметно вздрогнула. Она во все глаза смотрела на женщину.

– Я так понимаю, Валерий Николаевич, – продолжила она, обращаясь к мужчине в дорогом костюме, – что вы уже приняли решение. С училищем проблем не будет, это я беру на себя. Эта девочка действительно того стоит. А вот жить на вокзале – не годится.

– Может, в общежитии место найдется, – предположил молодой парень.

– До начала года там мест не будет, – задумчиво ответила женщина. – А может, ты у меня пока поживешь? – предложила она, повернувшись к девочке.

Та растерянно смотрела на женщину.

– Ну вот, – усмехнулась женщина, – на сцене такие кренделя выдавала, а тут растерялась. Не сомневайся, пошли.

Она обняла девочку за плечи и направилась в сторону выхода. Пройдя несколько шагов, она остановилась и обернулась.

– Я надеюсь, сегодня вы без меня справитесь, – сказала она мужчине в дорогом костюме. – Увидимся завтра.

Она махнула рукой и вышла из зала, увлекая за собой девочку. Когда они спустились вниз, женщина остановилась. Она ласково посмотрела на девочку и произнесла:

– Ты не пугайся. У меня здесь своя квартира. Мы с дочкой вдвоем живем. Она твоя ровесница. Я уверена, что она рада будет тебя видеть.

Женщина решительно зашагала к раздевалке.

– Кстати, я совсем забыла представиться, – весело сказала она. – Меня зовут Ирина Николаевна. Ну, теперь пошли.

– Подождите, – тихо проговорила девочка.

Она остановилась и смотрела женщине прямо в глаза.

– Простите меня, Ирина Николаевна, – вдруг решительно выпалила она, – и маму мою простите.

Женщина с изумлением смотрела на девочку.

– Я даже не представляю, о чем ты говоришь, – медленно сказала она.

– Это неважно, – упрямо повторила девочка, – просто, если можете, простите нас и все.

В ее голосе слышалась настоящая мольба, женщина не сомневалась в том, что этой девочке почему-то очень важно именно ее прощение.

Она больше не стала ее ни о чем спрашивать. Она совершенно серьезно посмотрела ей в глаза и произнесла:

– Я от всей души прощаю тебя и твою маму!

– Спасибо! – искренне ответила девочка.

Она вытерла слезы и прижалась к женщине, которая крепко обняла ее.

Жарким летним утром Даша с папой шагали по Москве. Они были здесь проездом. Поезд отправлялся только вечером, и у них была масса свободного времени.

– Может, в зоопарк пойдем? – лукаво спросил папа.

– Ты же знаешь, что я зоопарков терпеть не могу, – усмехнулась Даша. – Давай лучше на катере по реке покатаемся.

Они направились в сторону пристани.

– Смотри-ка, Дашка, – сказал папа, указывая на красочную афишу, – кажется, сегодня вечером состоится концерт. Выступают юношеские ансамбли со всего мира. Смотри, тут написано, что в концерте примут участие лауреаты всяких престижных конкурсов. Среди них и какой-то российский ансамбль. Давай сходим.

– Наивный ты, папуля, – ответила Даша, – да на такой концерт билеты за два месяца вперед раскупают.

– А мы попробуем, – предложил отец, – если не получится, мы назад вернемся.

Проехав несколько остановок на метро, они вышли около большого концертного комплекса. Народа в кассу почти не было. Подойдя поближе, они сразу поняли почему. На стекле висела табличка, что все билеты на сегодняшней концерт проданы.

– Я же тебе говорила, – улыбнулась Даша.

– Знаешь, Дашка, у меня такое впечатление, что мы на этот концерт попадем, – задумчиво сказал папа. – Сам не знаю, почему я так в этом уверен.

Они отошли от кассы и остановились на ступеньках. Вдруг к ним подошла молодая женщина.

– Простите, – обратилась она к папе, – вам не нужны билеты на сегодняшний концерт?

– Очень нужны, – улыбнувшись, сказал папа, искоса посмотрев на удивленную Дашку.

– Понимаете, мы с сыном хотели пойти, – стала объяснять женщина, – а он у меня приболел. Нам по знакомству билеты на первый ряд достали. Да, видно, не судьба.

Она протянула папе билеты. Он отсчитал деньги, положил билеты в карман и удовлетворенно опустил на скамейку.

– Ну вот, теперь можно и на катере покатайся, – сказал он.

В шесть часов вечера они подошли к концертному комплексу. Здесь уже толпился народ. К ним то и дело подбегали люди и спрашивали лишний билетик. Пробравшись через толпу, они вошли внутрь.

Представление действительно было стоящим. На сцене выступали лучшие ансамбли со всего мира. Горячие аргентинские танцы сменяли плавные прибалтийские хороводы, на смену экзотике африканского ритма приходил задорный молдавский пляс. В конце вечера диктор объявил выступление российского ансамбля.

– А сейчас пред вами выступит лауреат международного конкурса, ансамбль «Росич», солистка Майя Вишнева, – торжественно объявил он.

Это было лучшее выступление. Даже невооруженным глазом было видно, что уровень исполнения этих ребят был намного выше всех остальных. Ансамбль танцевал как единое целое. Они двигались настолько легко и красиво, что создавалось впечатление, что это не стоит им никакого труда.

Солистка была особенно хороша. Ее задор передавался не только ансамблю, но всем сидящим в зале. Она не танцевала, она творила. С мастерством великого художника она создавала чудесные образы. Рисунок ее танца был прекрасен. Он имел абсолютную завершенность. В его кажущейся простоте была такая эмоциональная сила, которая никого не оставляла равнодушным.

Когда ансамбль закончил свое выступление, зал взревел в бешеном гуле аплодисментов. Люди хлопали стоя. Вокруг творилось что-то невообразимое.

Солистка несколько раз выходила на сцену. Когда она вышла в последний раз Даша заметила, что она держит в руке маленькую пластмассовую куклу. Девушка что-то шептала, глядя в зал горящими глазами.

Вдруг она прижала куклу к груди и что-то выкрикнула, перекрывая шум в зале.

К Даше, сидевшей на первом ряду, отчетливо долетели ее слова:

– **Этот танец для тебя, мамочка.**

Большой черный жук в очередной раз скатился с песочной кучи. Он стоял задумавшись. Вдруг он развернулся, спустился вниз и быстро зашагал в обход. Жук переплыл небольшую лужу. Ловко увернулся от птицы, которая хотела его съесть. Перелез через толстое бревно и, оттолкнув наглого муравья, который пытался одолеть гусеницу, схватил свою добычу. Он перенес ее в надежное укрытие и расслабился. Жук был счастлив.

Старая сказка на новый лад

Теплым летним вечером Даша вошла в дедушкин дом. Она уже месяц жила в деревне. Папа с мамой сидели за столом и пили чай. Дедушка возился с печкой, а бабушка процеживала молоко.

– Садись с нами, Дашенька, – пригласила мама.

Даша примостилась на скамейке и взяла пирожок с повидлом, который испекла бабушка.

Она напилась чаю и поднялась наверх, в свою комнату. Раздевшись, она забралась в кровать и накрылась одеялом. Спать ей совсем не хотелось.

В комнату заглянула мама и пожелала ей доброй ночи. Потом зашел папа. Он подошел к окну и немного прикрыл форточку.

– Посиди со мной, папа, – попросила Даша.

Папа присел на кровать.

– Расскажи мне сказку, – лукаво улыбаясь, сказала Даша.

– Ты ведь у меня уже большая, Дашенька, – улыбнулся папа.

– А ты мне большую расскажи, – дурашливо заявила она.

Папа поднял глаза к потолку и задумался.

– И о чем же тебе рассказать сказку? – наконец спросил он.

– А ты мне расскажи такую сказку, где бы было все обо всем. А еще чтобы она была добрая и мудрая, чтобы она хорошо заканчивалась и чтобы спать совсем не хотелось.

– Хитрая ты, Дашка, – сказал папа, – и условий много ставишь. Да ведь ты и за мыслью моей успевать не будешь.

– А я, папочка, глазки закрою и все-все представлять буду, – весело ответила Даша. – Тогда я точно успею.

– Ну что ж, – задумчиво сказал папа, – давай попробуем. Закрывай глазки и слушай.

В некотором царстве, в некотором государстве в стародавние времена жил старик Матвей и был у него сын Иван. Веселые они были, трудолюбивые, безотказные. Работы никакой не гнушались и в помощи соседям никогда не отказывали. Жили они на самом краю деревни.

Еще когда молод был старик, пожаловал ему барин два гектара земли пожизненно. Не за просто так землю дал, а за то, что спас Матвей сына барского.

Деревня, где жил Матвей, на берегу реки стояла, весной по ней мужики лес сплавливали. У ребятишек деревенских особой удачью считалось перебежать по скользким бревнам на другой берег реки. Опасное это было занятие, не каждый на такое решался.

Как-то весной вся барская семья с детьми да няньками вдоль реки гуляли да и увидели забаву деревенскую. Никому в этот раз не удавалось даже до середины реки добежать, все в воду падали, потом под бревна подныривали да стремглав к берегу плыли. Весна. Водичка холодная. Посмотрел барин на забаву да уж и развернулся, чтобы домой идти, как вдруг сынок его двенадцатилетний сорвался с места и кинулся к реке. Неожиданно все произошло, вот и не успел никто барчонок остановить. А он запрыгнул на бревна и побежал по ним, скользким да неустойчивым. Все замерли от неожиданности.

Поначалу барчонок ловко по бревнам бежал, вот уже и середина реки. Все стоящие на берегу дыхание затаили. Но на самой середине поскользнулся он и упал в воду, а бревна коварные над головой его сомкнулись.

В голос завывала на берегу барыня, барин бледный по берегу мечется, только никто из взрослых не решается в воду броситься. Матвей в этот момент вдоль берега шел, увидел эту картину, скинул кафтан, вскочил на бревна и побежал к тому месту, где барчонок тонул. Вовремя успел, разошлись бревна и среди них голова показалась. Изловчился Матвей, схватил барчонок, выдернул на бревна и побежал назад.

Дважды он срывался в воду, едва сам не погиб, но вытащил мальчика. Далеко их течением отнесло, когда сельчане их нашли, барчонок на берегу сидел, а Матвей рядом лежал, ребра у него были сломаны да нога повреждена.

Матвея домой отнесли, а на следующий день барин пришел.

– Проси, – говорит, – что хочешь – все исполню!

– Ничего мне не надо, – Матвей ответил, – а коль не жалко, барин, то на краю деревни кусок земли непахотной есть, гектар примерно. Отдай ее мне.

Удивился барин и говорит:

– Коль денег не попросил да случаем не воспользовался, сделаю я так: землю, что просишь – получишь, но не один гектар, а два, вольную я тебе дам, денег вот сто рублей золотом принес. И еще помни: ни ты, ни дети твои оброк платить вовек никому не будете.

Повернулся барин и к двери пошел, у двери остановился и говорит:

– Спасибо тебе, Матвей, за сына, век не забуду!

– И тебе, барин, спасибо, – ответил Матвей.

Вот так у Матвея своя земля появилась, и стал он вольным крестьянином.

Шло время. Барин с сыном в город переехали. Матвей женился, взял за себя девушку веселую да работающую, певунью первую во всей деревне. Жили они дружно в любви да согласии, только вот детей долго у них не было. Уже под старость родила жена Матвею сына. Назвали они его Иваном. Хороший парнишка рос, добрый да ласковый. Отцу матери помогал, а по вечерам пели они втроем песни – вся деревня заслушивалась.

Матвей соседям завсегда помочь старался, деньги, что барин ему подарил, бедным в долг раздавал, да только тот долг никогда назад не спрашивал. На земле, что ему досталась, Матвей один гектар травой засеял, а на втором они всей семьей лес высадили да сад взрастили, и не было во всей округе места красивее.

Долго ли коротко ли – минуло двадцать лет. Как-то весной жена Матвея белье на реке полоскала, простудилась да через неделю и померла. Похоронили они мамку в родовом поместье, березку на ее могиле посадили, и отец с сыном вдвоем остались.

Пришло время и Матвею на тот свет собираться. Позвал он Ивана и говорит:

– Пришло, Ваня, и мое время. К мамке душа моя просится. Остаешься ты один. Жаль, внуков мне не придется на руках покачать, но тут уж ничего не поделаешь.

Опечалился было Иван, а отец ему и говорит:

– Никогда, Ванюша, обо мне не печалься, я весело жил, весело и уйти хочу! Пойдем-ка в баньку сходим.

Помылся Матвей в бане, прошел по поселку, поговорил с теми, кого по дороге встретил, шутил и смеялся весь день, на гармони играл да пел. Потом по саду прошел, что вместе с женой и сыном сажали, с каждым деревом простился, улыбался всю дорогу.

Пришли они с сыном домой, надел Матвей чистую рубаху, лег на полати и зовет сына:

– Вань, а Вань.

– Что, батя? – Иван спрашивает.

– Иди, Вань, сюда, проститься с тобой хочу.

Подошел Иван к отцу, а Матвей ему и говорит:

– Я, Ваня, жизнь свою славно прожил, хочу, чтобы и твоя не хуже была. Всему я тебя научил, что сам знал, а напоследок хочу три истины тебе открыть.

– Ты уже, Ваня, знаешь, – продолжил Матвей, – что каждый человек к счастью стремится, да только не знает, где икать его. Так вот, Ваня, **первая истина** в том, что счастье человека в нем самом находится, и не зависит оно ни от богатства, ни от славы, ни от почестей.

Вторая истина в том, что раскрыть это счастье в себе можно только одним способом – все, что хочешь получить сам, отдай другому! Коль хочешь счастливым стать – сделай другого счастливым.

А третья истина в том, что нигде счастья найти нельзя, кроме как на Родине своей, туда только и любовь приходит.

Сказал так Матвей, закрыл глаза и замолчал. Через минуту приоткрыл один глаз и говорит с хитрецей:

– Слышь, Вань.

– Что, батя? – Иван отвечает.

– Тут вот, Ваня, Бог кое-что от себя добавить хочет. Бог, Ваня, говорит, что все от точки зрения на жизнь зависит. В жизни нет ничего самого по себе плохого или хорошего. Все зависит от того, как ты смотришь на нее. Коль трудности в своей жизни как урок воспримешь, так и справишься с ними сможешь и научишься многому, а если как горе непреодолимое все воспринимать станешь, то с тем и останешься. А чтоб тебе, Ваня, запомнилось лучше, знай – Бог никого не послал к тебе, кроме ангелов, и ничего не дал, кроме чудес!

Замолчал Матвей, улыбнулся, а через минуту душа его к Богу отошла.

Обнял Иван отца, потом поднял его тело на руки и отнес на то место, где мамка похоронена была. Вырыл могилку, застелил дно ветками еловыми, положил туда тело Матвея, накрыл сверху покрывалом да могилку руками и засыпал. На том месте, где отца похоронил, посадил Иван клен раскидистый.

Пока Иван отца хоронил, увидала его соседка, подошла к нему и спрашивает:

– Никак случилось что, Иван?

– Батю схоронил, – Иван отвечает.

– Ой, горе-то какое! – заголосила соседка и кинулась в деревню, людей позвать.

Подошел Иван к дому, сел на скамейку, а на ней гармони отцовская стояла. Взял он ее да хотел песню грустную спеть. Стал на гармони наигрывать, а пальцы как-то сами собой плясовую выводить стали – ту песню, что любили они с отцом да мамой втроем петь. Стал Иван подпевать тому, что пальцы выводили, да увлекся, видать.

Все громче поет, все радостней. И вдруг почудилось ему, будто отец ему подпевает, а потом и мамин голос услышал. Улыбнулся Иван, поет себе, а душа радостью наливается,

солнышко из-за тучки выглянуло, и такое впечатление у него, будто вся природа ему подпевает.

Допел Иван песню до конца, глядь – а за воротами вся деревня собралась. Подходит к нему староста и говорит:

– Ты что ж это, Вань, ведь горе-то какое – отца схоронил только что, а сам песни плясовые горланишь. Мы вот баб из деревни привели, отца твоего оплакать, чтобы упокоил Бог его душу грешную. А еще водки принесли, помянуть его по христианскому обычаю.

Отвечает им Иван:

– Спасибо вам, люди добрые. Только с отцом я уже простился. Теперь душа его с маминой соединилась и вместе с Богом они пребывают. Зелья хмельного мой отец никогда в рот не брал и меня не приучил, потому водкой поминать его не следует. А коль помянуть его хотите, то угоститесь яблоками с дерева, что он посадил, да малины попробуйте. Душе отца моего это во много раз приятнее будет. Подивились соседи, покачали головами да и ушли восвояси.

Неделя проходит, другая проходит. Как-то по весне собрался Иван рожь сеять. Вывел коня своего в поле попастись да и отпустил. Никогда Иван коня своего не привязывал, ног ему ни спутывал, а уж о том, чтобы коня плетью ударить, и подумать не мог.

Бегает конь по полю, резвится. Цветет все кругом, пчелы жужжат, воздух голову пьянит. Заржал Иванов конь и вдруг кинулся по полю прочь от деревни, скачет во всю прыть. Удивился Иван. А соседи ему и говорят:

– Эх, Иван, Иван, разбаловал ты коня. Кабы ноги ему спутывал да плетью охаживал, так он и смиренней бы был. А теперь поминай как звали, ни за что домой не воротится.

Опечалился было Иван, да слова Бога вспомнил, что отец ему перед смертью передал:

– Никого я не послал к тебе, кроме ангелов, ничего не дал, кроме чудес!

Повернулся Иван в ту сторону, куда конь убежал, да и крикнул:

– Конек мой милый, другом ты мне был и помощником, и землю мы с тобой пахали и на колясочке ездили. Спасибо тебе за все! Счастлив будь, а коль вернуться захочешь, всегда с радостью встречу!

Сказал так и пошел домой. Взял гармонь и песню веселую запел. Подивились соседи словам Ивана да за работу принялись. Весна в том году ранняя была, все старались успеть пораньше все посадить да посеять.

Работают соседи, а сами меж собой разговаривают:

– Как же он теперь без коня? Ни поле вспахать, ни огород засеять. Ведь с голоду помрет или по свету с протянутой рукой идти придется. Горе ведь у него, а он опять песни горланит. Может, своего коня ему кто-нибудь даст? Батька его, Матвей, добрый был, никому не отказывал. Да кто ж даст-то, у самих дел невпроворот?

Поговорили так соседи да и опять делами своими занялись.

День проходит, неделя проходит – не возвращается конь к Ивану. Еще пуще соседи причитать стали, какой он бедный да несчастный. Говорить говорят, а помочь никто не спешит. Вот уж ростки первые на полях и в садах появились. Не видать коня.

Как-то утром просыпается Иван, смотрит в окно, а на полях снег лежит, да мороз трескучий стекла инеем затянул. Удивился Иван, что это мороз среди весны ударил. Вышел на улицу, а там уже вся деревня собралась, хмурятся мужики, бабы в голос воют:

– Ой, горе-то какое, мороз все саженцы сгубил, семян совсем не осталось, помрем все смертью лютою, дети по миру пойдут!

Стали селяне обсуждать, где же им теперь семян взять. Ведь во всей округе урожай погиб, ни у кого семян не осталось. Вдруг вспомнил кто-то, что Иван в этом году ничего посадить не успел, может, он даст. Обрадовались было, да вспомнили, что, когда у Ивана беда случилась, никто к нему на помощь не пришел, стыдно селянам стало.

Тут одна женщина и говорит:

– Мне хоть и стыдно очень, все равно к Ивану пойду, повинюсь, в ноги упаду, может, Христом Богом упрошу помочь.

Обернулась она, а Иван рядом стоит.

– Не надо, тетка Матрена, тебе в ноги мне падать, и виниться вам передо мной, люди добрые, не в чем. А то, что не помогли вы мне, так это Бог урок мне преподать хотел. Теперь я точно знаю, он никого не послал ко мне, кроме ангелов, ничего не дал, кроме чудес. Вы только исполнили то, что задумал он.

Пошел Иван в дом, вынес мешок с семенами и стал людям раздавать. Черпает из мешка тарелкой семена и людям отсыпает, каждому столько, сколько тот просит. Когда он с зерном закончил, зашел в дом, вынес оттуда картошки семенной, лук, чеснок и саженцев овощей разных. Раздает людям, а у самого на душе радостно. Отдал Иван и последнему соседу семян да и проводил с Богом.

Поклонились ему люди да скорей заторопились новые посадки делать, а Иван вышел во двор и веселую песню запел. Тут вспомнил кто-то из соседей, что коня-то у Ивана нет, и говорит ему:

– Возьми, Иван, моего коня, посади семена в землю, а я уж после тебя.

– Нет, – отвечает Иван, – сажай сам первый, а я уж потом.

Ушел сосед, а Иван снова песню запел, а на душе у него еще лучше стало.

На другое утро проснулся Иван оттого, что послышалось ему, будто конь его ржет под окном.

– Почудилось, наверно, – думает.

И совсем уж на другой бок перевернуться хотел, как услышал конский топот. Вскочил Иван с постели, выбежал во двор, смотрит, а на поле стоит его конь, а рядом три дикие кобылки. Подошел Иван к коню своему, обнял его, а конь ему на плечо голову положил да так и стоит.

На другой день запряг Иван коня, вспахал поле, посеял рожь. Лето в этом году выдалось жаркое, осень солнечная. Урожай богатый собрали селяне. Пришли они к Ивану рассчитаться за семена, да каждый еще от себя кое-что в благодарность добавил. Ивану уже и складывать запасы некуда, а люди все несут. И подумалось Ивану:

– Воистину, ты был прав, отец, когда сказал, что для того, чтобы что-то получить, необходимо это отдать. Действительно, хочешь стать богатым, сделай богатым другого!

Люди хоть и благодарны Ивану были, все же многие завидовать начали.

– Ты, Иван, – говорят, – теперь богатым стал. И хлеб у тебя есть, и кони.

Усмехается Иван:

– Богатство и бедность – все относительно. Для меня самое главное – научиться все с благодарностью принимать, так как все от Бога приходит: или как награда, или как урок. И все события ведут к лучшему!

Дивятся люди словам Ивана, да всяк свое думает.

На следующий год решил Иван кобылку гнедую объездить, уж больно красивая да статная была. Накинул на нее узду, а вот седло надевать не стал. Запрыгнул на нее и шагом пустил, потом рысью поскакал. Ровно кобылка идет. Едет Иван, песню поет. Вдруг кобылка в сторону прыгнула, потом на дыбы встала да и понесла. Не удержался Иван на лошади, сорвался вниз да со всего маху оземь ударился. В правой ноге его что-то хрустнуло, и такая боль его охватила, что он на миг сознание потерял.

Пришел в себя Иван, смотрит – кобылка на лугу спокойно пасется. Попробовал он на ноги встать, да не смог. Кобылку подзвать пробовал – не идет. Тогда пополз Иван к дому. Долго он полз, наконец сосед его увидел. Подбежал к Ивану, поднял на руки да в дом отнес. Позвали бабку- знахарку. Та пришла, а за ней еще полдеревни баб в избу набилось. Посмотрела знахарка на ногу Ивана да и говорит:

– Худо дело, Иван, нога твоя в двух местах сломана. Лежать тебе не меньше трех месяцев придется, а если кости срастутся неправильно, то на всю жизнь хромым остаться можешь.

Завыли бабы, запричитали:

– Ах, ты, несчастный, да как же тебя угораздило, а все эта кобыла проклятая. Плетью ее отходить надо. А лучше, вообще, прибить!

Бабка-знахарка кости Ивана соединила да деревянный гипс сделала. Тканью чистой ногу туго перетянула да лежать велела. Потом простилась и ушла.

Полежал немного Иван и просится:

– Соседи дорогие, отнесите меня к кобыле.

Двое мужиков подняли его да на луг вынесли. Один из мужиков кнут взял, всем посмотреть охота, как Иван кобылку учить будет.

Оперся Иван на плетень, а кобылка сама к нему подошла. Обнял ее Иван и говорит:

– Спасибо тебе, кобылка, спасибо тебе, милая, уж не знаю, от чего ты меня спасла, но точно знаю, что это подарок для меня, чудо настоящее!

Оторопели селяне, кто-то из мужиков аж плюнул с досады. Гладит Иван кобылку, а она вроде как ухмыляется. Заметили это мужики и говорят:

– Ты, Иван, и впрямь дурак, кобыла тебя инвалидом сделала, ухмыляется вон стоит, а ты ей спасибо. Раз такой умный, то и до дома сам добирайся.

Сказали так и ушли. Кое-как Иван до дома добрался, лег на лавку и заснул.

День проходит, другой проходит. Как-то поутру зазвонил в селе колокол, призывая селян на сход. Собрались люди, а к ним генерал вышел и говорит:

– Царь наш, батюшка, воевать новые земли решил, государство укреплять, а потому все мужики и парни старше 18 лет в армию должны идти. А кто не пойдет, тому велено головы рубить.

Нахмурились мужики, завыли бабы, да делать нечего: стали селяне на войну собираться. Всех мужиков да парней подчистую забрали, а Иван в селе остался, так как совсем ходить не мог.

Через полгода мужики с войны воротились, да только не все пришли. Половина мужиков на войне полегла, а из тех, кто вернулся, половина инвалидами стала: у кого руки нет, у кого ноги.

Собрались как-то мужики погибших помянуть. Сидят, водку пьют, односельчан вспоминают. Кто-то и говорит:

– А Иван-то – счастливчик, не зря он кобылку благодарил, она ведь его от войны уберегла.

Пьют мужики, войну обсуждают да Ивана поминают. И непонятно, почему злость в них вдруг закипать начала. До того договорились, что решили Ивану дом запалить. Правда, к утру проспались да одумались, только злость на Ивана все равно осталась.

Иван на злость мужиков внимания не обращает, добрый ко всем, ласковый, всем помочь старается, кому словом добрым, кому делом. Да только добротой своей еще больше злость в селянах вызывает.

Долго ли коротко ли, только жизнь своим чередом идет. Иван, пока больной лежал, резать по дереву научился, когда наличник красивый сделает, когда картину смешную из дерева вырежет. Таким мастером стал – загляденье. Многие селяне поделки Ивановы посмотреть приходили, и как-то уж так само собой получилось, что дети, которые без отцов остались, к Ивану потянулись. А он им и за старшего брата, и за отца. То с малышней возится, то подростков ремеслу какому обучает.

Собрались как-то вдовы селян погибших в доме тетки Матрены, помянули мужиков своих, сидят, молчат. Вздохнула Матрена и говорит:

– Сын-то мой, Васятка, совсем уж вырос, поначалу, пока отец жив был, даже вином баловался, как и отец его, а вот с Иваном пообщался и бросил. Иван его резать по дереву

научил да плотничать. Теперь Васька степенный стал, сам деньги зарабатывает, даже вот жениться надумал.

Тут вторая селянка подхватила:

– А мой-то, Андрейка, первый драчун на деревне был, того и гляди, кого прибьет да в острог сядет. Иван его к кузнецу отвел. Месяца три они с Андрейкой возились, уж не знаю как, да только смогли его кузнечным делом заинтересовать. Да ведь так заинтересовали, что Андрейку теперь из кузни колом не выгонишь, а драться он совсем перестал. Дай Бог Ивану здоровья.

Долго бабы вспоминали о том, что хорошего для их сыновей Иван сделал, и каждой ведь нашлось, что вспомнить. Тут тетка Матрена и говорит:

– Это что ж, бабы, выходит. Пока мужики наши живы были, дети наши с отцов пример брали: вино пили да озорничали, а как погибли отцы, так дети за ум взялись. Грешно, может, так говорить, да видно, нет худа без добра!

Поговорили так бабы, да и разошлись, только с тех пор они к Ивану намного добрей относиться стали.

Живет себе Иван, жизни радуется, людям помогает да заветы отцовские вспоминает.

Как-то днем идет он с поля, смотрит: в центре села толпа большая собралась, спорят люди о чем-то, ругаются, того и гляди, до драки дойдет. Подошел Иван поближе и спрашивает у селян:

– Что случилось?

А они ему разгоряченные объясняют, приехал, мол, из соседней деревни мужик богатый, Фролом его зовут. Долг требует со вдовы Пелагеи. Еще муж ее у Фрола деньги занимал, да вовремя не отдал. Долг за это время вырос и уж больно велик стал, а у той вдовы четверо детей малых. Вот уговариваем Фрола, чтобы проценты с долга простил да с самим долгом повременил. А он – ни в какую: или пусть отдает, говорит, или в острог посажу, а детей по миру пушу.

Вышел Иван вперед да и говорит Фролу:

– Давай я долг за вдову заплачу.

А Фрол отвечает:

– Да знаешь ли ты, голодранец, сколько она мне должна, у тебя никаких денег не хватит. Убирайся отсюда! А, впрочем, постой.

Смотрит на Ивана злобно и говорит:

– Если тебе это нищенское отродье так жалко, отдай за них коня своего, он во всей округе самый знатный. Да прибавь к нему петушка с курочкой, они, я слышал, у тебя породы необычной. И на вкус приятны и яичек много дают. Вот тогда мы со вдовой квиты будем.

Задумался на мгновение Иван. Конь-то ведь – это об отце память, а курочек мама сама выводила и уж больно их любила. Поднял он глаза к небу и про себя спрашивает:

– Батюшка, матушка, как быть, подскажите? Коня и курочек жалко, да только сирот еще жальче. Как бы вы поступили?

И вдруг почувствовал Иван, как на душе его светло стало, а на глаза слезы навернулись.

– Спасибо, – говорит, – вам, папа и мама, – понял я ответ ваш.

Потом повернулся к Фролу и говорит:

– Забирай коня и курочек!

Заголосила вдова. В ноги к Ивану кинулась.

– Спасибо тебе, родимый, век за тебя буду Бога молить.

Поднял ее Иван и говорит:

– Да что ты, Пелагея, это тебе спасибо, я ведь только что с отцом и матерью пообщался и с Богом. Это их души светлые и после смерти творят дела добрые.

Селяне, что ответ Ивана слышали, даже прослезались. Потом успокоились люди и разошлись.

С того времени прошло месяца три. Сидит как-то вечером Иван в избе, поделку мастерит. Вдруг слышит – возле дома повозка остановилась. Вышел Иван гостей встретить.

– Здравствуйте, – говорит, – гости дорогие, чем служить могу?

А люди отвечают:

– Мы из селенья дальнего, Иван, приехали. Люди говорят, у тебя курочки знатные есть, что еще мамка твоя выводила. И вроде как вкусней их да породистей нет в округе. Продай нам десяток.

Обрадовался Иван и говорит:

– Правда это. Только самых лучших Фрол у меня забрал, но перед этим курочка столько яиц успела высидеть, не знаю, куда девать. Мне бы уж давно надо новый курятник построить, тесно в старом, курочки так и заболеть могут. Да только все руки никак не доходят. Поздно сегодня уже, – продолжил Иван. – Вы переночуйте у меня, гости дорогие, а утром курочек заберете и домой поедете.

Поблагодарили гости Ивана да спать улеглись.

Проснулся Иван среди ночи. Слышит, собака лаем заходится, а в курятнике петухи да куры голосят. Кинулся Иван в курятник, а за ним и гости побежали. Открывает он дверь и видит: по всему курятнику петушки и курочки убитые лежат, а в сети рыболовецкой, что на стене висела, лисица запуталась. Увидела лисица людей, заметалась, но вырваться никак не может.

Кто-то из гостей, как увидел, что произошло, выскочил во двор, схватил топор да в курятник:

– А ну дайте мне эту заразу, я ей голову разнесу, она же, гадина, всех курей передала.

Остановил его Иван.

– Дай-ка мне топор, – говорит.

Мужик отдал топор, а про себя думает: «Действительно, пусть хозяин сам с лисицей разделается, душу отведет».

Взял Иван топор, подошел к лисице, присел рядом с ней, в глаза смотрит. А лисица затихла и тоже на Ивана смотрит. Глаза серьезные.

– Что ж ты, – говорит Иван, – лисичка-сестричка наделала? Что за подарок ты мне принесла. От чего уберечь хотела?

Распутал Иван лисицу, вынес во двор, гладит ласково.

– Спасибо тебе, лисонька, – говорит, – беги в лес.

И отпустил. Отбежала лисица от Ивана, остановилась, оглянулась назад, на людей смотрит и будто усмехается. Гости Ивана совсем оторопели от слов таких.

– Что же ты, – говорят, – наделал, она же тебя разорила. Убил бы ее, хотя бы мех красивый остался.

Покачали головами да и пошли в избу досыпать.

Поднялся утром Иван, а все село уже гудит: все уже знают, что у него ночью произошло.

Гости Ивана стали домой собираться, тут бабка-знахарка подошла. Зашла в курятник, присела, курочек убитых разглядывает. Когда вышла, говорит Ивану:

– А лисичка-то, Иван, жизнь тебе и твоим гостям спасла.

– Как так? – удивились гости.

– А так! – бабка отвечает. – Курочки-то твои больны были сильно, от духоты да тесноты в курятнике, видать, заболели. А может, от тоски по ласке человеческой. У тебя ведь, Иван, никогда на них времени не хватало. А болезнь та для человека смертельная. Стоило тебе, Иван, хоть одну курочку или яичко съесть, мы бы уж тебя сегодня хоронили.

Перекрестились гости, лица их бледны сделались, поняли они, от какой беды их Господь уберег. Сели они в повозку и домой укатили. А бабка-знахарка Ивану и говорит:

– Чтобы курочки, Ванюша, здоровыми были, им женская ласка да уход нужны. Да и не только им, они и тебе не помешают. Жениться тебе надо, Ваня.

Сказала так и ушла.

Когда люди разошлись, Иван на лавку сел и задумался.

– Может и впрямь, – думает, – жениться мне пора. Жаль только, нет со мной коня – друга верного. Запряг бы я его в коляску да поехал к своей суженой свататься.

– Подумал так, и грустно ему стало.

– Эх, конек, мой конек, где-то ты теперь?

Встал Иван, по избе прошелся. «Дай, – думает, – воздухом подышу, может, легче станет».

Выглянул в окно – нет ли дождя. Смотрит: по дороге поселковой бричка богатая едет, в ней двое сидят. Присмотрелся Иван – нет, люди незнакомые. Остановилась бричка посреди деревни, женщина что-то у поселкового старосты спрашивает, а староста головой кивает да на дом Ивана показывает. Удивился Иван, чтобы это вдруг к нему гости такие богатые. Хотел выйти встретить, да передумал. Если ко мне, так и сами зайдут, а не ко мне – так мимо проедут. Сел на лавку и опять про коня думает.

Вдруг слышит Иван: в дверь к нему кто-то стучится. Встал, открыл дверь – на пороге женщина. На вид лет двадцать пять будет. Лицо красивое, да какое-то уж очень усталое. Глаза большие, а в них спокойная и тихая радость светится.

– Не ты ли Иваном будешь? – женщина спрашивает.

– Я, – говорит Иван, – да вы проходите.

Вошла женщина, села на скамью, смотрит на Ивана и молчит. Иван сказать что-нибудь хотел для приличия, да женщина первой молчанье нарушила:

– А я ведь, Иван, жена Фрола покойного.

– Как это покойного? – удивился Иван.

– А так, – женщина отвечает, – мы его неделю назад схоронили. А к тебе я приехала коня вернуть да курочку с петушком. Они ведь мне, Ваня, жизнь спасли, да и суженому моему.

Еще больше удивился Иван.

– Катериной меня зовут, – говорит женщина.

И стала рассказывать, что произошло.

– Я молодая совсем была, когда любимого своего встретила, и он полюбил меня всей душой. Я родителей упрашивала, чтобы отдали они меня за него замуж, и любимый ко мне сватался, да только батюшка мой на деньги Фрола позарился и отдал за него.

Три дня и три ночи я проплакала, да делать нечего. Стали жить. Фрол человеком злым был, а мужем таким, что никому не приведи Господи. Пил почти каждый день. Меня бил частенько. А как узнал, что я до него влюблена была, так совсем озверел. Я за год жизни с ним на десять лет постарела.

Мой любимый совсем извелся, убежать предлагал. Да только куда бежать? Все равно поймут, тогда любимого на каторгу, а меня опять к Фролу, я ведь жена его законная. Однажды вечером вышла я во двор за водой, Фрол пьяный в доме спал. Смотрю: под яблоней любимый мой стоит, а в руке – топор. «Я, – говорит, – Фрола убить пришел, пусть меня на каторгу сошлют, только освобожу я тебя от этого изверга проклятого!».

Насилу я его уговорила не брать грех на душу. Клятву с него взяла страшную – никогда Фрола не трогать.

С тех пор прошло месяцев пять. Жизнь моя становилась все хуже и хуже, и уж совсем мне невольно стало. Думаю, чем так жить, лучше уж и не жить вовсе. Решила я на себя руки наложить. «Вот, – думаю, – курочка твоя цыпляток высидит, посмотрю я на них, порадуюсь в последний раз да и покончу с собой». Знаешь, твои курочка с петушком мне единственным утешением были, пока я с Фролом жила. Если б не они, меня бы уж давно на свете не было.

Однажды Фрол особенно лютовал. Напился, меня избил и засобиравался на какую-то гулянку в соседнем селе. До этого села верст пятнадцать будет. Он на конька твоего вскочил и поскакал. Коня он так плетью бил, что у него шрамы до сих пор остались.

К этому времени цыплятки уже вылупились. Зашла я в курятник, долго сидела их гладила. А они как будто чувствовали беду мою да знали, что я сделать собираюсь. Не поверишь, весь вечер прижимались ко мне ласково, а курочка все квохтала что-то взволнованно, будто отговорить пыталась.

Вышла я от них, на глазах – слезы. Думаю: «Ну, за что ты меня так, Господи! Ведь оставил ты меня в минуту трудную. Терпела я, сколько могла, а теперь совсем отчаялась. Ну да на все твоя воля! Пусть будет все так, как ты хочешь!». Подумала я так и успокоилась. Решила, что завтра вечером пойду и утоплюсь.

Утром проснулась, Фрола дома нет. Вышла я во двор, на улице солнышко, все цветет. «Вот ведь, – думаю, – сегодня все закончится, а настроение такое хорошее. Может, Бог мне перед смертью в последний раз дает жизни порадоваться». Зашла в дом, все дела переделала, сижу, жду, сама не знаю чего.

А днем люди прибежали да и говорят, что Фрол насмерть разбился, его в лесу нашли. Люди рассказали, что, видать, когда выехал он вчера да в соседнее село поскакал, конек твой его почему-то по старой дороге повез. По той дороге уже лет двадцать никто не ездил. Там деревья очень близко к дороге растут и ветки уж больно низко свисают. Фрол пьяный был да и не заметил, куда конь его понес. В том месте, где его нашли, толстая ветка дорогу перегораживала, аккуратно на уровне головы наездника. Вот об эту ветку Фрол со всего маху головой-то и ударился. Через минуту и дух испустил. Видать, хлестал коня всю дорогу, конь весь в мыле в деревню вернулся.

Мне как соседи рассказали о том, что произошло, я заплакала. Люди думают, я с горя, а я от радости плакала. Избавил меня Бог от супостата, не дал мне руки на себя наложить. Когда люди ушли, мой любимый в избу заходит. Мы и с ним наплакались. «Выходи, – говорит, – за меня замуж, век любить тебя стану, никогда не обижу».

Мы только повременить решили, пока суета не уляжется. Мой любимый во всем мне теперь помогает, вот и сейчас в коляске меня дожидается. Женщина кивнула в сторону улицы. Так вот, Ванюша, все и случилось, – закончила она свой рассказ.

– Пойдем, – говорит, – я тебе коня и петушка с курочкой верну.

Вышли они во двор. Мужчина, что в коляске сидел, на землю прыгнул и отвязал коня Ивана, который был сзади к бричке привязан. Потом лукошко достал с петухом и курочкой, Ивану подает.

– Спасибо, – говорит, – тебе, Иван, кабы не они, и нас бы на свете не было.

Простились они ласково. Катерина со своим любимым в бричку сели. Обнял он ее нежно. И поехала бричка по сельской дороге. Иван еще долго в себя прийти не мог: то ли от рассказа Катерины, то ли от радости, что конь его и петушок с курочкой домой вернулись.

Долго ли коротко ли, но вспомнил как-то Иван, что свататься собирался. «А что, – думает, – наверно, и вправду время пришло. Конь теперь есть, и курочка с петушком вернулись. Им ласка женская нужна, да и я уже устал бобылем жить».

Подумал так и стал в дорогу собираться. Вспомнились ему слова мамы, что перед смертью она ему сказывала: «Как жениться, Ванюша, надумаешь, так ты не зарься на красоту девичью, обманчива она. Пускай тебе сердечко подскажет, кто из всех женою станет любимой. Когда душа твоя в девицу влюбится, то и глаза рассмотреть смогут красоту ее истинную. Коль так поступишь – век счастлив будешь».

Слова-то Иван вспомнил да подумал про себя: «Где ж мне, матушка, девицу взять такую? Не любя мне ни одна из девушек деревни нашей, да и из окрестных деревень я такой не знаю. Я вот слышал, что в селе дальнем живет мужик богатый. И есть у него дочь, Анной зовут, красоты, говорят, неопишущей. Может быть, увижу ее, и душа влюбится, глядишь, и невесту сосватаю. Женится-то все равно пора».

Подумал так Иван и пошел в дорогу собираться. Надел рубаху новую, поясом расписным подпоясался. В коляску положил гармонь отцовскую да шкатулку, что своими руками смастерил. Иван ее с радостью делал, о любимой будущей мечтал, вот и получилась шкатулка, лучше не придумаешь. А на шкатулке этой образ девичий был вырезан, уж больно лицо этой девушки Ивану нравилось. Все в этом лице было: и красота, и добрый свет в глазах ласковых, и мудрость женская, и скромность девичья. Иван все свои поделки раздарил, а эту никому не отдавал. Берег зачем-то.

На следующий день рано утром Иван в дорогу отправился. Когда в село дальнее приехал, спросил у людей, где мужик богатый живет. Люди показали. К дому Иван подъехал, из коляски вышел. Смотрит, а у мужика того полный двор гостей. Народ богатый собрался, все в одежде новой. Походил Иван меж ними и понял: это сваты да женихи с разных деревень приехали – Анну сватать. Заробел поначалу Иван, а потом думает: «А чем я хуже, может, она меня полюбит да и согласится замуж пойти».

Через час, примерно, отец невесты на крыльцо вышел, гостей дорогих в дом пригласил. Вместе со всеми зашел и Иван. Усадили их на лавки широкие. Мужик богатый и говорит:

– Спасибо, гости дорогие, за внимание к дочери моей. Первая красавица она у меня во всей округе, и приданое я за нее богатое дам.

Стал мужик приданое перечислять, долго старался. Гости слушают да головами довольно кивают, один Иван не рад: уж больно много добра получается. Когда закончил мужик, дочь кликнул. Вышла девица.

«И впрямь красивая, – подумал Иван, – только взгляд больно гордый да надменный». Глянул Иван на шкатулку, что в руках держал – нет, не похожа девица. «Ну да ладно, – думает, – девка-то все равно ладная».

Отец ее на гостей посмотрел и говорит:

– Дочь у меня единственная. Она не только красива, но и умна да рассудительна, а потому решил я доверить ей самой жениха выбрать.

Девица вперед вышла, смотрит на всех свысока да и говорит:

– Ну что ж, гости дорогие, спасибо, что приехали. А коль батюшка мне право такое дал, то так тому и быть. Много вас сегодня приехало, а так как ответ мне всем дать надобно, то давайте по порядку и начнем, вот хоть с этого края. – И показывает она на тот край, где Иван сидел.

Поднялся Иван, поклонился. Боязно ему. Девица смотрит на него насмешливо и спрашивает:

– Слышал ты, как батюшка приданое мое перечислял? Красота моя сама за себя говорит! А что ты мне предложить можешь?

Заробел Иван пуще прежнего да и отвечает:

– Есть у меня земли гектара два да на ней сад прекрасный, что мы с батюшкой и матушкой высаживали. Конь есть да три кобылки. Курочка с петушком есть, что матушка с любовью взрастила, да домик небольшой. А сам я – до любой работы мастер, а коль отдыхать время настанет, то и петь, и на гармони играть могу.

Усмехаются гости, слова Ивана слушая, улыбки в бороды прячут, а кто и открыто улыбается. А девица прищурилась и говорит:

– Разве ты не знаешь, что для жизни счастливой денег много надобно, чтобы дом был полная чаша да детки ни в чем не нуждались, отсюда и слава, и уважение людей появятся? Есть, правда, умники, что считают, будто не в деньгах счастье, – и продолжает, усмехаясь хитро: – Впрочем, может, они и правы. Ты сказывал, что поешь хорошо, вот и порадуй нас песней о красоте моей да о мудрости!

Смутился Иван, схватил гармонь, заиграть, было, песню хотел, да не попадают пальцы на клавиши. Запеть хотел, но не поет душа, только хрип какой-то из груди вырывается.

Засмеялись гости. А когда затихли все, девица и говорит:

– Ну, спасибо, добрый молодец, уважил песней чудною.

Полыхнули глаза ее гневом яростным, и говорит она:

– Да неужели ты думать посмел, голодранец, что я замуж за тебя вышла бы. А ну, слуги мои верные, проводите гостя дорогого до ворот да тумачков ему надавайте, чтобы в другой раз не повадно было к людям соваться уважаемым!

Схватили слуги Ивана, потащили к дверям. Тащат да приговаривают:

– Поделом тебе, деревенщина, не в свои сани – не садись.

По дороге тумачков Ивану всыпали, на крыльцо вытащили да на землю бросили. Сидит Иван на земле, рубаха – в пыли, лицо в кровь испачкано, рядом шкатулка валяется, да гармонь стоит. Обидно Ивану стало. Поначалу даже злость к душе его подбираться начала.

– Как же так? – думает. – Я к ним с добром, а они мне тумачков да еще с лестницы спустили? За что же это мне наказание такое?

Посидел еще Иван и тут слова Бога вспомнил: «Никого, Ванюша, я не послал к тебе, кроме ангелов, ничего не дал, кроме чудес». Усмехнулся Иван:

– Уж больно крепко бьют твои ангелы, Господи, как будто хотят о чем-то напомнить!

Подумал так Иван, и веселей на душе у него стало. Отряхнул он одежду, умыл лицо у колодца и совсем успокоился. «А ведь права была матушка, – думает, – зря я на красоту позарился, кабы на такой девке женился – весь век бы несчастным был». Еще больше повеселел Иван.

– За урок такой, – говорит, – Господи, ангелу твоему спасибо сказать надобно.

Поставил он гармонь и шкатулку в коляску, а сам по лестнице в дом поднялся. Никто его не встретил, разошлись слуги, видать. Открывает он дверь в горницу, смотрит, а там Анна уже с другим женихом разговаривает. Обернулись гости удивленно, а слуги к Ивану кинулись. Остановила их Анна и спрашивает хитро:

– Зачем это, гость дорогой, к нам опять пожаловал? Аль прием был неласковый или забыл чего?

А Иван и отвечает:

– Ничего не забыл, Анечка, а вернулся я спасибо тебе сказать. Добрым ангелом ты для меня оказалась. Через тебя мне Бог напомнил завет мамин, а чтоб я никогда не забывал его, слуги твои и устроили мне прием теплый.

Сказал так Иван, поклонился гостям, улыбнулся и вышел на улицу. Подивились гости словам Ивана, головами покачали. А кто-то сказал:

– Дурак Иван – так он и есть дурак!

Анна ничего не сказала, стояла посреди горницы, крепко задумавшись.

Когда Иван на улице оказался, настроение его совсем поднялось, солнышко светит, птицы поют. Сел он в коляску и поехал домой. Едет, на гармонии веселые песни играет. Вдруг смотрит: на обочине дороги стоит кто-то. Подъехал Иван поближе, видит – девка молодая. Кофтенка на ней старая, лоб и шея платком закутаны, лицо сажей запачкано. «Экая девка невзрачная, – подумал Иван, – вот уж в такую бы никогда не влюбился».

А девица тем временем спрашивает:

– Не подвезешь ли меня, добрый молодец, до деревни?

И называет деревню, в которой Иван живет. Удивился Иван: таких девок он в деревне своей не видывал. А про себя думает: «Наверное, в гости к кому или на работу наняться. Впрочем, какое мне дело, подвезу ее, вдвоем завсегда веселее».

Села девица в колясочку, молчит, в сторону смотрит. Иван на гармонии играет. Вдруг девица спрашивает:

– Откуда это ты едешь, добрый молодец?

Улыбнулся Иван и отвечает:

– Да вот, свататься ездил!

А девица продолжает:

– Свататься, говоришь, а штаны порваны и рубаха вся в крови.

Усмехнулся Иван да и рассказал ей, как сватовство его проходило. Покачала девица головой, улыбнулась и опять замолчала. А Иван, пока рассказывал, совсем развеселился. Стал на гармони еще пуще наигрывать. А потом и говорит:

– А давай-ка споем, девица!

Запел Иван. Девица молчит, стесняется, а потом подпевать начала. Сначала тихо да несмело, а потом разошлась и запела в полный голос.

Играет Иван, поет, а душа все больше радостью наполняется. Сливаются их голоса вместе и взлетают ввысь к небу синему, и рассказывает песня о чем-то дорогом и близком, о чем-то родном и невысказанном.

Чувствует Иван, что не только голоса их сливаются, а как будто его душа с душой девицы одним целым становится. И ощущение такое, что будто вот-вот ему тайна великая откроется. И от чувства такого аж дух захватило. Поет Иван, и сам себе удивляется: никогда и ни с кем он так не пел.

Закончилась песня. Не успел Иван тайну раскрыть, только чувство прекрасное осталось. И к девушке отношение как-то само собой изменилось, что-то знакомое и родное в ней он почувствовал. Молчит Иван и все девушку рассмотреть пытается, а та к лесу отвернулась и улыбается. Иван и говорит:

– Спасибо тебе, девица, здорово у нас получилось, никогда я так раньше не пел.

– Я знаю, Ванечка, – отвечает девица.

Удивился Иван и спрашивает:

– Откуда ты знаешь, как зовут меня?

А девица отвечает:

– Мы ведь из одной деревни, Ваня, я дочка тетки Матрены – Даша.

– Никогда раньше я тебя в деревне не замечал, – говорит Иван.

А про себя думает: «Да ведь и немудрено, глянь, как вырядилась».

А девица и говорит:

– Ты, Ваня, и не мог меня заметить потому, как все время занят был. Ты все людям помочь стремился. Тот парень, которого ты от пьянства отучил, братом мне старшим приходится. А Пелагея, за которую ты коня и петушка с курочкой отдал, – мне родная тетка.

Еще больше удивился Иван, а про себя подумал: «Надо же, какие совпадения в жизни бывают».

А Даша, будто мысли Ивана прочитала, и говорит:

– Не бывает совпадений, Ванечка, ты это поймешь обязательно. Человек ведь всегда получает только то, что отдает, и пожинает только то, что сам посеял.

Удивился Иван и спрашивает:

– Ты что мысли читать умеешь?

– Я много чего умею, Ванечка, – ответила девица.

Усмехнулся Иван, отвернулся в сторону и стал гармонию снимать. Шкатулку, чтоб не упала, на колени себе пристроил. А Даша и говорит:

– Жарко сегодня что-то.

Сказала так и кофтенку старую скинула, развязала платок и на плечи опустила. Концом платка сажу с лица вытерла.

Иван все с гармонью возится, никак ремень снять не может. Наконец гармонию поставил и к девице повернулся. Глянул на нее и даже вскочил от неожиданности. Сказать что-то хотел, да повернулся неловко и на землю грохнулся.

Упал Иван, а на колени к нему шкатулка свалилась. Остановился конь. Сидит Иван на земле, на коляску смотрит, глазам своим не верит. А в коляске сидит фея лесная, красоты невиданной. По плечам волосы золотистые рассыпаны, глаза голубые, огонь в них добрый светится, а еще в них – мудрость женская и скромность девичья.

Насилу Иван с земли поднялся. Смотрит на красавицу, глаз отвести не может. Дарья с коляски на землю ступила, к Ивану подошла. Голову на грудь ему положила и замерла. А у Ивана забилось сердце отчаянно, зашлась душа в великой радости. Стоит он, слова не может вымолвить. А душа ему о любви светлой нашептывает, о счастье неведомом. И видится Ивану место родимое, и как сажают они яблони, и как между яблонь дети малые бегают, их дети. Видится ему все это, и душа слезами счастливыми наполняется. И кажется Ивану, что души их вновь сливаются и несутся в высь бескрайнюю, и откроется сейчас ему тайна великая.

Вдруг замерло все кругом, каким-то иным сделалось. Смотрит Иван и думает: «Почему это все вокруг как будто светом необычным окутано, и свет этот живым кажется». И пришло к Ивану в тот час понимание великое, он даже вскрикнул от неожиданности. «А ведь все вокруг – это Бог живой, и нет ничего, что бы Богом ни было. И речка быстрая, и деревья высокие, и небо синее, и Даша, что к груди его прижимается ласково, – думает Иван – так ведь и сам я значит!..».

И услышал он вдруг голос лаской, голос, любовью наполненный, идущий отовсюду сразу кажется:

– Правильно, Ванечка, ты и есть мой сын возлюбленный, и каждый человек, на земле живущий, сыном мне родным и дочерью приходится. От Бога ведь только Бог рождается! Да не каждому эта тайна открывается, а тому только, кто как Бог поступать научится. От всей души своей любящей, от самых светлых чувств своих.

Затих голос, и все прежним сделалось. Стоит Иван, смотрит вокруг, а душа его счастьем переполнена. Девица голову подняла, шаг от Ивана сделала да и говорит:

– Прекрасен был твой разговор с Богом, Ванечка!

– Откуда ты знаешь, Дашенька, что я с Богом беседовал? И откуда тебе ведомо о чем? – Иван спрашивает.

– Как же мне не знать, Ванюша, – Дарья ответила, – ведь только миг назад души наши единою сделались, чувство светлое помогало в том. Бог же, Ваня, любовью является, самой чистой и искренней, и говорить с ним можно лишь тогда, когда ты сам любовью становишься. А еще спасибо тебе, Ванечка, что не сказал слов пустых. Мне сердечко твое все рассказало. Я ведь давно люблю тебя. Никому о том я не сказывала, и ты бы не узнал, если бы сердечко твое моей души не почувствовало. Я ведь, Ванюша, о том же, что и ты, думала, потому и узнали наши души друг друга. А если бы так не случилось, я бы никогда не потревожила тебя – ясна сокола. Только счастья тебе пожелала бы, потому, как люблю я тебя искренне и ничего для тебя, кроме счастья, не хочу.

Опустил Иван голову, смахнул с лица слезинку счастливую. Смотрит: в руках шкатулка, а на ней портрет. Пригляделся он, а портрет-то – Дарья, вылитая.

– Да ведь это ты на портрете, Дашенька! – воскликнул Иван.

Улыбнулась девица:

– Я ведь говорила тебе, Ванечка, совпадений в жизни не случается.

Ничего Иван не ответил ей. Сели они в коляску. Конь сам в дорогу тронулся. Иван обнял рукой стройный стан девичий, Даша голову ему на плечо положила. И покатила коляска легкая по дороге лесной **к месту родимому, к любви светлой, к счастью вечному.**

Закончил папа сказку. Смотрит, а Даша уже сладко спит и во сне чему-то улыбается.

Настоящий разведчик

На большой перемене, когда ученики вернулись из столовой, девчонки собрались на задней парте, где сидели Даша и Катя. Девочки оживленно обсуждали школьные дела.

В этом году тем, кто хорошо учился, поручили взять шефство над учениками младших классов. Даше достались две девочки. Катерине – мальчик. Вере и Тане тоже досталось по одному ученику, и им не терпелось посоветоваться, с чего начать помогать им.

На соседнем ряду сидела толстая Клавка. На обед она никогда не ходила, поэтому сейчас достала литровую банку с салатом и здоровенной ложкой черпала оттуда содержимое. Разговоры девочек вызывали у нее ядовитую усмешку.

Клавку в классе не любили. Крупная полноватая девочка была излишне резка и даже грубовата. Она была твердой хорошисткой, хотя оценки ей давались ценой большого напряжения. Единственный предмет, где она с трудом перебивалась с двойки на тройку, была физкультура.

Этот предмет Клавка самозабвенно ненавидела, впрочем, физкультура отвечала ей тем же. Появляясь на уроке физкультуры в красной, как пожарная машина, форме, она заранее злилась на то, что у нее опять ничего не получится. Костюм сидел на ней как целлофановая обертка на сосиске. Видимо, он достался ей от старшей сестры, десятиклассницы, которой костюм был куплен еще тогда, когда она училась в первом классе. Затянутая до предела и топяя как слон, убегающий от охотников, она неизменно плелась в самом хвосте класса, когда необходимо было пробежать круг по стадиону. Дружным хохотом ученики встречали ее мужественные попытки подтянуться на турнике. Еще большее веселье вызывали отчаянные усилия залезть по канату. Клавка с такой яростью дергала и раскачивала канат, что казалось, она вот-вот сорвется вниз вместе с канатом и куском потолка.

Воспитанием Клавки занималась в основном мама, женщина властная и самоуверенная. Она работала где-то в торговле или в столовой, и, наверное, поэтому была женщиной чрезмерно упитанной. На родительских собраниях она всегда появлялась в пышных нарядах, настолько же дорогих, насколько и безвкусных. Ее пальцы были унизаны массивными золотыми перстнями, на шее красовалась толстая золотая цепь.

Удивительней всего было то, что при всем видимом благополучии мамы, сама Клавка одета была очень скромно. Было видно, что она донашивает чьи-то вещи. И портфель, и пенал, и даже ручки в этом пенале были, минимум, пятилетней давности. Такое положение всегда вызывало в Клавке зависть к другим ученикам: к их новой одежде, тетрадкам и, самое главное, к мелочам, которые родители покупали для своих детей.

С Клавкой мама обращалась излишне жестко. Нередко, после родительского собрания она начинала воспитывать ее прямо в коридоре. Взрывная волна воспитательных мероприятий разносилась по всей школе, сотрясая стены и двери кабинетов. Обращение «жирная корова», сменяли не менее экзотические: «тухлое сало», «бекон пучеглазый», «квашня» и еще масса всего, что приходило на торговый ум мамы. Надо отдать должное Клавке: в долгу она оставалась редко.

На самом деле где-то в глубине души Клавка была доброй, но постоянное давление мамы и насмешки одноклассников не давали ей вырваться из этого изнурительного напряженного состояния.

Вот и сейчас, глядя на девочек, Клавка как будто напрашивалась на конфликт.

– Тоже мне, шефы выискались, – наконец не удержалась она.

Дарья спокойно улыбнулась в ответ на эту реплику. Но Клавка не унималась:

– Юным учителям – наш физкульт привет, вы только платками носовыми запаситесь, шантрапе носы утирать.

Первой не выдержала Таня:

– Тебе, Клава, просто обидно, что тебе шефство не поручили, вот ты и злишься.

Наконец предлог для столкновения был найден, и Клавка, как бык на красную тряпку, кинулась в атаку:

– Это мне-то обидно! Вот счастье с двоечниками возиться. Да чтобы я согласилась за этих бездельников уроки учить, да чтобы я этих голодранцев домой к себе пригласила. Никогда в жизни. Потом милицию надо звать, потому что они обязательно что-нибудь упрут...

Клавка еще долго бы продолжала эту тираду, но тут раздался мелодичный звонок мобильного телефона. Даша открыла портфель и достала оттуда последнее слово науки и техники. Даже невооруженным взглядом было видно, что телефон очень дорогой. Она раскрыла мобильный телефон и негромко сказала:

– Хорошо, бабулочка... поняла. Конечно... обязательно встречу.

Она сложила мобильный телефон и уже было собиралась бросить его в портфель, но ее остановили удивленные возгласы девочек.

– Что это у тебя, Дашенька, – воскликнула Таня, – дай посмотреть.

Даша протянула ей мобильный телефон и собиралась продолжить разговор про подшефных, но эта тема уже никого не интересовала. Девочки как замороженные разглядывали телефон.

– Вот это да! – наконец восхищенно проговорила Таня. – У него и экран цветной, и музыка такая чудесная, наверное, и с Интернетом связь есть.

– У него и фотоаппарат, и видеокамера есть, – равнодушно ответила Даша.

– Ты, Дашенька, так говоришь, будто тебе все равно, что у тебя такой телефон дорогой, – заметила Таня.

– Мне, действительно, все равно, – ответила Даша. – Телефон, наверное, хороший, только я им обычно не пользуюсь. Сегодня мне бабушку надо было встретить, вот я его и взяла. Да ведь я и не маленький ребенок, чтобы с этой игрушкой баловаться, – добавила она.

– Это родители тебе такой подарили? – спросила Катя.

– Нет, Катюша, – ответила Даша, – да я бы такой никогда и не попросила. Это папин друг мне подарил, дядя Игорь. Он бизнесмен. Как-то он в гости к нам пришел и пожаловался, что проблема у него возникла на работе. Пока они с папой разговаривали, я их внимательно слушала, а потом подумала да и подсказала, как ему эту проблему решить. Сначала он мне не поверил. Но, так как деваться ему было некуда, попробовал сделать то, что я предложила. В результате и проблему решил, и прибыль большую заработал. Потом он ко мне на день рождения пришел и торжественно этот телефон вручил. Он, наверное, думал, что я до смерти обрадуюсь. Дядя Игорь хороший, только наивный немножко.

Девочки удивленно на Дашу смотрят. А Клавка с нескрываемой завистью телефон разглядывает.

– Врешь ты все, Дашка, – говорит она, – да за такой телефон полжизни отдать не жалко.

Даша хитро на Клаву посмотрела да и говорит:

– Хочешь, Клавочка, я этот телефон тебе подарю.

Клавка аж подпрыгнула:

– Да тебе родители за него голову оторвут.

Дарья расхохоталась:

– Что ты, Клавочка, да моим родителям даже в голову такая мысль не придет. Это что б мы из-за какой то железки ссориться стали, да никогда в жизни.

– Нет, – наконец выдавила из себя Клава, – не могу я такой дорогой подарок принять, вот если обменять на что-нибудь. Только я даже не знаю, что можно предложить за такую вещь.

Даша смотрела на Клавку прищурившись.

– Знаешь, – говорит она, – есть одна вещь, которую ты можешь мне предложить.

– И что же это? Может цепочка золотая или перстень? – предположила Клавка.

– Нет, – улыбнулась Даша, – у тебя есть нечто намного более ценное. Мне от тебя, Клавочка, не вещь нужна, а услуга. Есть у нас в младшем классе ученик – Сережа Шипкин. Хороший мальчишка, только учится уж больно плохо. В этом году его могут на второй год оставить. Если ты над ним шефство возьмешь да с учебой поможешь, тогда телефон твой.

– Ты хочешь сказать, что за какого-то сопливого двоечника ты готова мне телефон подарить? – с сомнением спросила Клавка.

Даша кивнула.

– А почему сама ему не поможешь? Если он тебе так дорог?

– Я уже двух девочек взяла. А с Сережей у тебя, Клавочка, лучше всех получится, уж поверь мне.

Клавка задумалась.

– А не обманешь? – наконец спросила она.

Дарья забрала у девочек телефон и вышла на середину класса. Она подняла его над головой и громко сказала:

– Ребята, будьте свидетелями, я заключаю с Клавой договор: если она поможет Сереже Шипкину с учебой, я подарю ей этот телефон.

Класс смотрел на нее удивленно.

– Согласна? – обратилась она к Клаве.

– Заметано, – хлопнула Клавка ладонью по парте. – Я из этого Шипкина отбивную сделаю!

– Ты лучше из него отличника сделай, – посоветовала Даша.

– Он у меня академиком станет, – усмехнулась Клавка.

На том девочки и порешили.

После уроков Клавка пошла разыскивать своего подшефного. Она заглянула в класс, где учился Сергей. Урок в классе уже закончился, но ребята еще толпились вокруг учительницы.

– Где тут у вас Шипкин? – спросила Клавка у проходившей мимо нее девочки. Та указала на заднюю парту, где маячила одинокая фигура ученика. Клавка направилась в указанном направлении.

За партой сидел худенький паренек. Он был одет в сильно поношенный синий костюм. Давно невымытые волосы торчали в разные стороны. Сережа старательно выводил что-то в тетрадке. Его руки были перепачканы чернилами. Клава с удивлением заметила, что чернильные пятна были даже на лбу и на носу. Она заглянула в тетрадь. «Ну и гряззища», – подумала Клавка. На открытой странице красовалась жирная двойка.

Наконец Сережа поставил точку, закрыл тетрадку и побежал к учительнице. Когда он вернулся и стал собирать портфель, чтобы пойти домой, Клавка остановила его.

– Твоя фамилия Шипкин? – обратилась она к ученику.

Тот удивленно глянул на нее и кивнул головой.

– Тогда можешь не торопиться, – твердо сказала Клавка, – меня твоим шефом назначили.

Сергей почесал затылок, потом застегнул портфель и сказал:

– Ясно.

– Вот и хорошо, что тебе ясно, – сказала Клавка, – тогда бери вещи и пошли заниматься. Она вышла из класса и двинулась по коридору. Сережа уныло плелся за ней.

– Мы будем заниматься по системе, – заявила Клавка. – Я проверю твои тетрадки, и мы составим для тебя индивидуальную программу, – разглагольствовала она. – Заниматься будем в нашем классе. Сначала каждый день. А потом посмотрим.

Когда Клавка дошла до своего класса и открыла дверь, чтобы пропустить Шипкина, то обнаружила, что находится в коридоре одна. Она удивленно завертела головой, думая, что Шипкин просто заблудился, но когда поняла, что он попросту сбежал – сильно обозлилась.

– Ну, паразит, я тебе покажу индивидуальную программу, – прошипела она.

На следующий день, когда довольный Шипкин вышел из класса, прямо у дверей его перехватила Клавка. Она схватила его за шиворот и пару раз встряхнула.

– Ты что, бездельник, в прятки со мной играть вздумал? Так вот – игра закончилась!

– А я что, я ведь ничего, – пробормотал Сережа, болтаясь в крепкой Клавкиной руке.

– Клавочка, отпусти меня, пожалуйста, я сегодня не убегу. Мне вчера очень нужно было.

Клавка ослабила хватку. Удерживая Шипкина за шиворот, она направилась к своему классу.

Когда они вошли в класс, Клавка закрыла дверь и скомандовала:

– Садись!

Шипкин забрался на стул и стал доставать тетради и учебники. Клавка плюхнулась рядом.

– Дневник давай, – потребовала она.

Сережа протянул ей дневник.

Дневник был старый и изрядно потрепанный. Клавка открыла его и уже через минуту поняла, что помочь Шипкину будет очень трудно.

Каждая страница дневника представляла собой настоящее рукописное побоище. Жирными каракулями в дневнике были записаны школьные предметы. На многих страницах они были перепутаны, потом зачеркнуты и написаны заново, но, как поняла Клавка, опять неверно. Запись домашних заданий была похожа на тщательно зашифрованный текст. По виду они напоминали китайские иероглифы. Разобрать, что было задано, мог только эксперт-криминалист. На каждой странице стояла двойка, а то и две. Судя по всему, самым высшим достижением в учебе для Шипкина были несколько троек с длинными минусами. Сами страницы были настолько грязными, будто на них каждый день готовили обед. Тетради выглядели не лучше.

Клавка брезгливо оттолкнула от себя дневник и спросила:

– Ну и что тебе задано?

Шипкин глянул в дневник, потом открыл учебник русского языка.

– Во, – ткнул он в какое-то упражнение. – Надо слова написать и буквы вставить.

Сережа поерзал на парте. До пола ногами он не доставал, поэтому левую ногу закинул под себя.

– Ладно, давай пиши, – вздохнула Клавка. – Только аккуратно, – добавила она, – а то голову оторву!

Сережа открыл тетрадку и начал старательно выводить слова «Домашняя работа». Полюбовавшись на свое творчество, он заглянул в учебник и написал: «Упражнение № 342».

Задание было длинным. Сережа высунул язык и стал записывать слова в тетрадку. У Шипкина, видимо, был насморк, поэтому он дышал через рот. Время от времени он шмыгал носом и утирался рукавом своего пиджака. После чего он смачно облизывался и снова склонялся над тетрадкой.

– О-о, – застонала Клавка, – и отвернулась к окну.

Она стала разглядывать белый снег, лежащий на крыше, и мечтать о том, как она придет в школу с Дашиным телефоном. Она представила завистливые взгляды девочек, и на душе стало тепло и радостно.

От сладких грез ее оторвал голос Шипкина:

– Посмотри, Клавочка, как я красиво букву «л» написал.

Клавка глянула в тетрадь и оторопела. Буква «л» действительно была написана красиво. А вот все остальное...

К этому времени Шипкин успел написать слов десять. Первое было написано неплохо, но чем дальше он писал, тем хуже становился почерк. Пропущенные в учебнике буквы, Сережа мужественно заполнил, но, как специально, все неправильно. Слово «Родина» он написал с маленькой буквы, а вот «колбаса», по какой-то, только ему

известной причине, написал с большой, да еще и через букву «ы». На странице красовались две свежих чернильных кляксы.

– Это что такое?! – воскликнула Клавка.

– Тебе не нравится, как я написала букву «л»? – удивленно спросил Сережа.

– Какое «л», это что за «кылбаса»? – завизжала Клавка. – Это что за грязь в тетради. Ты какие буквы в слова вставил?

– А что, неправильно? – вжимая голову в плечи, спросил Шипкин.

– Ты хоть одно правило читал? Ты на уроке что-нибудь слушал? А ну возьми черновик и все упражнения там аккуратно сделай. А для начала высморкайся, «кылбаса сопливая»!

– У меня платка нет, Клавочка.

– На, мой возьми, – Клавка бросила ему свой чистый платок.

– Жалко, Клавочка, такую красоту портить, – с сомнением сказал Сережа.

– Да высморкаешься ты, паразит, или нет, – рявкнула Клавка.

Сережа стал торопливо использовать носовой платок по назначению. Он так старался, что казалось, платок сейчас разорвется пополам.

В этот момент в класс заглянул Сережин одноклассник.

– А можно Сергея на минутку? – спросил он робко.

– Нет, – отрезала Клавка.

Дверь захлопнулась.

– Пока все уроки не сделаешь, никуда не пойдешь, – грозно заявила она. – Пиши.

Шипкин склонился над черновиком и под строгим Клавкиным присмотром стал карандашом выводить слова.

Минут через пятнадцать, когда половина слов была написана, он поднял на Клавку глаза и попросил:

– Можно мне в туалет, Клавочка?

– Ладно, иди, – согласилась Клавка, – только все вещи здесь оставь.

Когда Шипкин ушел, Клавка какое-то время сидела за партой, бездумно глядя в окно. Прошло пять минут, потом десять, пятнадцать – Сережка не возвращался. Наконец Клавка не выдержала и пошла его разыскивать.

Она вышла в коридор. Там никого не было. Тогда она спустилась на второй этаж, где был туалет для мальчиков. Подойдя к дверям туалета, она громко крикнула:

– Шипкин, ты здесь?

Ответом ей была гробовая тишина. Тогда Клавка совсем обозлилась.

– Если ты, паразит, через секунду не выйдешь, я зайду в туалет и утоплю тебя в унитазе, – рявкнула она.

Ей никто не ответил.

Тогда Клавка решительно подошла к двери и рванула ее на себя. Зайдя в туалет, она внимательно осмотрела все углы. Никого.

Она вышла из туалета. «Может, он уже в классе, – подумала Клавка, – наверное, по черной лестнице поднялся». Клавка побежала назад. Когда она зашла в класс – Шипкина там не было. В классе отсутствовал не только Шипкин, там не было и его вещей.

– Так, так, – сказала Клавка, уперев руки в бока, – поиграть со мной вздумал. Ну, ладно, посмотрим кто кого.

Она собрала вещи и отправилась домой.

На следующий день после уроков она решительным шагом направилась к классу, где учился Шипкин. Заглянув в класс, Клавка увидела, что за столом сидит учительница, а вокруг нее пять учеников. Шипкина среди них не было.

– Здравствуйте, – поздоровалась Клавка.

– Здравствуй, – ответила учительница.

– А где Сережа Шипкин? – спросила Клавка.

– Я их сегодня пораньше отпустила, – ответила учительница, – он уже, наверное, домой убежал.

– А вы адрес его не подскажете? – спросила Клавка.

Учительница полистала журнал и назвала адрес Шипкина. Клава записала его на листочке и вышла из класса.

Доехав на автобусе до нужной улицы, Клавка вышла и стала разыскивать дом Шипкина. Она шла по тротуару, разглядывая номера. Наконец она увидела нужный дом. Он был трехэтажный, довоенной постройки. Толстые кирпичные стены были покрыты облупившейся штукатуркой. На первом этаже располагалась маленькая уютная пирожковая.

Войдя в подъезд, Клавка поднялась на третий этаж. На большой, давно неметеной лестничной площадке стояла старая детская коляска. У кого-то в глубине квартиры оглушительно редела музыка. Клавка нашла нужный номер квартиры и позвонила в дверь. Ей никто не ответил. Выждав из вежливости несколько секунд, Клавка снова нажала кнопку звонка. Никакой реакции. Клавка разозлилась и стала трезвонить не переставая.

Наконец она услышала шаги и отпустила кнопку. Дверь открылась. На пороге стоял удивленный Шипкин.

– Привет, – сказал он растерянно.

Не удостоив Сережу ответом, Клавка отодвинула его в сторону и вошла в квартиру. Скинув с себя шубу, она отдала ее Шипкину.

– Повесь, – напуская на себя деловой вид, сказала она, – и говори, куда идти.

Шипкин топтался в прихожей, не зная, что предложить.

– Может, на кухню, Клавочка? – наконец решил он.

– Ну, на кухню, так на кухню, – усмехнулась она.

Кухня была довольно большой. Клавка осмотрелась. На грязной электрической плите стояли невымытые кастрюли и сковородки. Обеденный стол был заставлен тарелками и стаканами. Между ними валялась грязная тряпка. Клавка брезгливо поморщилась.

– И куда тут можно присесть?

Шипкин заметался по кухне. Он собрал грязную посуду и быстро сложил ее в раковину, мокрой тряпкой смахнул со стола крошки. Потом схватил стул и пододвинул его Клаве.

Музыка гремела нестерпимо. Клавка едва слышала свой голос.

– Ты не мог бы сделать музыку потише? – спросила она.

– Это у сестры. Она, наверное, не согласится, – ответил Шипкин.

– А кто из родителей дома есть? – спросила Клавка.

– Никого, – тихо ответил Сережа.

– А ну дай я с ней поговорю, – потребовала Клавка.

Она встала и пошла разыскивать сестру. Квартира, в которой жил Сережа, была двухкомнатная. Длинный коридор был завален разным старьем. Возле стены стоял большой шкаф. На нем кучей были свалены бумажные коробки. Напротив него стоял диван с полинявшей обивкой. Протиснувшись между диваном и шкафом, Клавка постучала в дверь, из-за которой доносилась музыка. Никакой реакции не последовало. Тогда она толкнула дверь и вошла в комнату.

В небольшой комнате царил ужасный беспорядок, и было жутко накурено. На незаправленной кровати лежала девица, лет двадцати, с сигаретой в зубах. На тумбочке стоял здоровенный магнитофон с колонками исполинского размера. Вот из них-то и несся весь этот ужасный шум, который с большой натяжкой можно было назвать музыкой.

– Здравствуйте, – прокричала Клавка.

Ответа не последовало. Девица лежала с закрытыми глазами и во всю мощь своих легких подпевала магнитофону. Клавка подошла ближе и потрогала девицу за плечо. Та открыла глаза и удивленно уставилась на Клавку. Она что-то сказала, но из-за музыки

слов было не разобрать. Тогда девица потянулась к магнитофону и одним движением выключила звук.

– Ты кто? – услышала Клавка.

Тишина, наступившая после этого ужасного грохота, была оглушительной. Клавка даже не сразу сообразила, о чем ее спрашивают.

– Меня Сережиным шефом назначили, – наконец ответила она. – Я заниматься пришла. Могу я вас попросить сделать музыку потише.

– Попросить можешь, – усмехнулась девица. – Проси.

Клавка удивленно уставилась на собеседницу. Она только тут заметила, что девица была изрядно выпивши.

– Ладно, – решительно сказала девица, – если просить не хочешь, давай водочки хлопнем.

– Я водку не пью, – твердо ответила Клавка.

– А что ты с ней делаешь, – удивленно спросила та, – на куски ее рубишь, что ли?

– Я вообще спиртного не употребляю, – устало ответила Клавка.

– А-а, – понимающе протянула девица, – язва?

Клавка совсем растерялась. Она хотела ответить, что никакой язвы у нее нет, но тут девица задала следующий вопрос:

– Так чем ты, говоришь, с Серегой заниматься пришла? У вас что ли любовь?

– Какая к черту любовь, – вспыхнула Клавка. – Я уроки делать пришла.

– Любовь – это хорошо, – не слушая Клавку, продолжила девица. – Ты его береги. А то ведь знаешь, какие они, мужики-то. Раз и все.

Чего все Клавка так и не поняла, потому что в этот момент в комнату вошел Шипкин и вывел ее в коридор.

– Ты, Клавочка, на Ирку не сердись, – попросил Шипкин. – Репрессия у нее. Вот она и пьет.

– Депрессия, наверно, – автоматически поправила Клавка, – ладно, пошли заниматься.

Они снова пришли на кухню. Шипкин достал свои тетради и учебники.

– Ты, Клава, извини, что я от тебя сбежал. Просто сегодня с Сашкой посидеть некому. Скоро баба Тоня придет. Она меня подменит.

– Ладно, – сказала Клавка.

Она не знала, кто такой Сашка, да и, честно говоря, ее не очень-то это интересовало. Клавка взяла дневник Шипкина и попыталась определить, что ему задано. Однако, порывшись немного в его записях, она безнадежно протянула дневник Сереже.

Шипкин быстро глянул на свои каракули и начал листать учебник. Он открыл тетрадку, собираясь записывать упражнение, но тут раздался топот детских ножек.

Через мгновение на кухню вбежал маленький мальчик. На вид ему было годика три. Он посмотрел на Клавку, потом подошел к Сереже и доверчиво прижался щекой к его боку.

– Привет, – сказал он, обращаясь к Клавке.

– Привет, – ответила та, разглядывая ребенка. – Наверно, это и есть Сашка, – догадалась она.

На парнишке, кроме давно не стираной рубашки, ничего не было. Он стоял босыми ногами прямо на полу и улыбался во весь рот.

– Есть хочешь? – спросил Шипкин.

– Не-а, – ответил Сашка, – я конфету съел.

То, что он съел конфету, было видно по его перепачканным рукам и лицу.

– Твой папа и мама на работе? – спросила Клавка.

Шипкин в ответ как-то неопределенно мотнул головой.

– Наса мама в тюльме, – неожиданно сказал Сашка.

– Как в тюрьме? – опешила Клавка.

– Ну, понимаешь, Клавочка, – как бы оправдываясь, проговорил Шипкин, – так получилось.

Он хотел еще что-то добавить, но тут пришедшая в себя Клавка закрыла эту тему.

– Ладно, – сказала она, – пиши давай.

Сережа склонился над тетрадкой и стал записывать упражнение. Он успел написать только половину, как вдруг неожиданно снова загрохотала музыка. Видно, Ирку снова скрутил очередной приступ депрессии.

– Ну, надо же! – воскликнула Клавка.

Она снова было собралась зайти в Иркину комнату, но тут хлопнула входная дверь, и через минуту в кухню вошла пожилая женщина. Увидев ее, Сашка со всех ног бросился ей навстречу.

– Баба Тоня присла, – залепетал он.

Женщина подхватила ребенка на руки и прижала к себе.

– Я так понимаю, что теперь здесь есть, кому посидеть с ребенком? – спросила Клавка, обращаясь к Шипкину, и, когда тот утвердительно кивнул головой,скомандовала: – Тогда собирайся и пошли ко мне.

– Может, в следующий раз, Клавочка, – попытался отговориться Шипкин. – У меня сегодня срочное дело.

– Самое срочное дело – это твоя учеба! – отрезала Клавка. – Я жду.

Сережа положил учебники и тетради в портфель, оделся и вслед за Клавкой вышел на улицу.

До Клавкиного дома они добрались быстро. Поднялись на четвертый этаж, и Клавка своим ключом открыла дверь. Семья Клавы жила в большом пятиэтажном доме, сталинской постройки. Лет пять назад ее мама сделала удачный обмен, и они переехали в просторную квартиру с высокими потолками.

Внутри царил идеальная чистота. Обстановку можно было даже назвать роскошной, особенно после Шипкинского жилища. Дорогие обои, паркетный пол, большая напольная ваза – говорили о том, что здесь живут состоятельные люди.

Сережа разделся и застенчиво топтался в прихожей.

– Пошли! –скомандовала Клавка.

Она привела его в большую комнату и усадила за стол.

– Заниматься будем здесь! –объявила она.

Сережа достал из портфеля учебники и тетради. Разложив их на столе, он открыл тетрадь и начал дописывать незаконченное упражнение. Клавка пошла в свою комнату, переодеваться. Из кухни доносились приятные запахи и звон посуды. Клавка вернулась и присела на стул рядом с Сережей.

Через несколько минут в комнату заглянула бабушка.

– Это что ж это вы за работу принялись даже не пообедав? – всплеснула она руками. – А ну, Клавочка, давай кормить гостя.

Клавке и самой хотелось чего-нибудь поесть, поэтому она отложила учебники и отправила Сережу мыть руки.

Через несколько минут стол в гостиной был накрыт. Бабушка налила Сереже горячих щей и дала здоровенную ложку.

– Клавочка, я сметану забыла, – спохватилась бабушка, – сходи, пожалуйста.

Клавка вышла из-за стола и пошлепала за сметаной. Когда она вернулась назад, Сережа уже уплетал щи. Он торопливо черпал их из тарелки, обжигаясь и смачно прихлебывая. Клавка почему-то обратила внимание на то, какой он худой.

Сережа сидел за столом сгорбившись, пряча ноги под стул. Брюки были ему коротковаты, и в сидячем положении штанины задрались высоко вверх. Из-под них торчали носки разного цвета. На одном из них была дырка, из которой сиротливо выглядывал палец. Почему-то этот вид неожиданно вызвал в Клавке острое чувство жалости. Она вдруг вспомнила неухоженную Шипкинскую квартиру, чумазого Сашку.

Клавка встряхнулась, стараясь избавиться от этого незнакомого ей доселе чувства. Она вошла в комнату и поставила банку со сметаной на стол.

Когда обед был закончен, Сережа откинулся на спинку стула и блаженно закрыл глаза.

– Вот бы каждый день так! – мечтательно проговорил он.

– Ты бы лучше так учился, как ешь, – нарочито сердито проговорила Клавка. – Учебники доставай!

Через минуту Шипкин снова сидел за столом, уткнувшись носом в учебники. Вскоре он с грехом пополам доделал русский язык и взялся за математику. Клавка, как грозный часовой, сидела рядом. Она собиралась начать объяснять ему, как решается задача, но тут в комнату вошла бабушка.

– Солнышко мое, – проворковала она, обращаясь к Клавке, – ты прости, что я тебя отрываю, но я вечером решила блинчиков твоих любимых испечь, схватилась, а молока нет. Уж не сочти за труд, сходи в магазин.

Клавка не стала отказывать бабушке. Она сунула Шипкину учебник под нос и приказала внимательно прочитать задачу.

– Попробуй решить сам, – сказала она, – хотя бы подумай, как это можно сделать. Приду – проверю.

Она собралась и отправилась в магазин.

Очередь в магазине была длинной, и Клавка проторчала там не менее получаса. Когда она поднялась на свой этаж, то увидела, что возле дверей квартиры стоит помойное ведро, очень похожее на их собственное. Она не стала долго размышлять о том, их это ведро или нет, а просто зашла в квартиру.

Шипкина в комнате не было. Клавка зашла на кухню. Там бабушка возилась с какими-то кастрюлями.

– А где Сережа? – спросила Клавка.

– Так он вызвался ведро помойное вынести, – беззаботно ответила бабушка. – Уж такой он ласковый да обходительный. Все обед мой нахваливал, – похвасталась она. – Правда, его что-то долго нет, не заблудился ли?

Клавка вбежала в комнату. Вещи Шипкина отсутствовали.

На этот раз Клавка не обозлилась. Она устало вздохнула и поплелась в свою комнату.

На следующий день, когда уроки кончились, Клавка подошла к Даше.

– Ничего, Дашка, у меня не выходит, – уныло сообщила она. – Этот Шипкин учиться никак не хочет. К тому же, он постоянно от меня сбегает.

Даша внимательно посмотрела на Клавку.

– Знаешь, Клавочка, – сказала она, – научить кого-нибудь из-под палки очень сложно.

– Да как же мне его учить-то?

– Ты, Клава, попробуй с ним ласково. Знаешь, кто-то из великих сказал, что если у тебя что-то не получается – сделай что-то другое. Поинтересуйся, что он за человек, чем увлекается. Может быть, через его увлечение любовь к учебе привить удастся.

Даша хитро улыбнулась и вытащила из портфеля мобильный телефон. Она заметила, как жадно Клавка впиалась в него глазами. Дарья раскрыла телефон и нажала одну из кнопок. На дисплее высветилась запись: «Зайти за хлебом».

– Это он мне напоминает, что в булочную надо сходить, – объяснила Даша. – А у тебя, Клавочка, все получится, я нисколько не сомневаюсь. – Она положила телефон в портфель и поднялась. Клава с трудом оторвала взгляд от портфеля и тоже поднялась.

– Ладно, – сказала она решительно, – я еще раз попробую.

– Вот и хорошо, – улыбнулась Даша.

На этом они и расстались.

На следующий день, когда уроки закончились, Шипкин опасливо выглянул из-за двери, готовый бежать в любую секунду. За дверью никого не было. Он облегченно перевел дыхание и спокойно направился в раздевалку. Его друзья, Мишка и Колька, уже стояли одетые около выхода. Сережа подошел к вешалке и с удивлением обнаружил, что на ней нет его куртки. Он удивленно закрутил головой, пытаясь понять, кому понадобилась его старенькая куртка.

Наконец он перевел взгляд на школьную скамейку, которая стояла около раздевалки. На ней сидела Клавка. Она держала на коленях его куртку. Заметив, что Шипкин ее обнаружил, Клавка наклонила голову на бок и поманила Сережу пальцем. Шипкин вздохнул и обреченно направился в ее сторону.

– Здравствуй, Сережа, – на удивление доброжелательно, поздоровалась Клавка. – Сегодня мы заниматься не будем. Я просто хотела с тобой поговорить.

Шипкин недоверчиво глянул на нее и задушевно спросил:

– А драться не будешь?

– Нет, – твердо ответила Клавка.

Она поднялась и направилась в класс. Сережа пошел за ней.

В классе Шипкин забрался на парту, Клавка села напротив.

– Скажи, Сережа, ты, почему так плохо учишься? Ведь тебя на второй год могут оставить, – спросила она.

Шипкин на мгновение задумался.

– Знаешь, Клава, мне просто неинтересно. Я, честно говоря, просто не знаю, зачем все это нужно. Мой отец всего шесть классов окончил, и ничего, работает себе на заводе. А дедушка в школе всего три года учился.

– А что тебе в этой жизни вообще интересно? – спросила Клавка.

– С ребятами бегать интересно. В футбол играть интересно. Путешествовать интересно.

В этот момент в класс заглянули Колька и Мишка. Шипкин вопросительно посмотрел на Клавку. Та глянула на ребят и кивнула головой, приглашая войти. Ребята робко зашли и присели на первую парту.

Клавка снова повернулась к Шипкину и спросила:

– А скажи, хобби у тебя есть?

– Не-е, – протянул Шипкин, – собаку заводить мне отец не разрешает.

– Хобби – это не собака, – усмехнулась Клавка. – Хобби – это увлечение.

– А-а, – понимающе протянул Шипкин, – увлечение у меня есть.

Он повернулся к ребятам, как бы спрашивая, стоит ли рассказывать Клавке. Потом, видимо, решил и начал говорить:

– В нашей школе есть военно-спортивный клуб. Мы на прошлой неделе в него записались.

– И чем же в этом клубе занимаются? – спросила Клавка.

– Понимаешь, там много всего интересного. В основном, мы историю нашего края изучаем. А самое главное, как наша армия здесь сражалась во время войны. Ищем захоронения наших солдат. Особенно тех, кто пропал без вести. Если выясняем имя солдата, сообщаем родственникам. А еще проводим торжественное перезахоронение. Осенью следующего года у нас военные учения намечены. Мы с соседней школой воевать будем. Все по-серьезному. Там даже настоящие солдаты будут. Эти учения «Зарницей» называются. Мы с ребятами в разведку попросились, и командир согласился. В нашем клубе два разведотряда: один – из старшекласников, а один – наш. Я в отряде разведчиков командир. Мы сейчас усиленно тренируемся. Поэтому на учебу, Клабочка, у нас совсем времени нет.

Пока Шипкин рассказывал, Клавка заметила, как блестели его глаза. Видимо, этот военно-спортивный клуб для Сережи был чем-то очень важным.

Клавка на минуту задумалась, а потом спросила:

– А мне можно туда записаться?

– Конечно, можно, – ответил Шипкин, – девчонок туда тоже берут.

– А в разведку меня возьмете? – опять задала вопрос Клавка.

Ребята с сомнением переглянулись.

– Знаешь, Клава, в разведке бегать надо много. Уметь по деревьям лазать. Водные преграды преодолевать. А ты... – Шипкин с сомнением посмотрел на ее полную фигуру. – Да и девчонка в разведотряде...

– Вообще-то, у старшеклассников в разведке одна девочка есть, – встрял в разговор Мишка. – Только она спортсменка. Она первый разряд имеет по лыжам.

– А кто вам сказал, что я не смогу бегать лучше вас? – самоотверженно заявила Клавка. – Да если я немножко потренируюсь, я любого из вас обгоню.

– Ну, что решать будем? – спросил Шипкин у товарищей.

– А, что, командир давай попробуем, – предложил Колька, – вдруг у нее получится.

– Ладно, – решил Шипкин. – Завтра зайти в клуб и запишись, – обратился он к Клавке. – Через два дня мы встретимся. У нас будет ответственное мероприятие – посвящение в разведчики. Если ты его пройдешь, мы тебя возьмем. – На том ребята и порешили.

На следующий день Клавка зашла в клуб, и после непродолжительной беседы с командиром ее записали.

Дня через два после уроков к Клавке подошел Шипкин.

– Клава, сегодня в шесть часов вечера мы собираемся около школы. Оденься потеплее и приходи. Только на руки лучше перчатки шерстяные надень.

– Хорошо, – ответила Клавка.

В полшестого Клавка вышла из дома. На улице шел снег. До Нового года оставалось всего три недели. Метель, разыгравшаяся два дня назад, намела под окнами высокие сугробы. С трудом вытаскивая ноги из снега, Клавка побрела в сторону школы. Когда она наконец добралась до парадного входа, там ее уже ждали разведчики. Лица у мальчишек были серьезные и какие-то отрешенные. «Тоже мне разведка сопливая», – беззлобно подумала Клавка. В следующий момент она отогнала эти мысли и постаралась настроиться на серьезный лад.

– Все готовы? – спросил Шипкин.

Ребята кивнули.

– Тогда пошли.

Он повел ребят на задний двор школы. Школа, в которой они учились, состояла из двух зданий – старого и нового. Старое здание было построено еще до войны. Новое построили лет десять назад. К новому зданию с обеих сторон были пристроены столовая и спортивный зал. К старому – теплица. Крыша на теплице была стеклянной и сделана под наклоном. Сверху ее закрывала железная сетка с мелкими ячейками.

Шипкин приставил к теплице небольшую деревянную лестницу и скомандовал:

– Делай как я!

Он ловко взобрался по лестнице. Потом, цепляясь за сетку, залез на самый верх теплицы. Оттуда по крыше перехода между школьными корпусами Сережа добежал до здания столовой. Там стояла железная лестница, прислоненная к стене. По ней Шипкин поднялся на крышу столовой. Ребята последовали за ним. Когда все собрались вместе, Клавка спросила:

– Ну и зачем мы сюда забрались?

– Мы, Клава, разведчики, но не просто разведчики, а разведчики ВДВ, – ответил Шипкин.

– Это что еще такое? – спросила Клавка.

– Это Воздушно-десантные войска, – с видом знатока пояснил Колька.

– Поэтому, – продолжил Шипкин, – мы должны научиться не бояться высоты.

Он подошел к краю крыши и опустился на него, бесстрашно свесив ноги вниз. Здание столовой было одноэтажным, однако с высокими потолками. Вместе с фундаментом оно было не меньше пяти метров. Крыша была плоской. Края немного загнуты вниз, видимо для того, чтобы лучше стекала вода. На краях крыши образовалась небольшая наледь.

Ребята, следуя примеру командира, сели на край крыши. Клавка осталась стоять.

– Что вы делаете, – возмутилась она. – Это ведь очень опасно. Вы же сорваться можете.

– Не бойся, Клава, это совершенно безопасно. Лед здесь скользкий. А под нами сугроб намело, он в высоту метра два будет.

– Вот идиоты, – выругалась Клавка!

Она с опаской подошла к краю. Ей было неудобно перед этими пацанами. Очень не хотелось выглядеть в их глазах трусихой. Поборов свой страх, она опустилась на край, приняв при этом все меры предосторожности.

Какое-то время все сидели тихо. Клавка с ужасом глянула вниз и постаралась, как можно крепче упереться руками в крышу.

– Все готовы? – неожиданно спросил Шипкин.

Мальчишки кивнули.

– К чему готовы? – подозрительно спросила Клавка.

– Мы ведь, Клавочка, разведчики, – пояснил Шипкин, – а для разведчика самое главное – иметь дух воина. Вот сейчас мы и проверим, с кем можно идти в разведку, а кому в ней не место.

С этими словами Шипкин оттолкнулся от края крыши и полетел вниз. Клавка от неожиданности просто остолбенела. Она видела, как тело Шипкина плюхнулось в сугроб. Инстинктивно она отклонилась назад. Краем глаза она увидела лица ребят. Они были бледны, но полны решимости повторить прыжок Шипкина. «Что вы делаете?!» – хотела крикнуть Клавка, но слова застряли у нее в горле.

– Ну, я пошел, – прошептал Колька и ринулся вниз.

Через секунду вслед за ним спрыгнул Мишка.

Наконец Клавка пришла в себя.

– Вот идиоты, – пробормотала она, – угробить меня решили. Ну, я сейчас спущусь вниз и головы вам поотрываю, десантники ненормальные.

Она посмотрела вниз, где стояли уже выбравшиеся из сугроба ребята.

– Сейчас, сейчас, я вам прыгну, – шептала она.

Клавка сильнее уперлась руками и закинула правую ногу на скользкий край крыши. Она уже почти поднялась, когда ее нога соскользнула, и, несильно ударившись задницей о край крыши, Клавка полетела вниз.

Клавкиному визгу мог бы позавидовать любой недорезанный поросенок. В воздухе она отчаянно размахивала руками и ногами, отчего летела в раскоряку. Полет ей показался бесконечно длинным. Наконец она грохнулась в сугроб, провалившись в него почти по плечи. Клавка бы визжала и дальше, но от удара она резко ткнулась головой в сугроб, отчего ее рот и нос сразу забились снегом.

Откашлявшись, Клавка пришла в себя.

«Убью, – была первая мысль, которая пришла Клавке в голову. – Сейчас вылезу из сугроба и удавлю всю Шипкинскую разведку».

Она попыталась вытащить руку, но не тут-то было. Клавка застряла в сугробе, как нож в деревянной доске. К ней со всех ног кинулись разведчики.

– Ну, Клава, ты даешь! – восторженно сказал Колька.

– Ты же стоя прыгнула, – поддержал его Мишка. – Мы и то сидя, а ты девчонка и не побоялась. У тебя дух настоящего разведчика!

Мальчишки тараторили наперебой. Еще секунду назад Клавка была готова убить каждого из них лично, но теперь злость почему-то прошла. Никто и никогда не хвалил

Клавку, ее или ругали, или насмеялись над ней. А тут мальчишки искренне восхищались ее поступком. Никогда раньше Клавка не испытывала таких приятных ощущений.

– А вытаскивать-то вы меня будете, – покосившись на ребят, пробурчала Клавка.

– Мы сейчас, Клавочка, мы мигом, – засуетился Колька.

Ребята сноровисто разгребли снег руками и выдернули Клавку из сугроба. Они стояли тяжело дыша, восхищенно глядя на Клавку.

– Тебе только группироваться надо, Клавочка, – сказал Мишка. Он присел на землю, обхватил колени руками и прижал подбородок к груди. – Вот так, Клава, главное – голову прижимать.

Когда он поднялся, вперед вышел Шипкин и сказал:

– Сегодня каждый из нас доказал, что имеет дух разведчика-десантника. Поэтому я предлагаю принять Клаву в наши ряды. А еще я предлагаю скрепить наши отношения торжественной клятвой.

Шипкин вытянул вперед правую руку. Мальчишки сделали то же самое. Каждый из них положил свою ладонь на ладонь товарища.

– Повторяйте за мной, – сказал Сережа. – Я, разведчик-десантник, перед лицом своих товарищей торжественно клянусь: быть смелым, мужественным, дисциплинированным воином. Никогда не бросать товарища в беде. Говорить только правду. Выполнять приказы командира. Строго хранить государственную тайну!

Все повторили торжественную клятву. Удивляясь самой себе, Клавка повторила эти слова, при этом она была абсолютно серьезной. Приятные чувства, нахлынувшие на нее, были ей совершенно незнакомы, и ей стоило больших усилий держать их под контролем.

Когда клятва закончилась, Клавка, неожиданно для самой себя, сказала:

– Я сейчас.

С ловкостью обезьяны она взобралась на теплицу. Пробежав по крыше перехода, Клавка по лестнице поднялась на здание столовой. Удивленные мальчишки смотрели на нее снизу. Клавка подошла к краю крыши. Постояв секунду, она оттолкнулась от него, поджала под себя ноги и, прижав голову к груди, стремительно полетела вниз. На этот раз она не кричала, изо всех сил стиснув зубы. Плюхнувшись в сугроб, она вылезла из него самостоятельно.

– Вот теперь все честно, – пробормотала она и направилась к остолбеневшим ребятам.

– Ну, Клава, ты даешь!

Восхищению мальчишек не было предела.

Вместе они дошли до перекрестка, на котором, попрощавшись, разошлись в разные стороны.

Пока Клавка шла до дома, она снова вспомнила о своем первом полете. Она смотрела на себя как бы со стороны. «Полет ошалевшей кукарачи», – подумала Клавка. Она представила свои выпученные от страха глаза и расхохоталась на всю улицу. Двое прохожих с удивлением покосились на нее. Но Клавке было все равно, у нее было чудесное настроение. Она пришла домой, переоделась и легла в кровать.

– Вот паразиты, – с улыбкой прошептала она.

Ее голова опустилась на подушку. Через минуту она крепко спала.

Прошла неделя. Как-то после уроков к Клавке подошел Шипкин с друзьями.

– Клава, – произнес он загадочно, – завтра у нас занятия. Мы будем тренироваться шифровать текст.

– И что для этого нужно? – спросила Клавка.

– Надо текст подготовить.

– Нам бы рацию еще, – вставил Мишка.

– Хорошо бы, конечно, да только где мы его возьмем?

Клава подумала немного, а потом говорит:

– А телефон детский не подойдет? Мне когда-то мама его купила, по-моему, он еще работает.

– Неси, – решительно сказал Шипкин.

– А как вы текст шифровать собираетесь? – спросила Клавка. – Шифр откуда возьмете?

– Все просто, Клава, – ответил Шипкин. – В алфавите всего тридцать три буквы. Каждую букву мы цифрой обозначим, а чтобы враг не догадался, мы не с цифры один начнем, а, например, с цифры три.

– Хитро придумано, – задумчиво сказала Клавка.

Она чему-то улыбнулась.

– Ладно, – говорит, – текст я подготовлю.

На том они и расстались.

Вечером, после уроков, ребята собрались в классе, где училась Клавка. Она достала из пакета два детских телефона на батарейках и длинный провод к ним. Мишка вынул из сумки бинокль.

– Давайте сделаем так, – предложила Клавка. – Мы с Мишкой пойдем в соседний класс и заберем с собой один телефон. Сережа с Колей здесь останутся. Я буду Мише текст диктовать. Он по телефону передавать. Ты, Шипкин, принимать его будешь и обязательно на бумагу запишешь. Потом ты бумагу Коле передашь, а он зашифрует.

– Классно придумано, – оценил Шипкин. – Только я сам шифровать хотел.

– Мы потом поменяемся, – хитро проговорила Клавка, – всем же надо потренироваться.

– Ну ладно, – решил Сережа, – давайте так и сделаем.

Клавка забрала телефон и направилась в соседний класс, Миша поспешил за ней. Когда они зашли в класс, Клавка подошла к окну и положила перед собой листок с текстом. Миша уселся за парту. Он снял трубку телефона и проверил связь. Слышимость была отличной.

– Готов? – спросила Клавка.

Миша кивнул головой.

– Тогда передавай.

И Клава, четко выговаривая слова, начала диктовать текст:

– «Дон», я «Заря». Нахожусь в квадрате 25. Координаты: 58 градусов 40 минут северной широты, 36 градусов 20 минут восточной долготы. Полк попал в окружение. Продержимся не более суток. Окопались и держим оборону. Много раненых. Для организации прорыва прошу нанести бомбовый удар по квадрату с координатами: 56 градусов 10 минут северной широты, 36 градусов 20 минут восточной долготы.

– Передал? – спросила Клавка. Миша кивнул. – Тогда пошли.

Она собрала телефон и направилась в соседний класс. Когда они вошли, Шипкин дописывал текст. Наконец он передал текст Коле искомандовал:

– Шифруй!

Коля взял листок в руки и уставился на него, как баран на новые ворота. Наконец он оторвал взгляд от текста и сказал раздраженно.

– Командир, я-то зашифрую, только ты сначала расшифруй, что ты тут написал.

Ребята столпились около Кольки, пытаются прочитать текст.

Корявый шипкинский почерк разобрать было очень трудно. В словах было столько ошибок, что невозможно было понять, кто находится в окружении: наши войска или вражеские. Особую сложность вызывали цифры. Колька ткнул в одну из них и спросил:

– Командир, какая это цифра: 56, 58 или 36?

– Думаешь, я помню, – озадаченно ответил Шипкин.

– Тогда скажи, где здесь широта, а где долгота.

Шипкин задумчиво почесал затылок. Наконец он нашелся:

– А что мы голову ломаем, Клава дай Кольке свой текст, у тебя же лучше написано.

– Извини, командир, – серьезно ответила Клавка, – но это невозможно. Текст передал радист окруженного полка. Сейчас связи с ними нет. Идет бой. Все должно быть по-честному. Если через час наши войска не нанесут бомбовый удар по неприятелю, наш полк погибнет. У нас есть всего десять минут, чтобы передать сообщение в центр. Если позже – наши не успеют.

Ребята сидели задумавшись.

– Что будем делать, командир? – спросил Мишка.

– Эх, карту бы, – пробормотал Колька.

Клава вытащила из портфеля топографическую карту и бросила на парту. Мальчишки столпились вокруг нее.

– А где здесь широта и долгота? – спросил Мишка.

– Вот, – Клавка указала на цифры по краям карты.

– Так, – задумчиво сказал Колька, – исходя из твоих записей, полк находится вот здесь. – Он ткнул в какую-то точку на карте.

– Но здесь ведь озеро нарисовано, – удивленно произнес Мишка.

– А может, они на плотках? – предположил Шипкин.

– Ага, выплыли на середину озера и окопались, – ехидно заметил Колька.

Мальчишки крутили карту и так и эдак, пытаясь определить, где же находится окруженный полк.

– Для передачи сообщения у нас осталось пять минут, – объявила Клавка.

– Кажется, я вспомнил, – воскликнул Шипкин. – Вот какие там были цифры.

Он взял бумажку и лихорадочно начал исправлять написанное. Когда он закончил, то протянул бумажку Кольке. Тот взял бумажку и стал сверяться с картой.

– Так, теперь выходит, что наши войска находятся вот здесь, а враги вот тут. Тогда бомбить надо этот квадрат. Ты уверен, командир?

– Кажется, да, – неуверенно ответил Шипкин. – Все равно я не знаю, как по-другому. Давай шифруй.

Колька торопливо начал шифровать. Когда он закончил, схватил телефонную трубку и начал в нее диктовать цифры. Закончив, он вопросительно посмотрел на Клавку. Она глянула на часы и констатировала:

– Успели.

Шипкин удовлетворенно развалился на парте.

– Мы молодцы. Объявляю всем благодарность.

– Клава, а можно настоящий текст посмотреть? – спросил Колька.

– Возьми. – Клавка протянула ему текст, написанный красивым ровным почерком.

Колька взял листок.

– Вот это – другое дело, – сказал он, – здесь все ясно и четко написано.

Он наклонился над картой и стал сверять данные. Минут через пять он поднял голову и растерянно сказал:

– Командир, мы, кажется, своих разбомбили.

– Не может быть, – подпрыгнул Шипкин.

Он схватил листок и стал судорожно сверять Клавкин текст с картой. Наконец он поднял голову и грустно констатировал:

– Боюсь, ты прав. Как же так вышло?

Молчавшая до этой минуты Клавка резко поднялась и вышла на середину класса.

– Товарищи разведчики, – абсолютно серьезно обратилась она к ребятам. – Сегодня произошла страшная трагедия. Из-за наших неумелых действий и безответственного отношения к своим обязанностям командира, погиб целый полк наших солдат. Полк – это тысяча человек. Тысяча отцов и матерей сегодня лишились своих детей. Тысяча детей потеряла своих отцов. По законам военного времени командира нашего отряда отдали бы под трибунал, а потом расстреляли. Всех остальных отправили бы в штрафной батальон.

Чем дальше говорила Клавка, тем сильнее в ней бушевали чувства:

– Неделю назад мы поклялись быть честными, поэтому я вам честно заявляю: разведчик – это не только тот, кто умеет быстро бегать и прыгать. В первую очередь это человек, который умеет быстро думать и анализировать. Разведчик должен иметь хорошую память. Он должен много знать. А если он лентяй и бездельник, то в разведке ему делать нечего.

Клавка заметила, как все ниже и ниже опускались головы ребят.

– Сегодня я пойду к командиру клуба и честно расскажу ему, что на наш разведотряд нельзя положиться. Мы не можем выполнить элементарной задачи. Пускай нас лучше переведут в пехоту. Там думать не надо – бегай да стреляй.

Она ударила кулаком по столу и стала собирать вещи. Мальчишки потерянно молчали. Клавка с удивлением заметила, что на глазах у Шипкина – слезы. Она уже было подошла к двери, но ее остановил Шипкин.

– Клава, подожди.

Клавка остановилась.

– Неужели у нас нет другого выхода?

Клавка секунду смотрела на него, потом решительно заявила:

– Выход есть. Только не знаю, хватит ли у вас воли.

– Говори, – потребовал Колька.

– Я даю вам три недели на то, чтобы вы изучили родной язык. Вы возьмете учебники, начиная с первого класса и по сегодняшний день. Вы будете заниматься день и ночь. Для тренировки памяти вы выучите все стихи, которые вам задавали еще в первом классе. Для разведчика очень важна зрительная память, поэтому вы будете учить наизусть не только стихи, но и целые рассказы. Вы будете диктовать друг другу диктанты и писать их по памяти, добиваясь того, чтобы у вас не было ни одной ошибки. А если вам станет лень, то вспомните, сколько людей мы сегодня погубили!

– Я согласен, – решительно заявил Шипкин. – Умру, но сделаю!

– Я тоже согласен, – сказал Мишка.

– Клава, а нам-то зачем это нужно, – возразил Колька. – Это ведь Серега у нас плохо учится.

– Если я не ошибаюсь, – презрительно проговорила Клавка, – то в клятве, которую мы давали неделю назад, сказано: никогда не бросать товарища в беде. А у нашего командира беда. И кстати, ты думаешь у тебя память лучше, чем у Шипкина?

Клавка подошла к шкафу и сгрэбла с полки разные мелочи, набросанные там в беспорядке. Она вывалила всю эту кучу на учительский стол и накрыла ее своей курткой.

– Сейчас я уберу куртку на три секунды, – заявила Клавка. – Ваша задача запомнить, какие под ней предметы и в каком порядке они лежат.

Она резко сбросила куртку и, сосчитав до трех, снова накрыла кучу.

– Ну, – решительно спросила она.

Из 25 предметов мальчишки смогли назвать только шесть. Расположение они вообще не запомнили.

– А теперь я, – заявила Клавка.

Она отвернулась от стола и дала команду убрать куртку. Клавка точно назвала 19 предметов и абсолютно точно – их расположение на столе.

Мальчишки были раздавлены.

– Если вы готовы выполнить боевую задачу, тогда берите портфели и идите за мной, –скомандовала она.

Ребята гурьбой вышли на улицу.

– Дай мне твои тетради по русскому языку, – потребовала Клавка, обращаясь к Шипкину.

Тот порывлся в портфеле и протянул ей свои тетрадки. Клавка взяла старую газету, прихваченную ею из класса, и достала из кармана спички. Она развела костер.

– Пускай в этом костре сгорит бездельник и двоечник по русскому языку – Шипкин, и возродится командир отряда разведчиков – Шипкин Сергей Николаевич.

С этими словами Клавка бросила тетради Шипкина в костер. Шипкин чуть не плакал.

– Клянусь! – сказал он. – Я смогу.

Когда костер догорел, ребята разошлись в разные стороны.

Прошло три недели.

Как-то на перемене к Клавке подошли Сережа, Мишка и Колька. За это время Шипкин осунулся, но бодро улыбался.

– Клава, – сказал он, протягивая ей тетрадь, – мы сделали это.

Клавка взяла тетрадь Шипкина и стала листать. Это была на удивление чистая тетрадка. Ровным и красивым почерком были написаны все упражнения. В тетради была только одна четверка, остальные пятерки. Тетради Мишки и Кольки выглядели также.

– Хорошо, – наконец констатировала Клавка, – но это еще не все. Сегодня после уроков собираемся в нашем классе.

После уроков, когда ребята расселись за партами, Клавка раздала им по чистому листочку и достала из портфеля небольшой блокнот.

– Сейчас я прочитаю вам текст, – сказала она. – Я сделаю это только один раз. Ваша задача: запомнить его, а потом написать на листочке без ошибок.

Так ребята и сделали. Текст был сложный. Когда Клавка проверила работы, она была удивлена. Все написали текст практически дословно. Ошибка нашлась только в работе Кольки.

– Молодцы! – поздравила Клавка. – Вот теперь все. Только не думайте, что с этой минуты можно бросить учиться.

– Да мы и не думаем, Клавочка, – ответил Шипкин. – Мы же понимаем, сколько жизней может зависеть от одной ошибки.

– А что у нас сегодня по плану? – спросила Клавка.

– Сегодня ничего, – ответил Сережа. – А вот на субботу у нас назначен полевой выход на лыжах. В 8.00 собираемся около озера.

На этом ребята и расстались.

В субботу утром Клавка вышла из подъезда. На ней была теплая куртка, трое штанов и меховая шапка. На плече лежали старенькие лыжи. Через полчаса она добралась до озера, там ее уже ждали разведчики.

Клавка с тяжелым вздохом стала надевать лыжи.

– А что это у вас какие-то бутылки за спиной? – спросила Клавка.

– Вот и тебе одна, – протянул ей Колька пустую бутылку, – надень на спину.

К бутылки были привязаны веревки, наподобие вещмешка. Клавка закинула ее за спину и сказала:

– Ну, все – я готова.

– Тогда слушай приказ, – скомандовал Шипкин. – Наш отряд в составе батальона выполняет задачу в тылу противника. Батальон попал в трудное положение. Трое суток назад у нас закончилась питьевая вода. Отряд, отправленный за водой, попал в засаду и погиб. Командир батальона принял решение отправить за водой нашу разведгруппу. Счет идет на часы. До родника семь километров. Скорость взрослого человека, если он идет пешком, – пять километров в час. Мы двигаемся на лыжах, поэтому скорость будет примерно одинаковой. Идти до родника полтора часа, столько же обратно. На набор воды и отдых – двадцать минут. И того на все про все – три с половиной часа. Сейчас 8.00. Значит, мы должны прибыть обратно в 11.30. Двигаться будем в следующем порядке: впереди я, за мной Колька, за ним Мишка, Клава замыкающая. Старайтесь двигаться в ногу. Если все понятно, за мной шагом марш!

Ребята двинулись по озеру.

Первый километр Клавка шла бодро. Она изо всех сил старалась не отставать. Клавка пыхла, упиралась палками, стараясь двигаться с той же скоростью, что и ребята. Однако это ей не очень-то удавалось. Через два километра расстояние между ней и мальчишками стало заметно увеличиваться. Километров через пять, ребятам пришлось остановиться, дожидаясь, пока Клавка догонит их. Ее фигура маячила далеко позади.

– Может, мы заберем у нее канистру и сами сбегает за водой, – предложил Колька, – а она нас здесь подождет.

– Все не так просто, Николай, – сказал Шипкин. – Во-первых, она член нашей группы. Во-вторых, мы движемся по вражеской территории и, возможно, не сможем вернуться тем же путем. Знаешь, что такое потерять разведчика в тылу врага?

Наконец Клавка добралась до ребят и в изнеможении плюхнулась в сугроб.

– Все! Больше не могу! – едва слышно пробормотала она.

Клавка тяжело дышала. От нее валил густой пар. Мокрые волосы торчали из-под шапки в разные стороны.

– Отдых 15 минут, – распорядился Шипкин.

Когда Клавка отдышалась, ребята помогли ей подняться.

– Клавочка, до родника два километра осталось. Потерпи, – ласково проговорил Колька.

– Постараюсь, – прошептала Клавка.

Как ребята ни старались, но до родника они добрались с опозданием на полтора часа. Наполнив бутылки водой и отдохнув минут десять, они тронулись в обратный путь.

– Обратно пойдем другой дорогой, – скомандовал Шипкин. – Здесь недалеко есть горка, минут пятнадцать сэкономим.

Когда они подошли к горке, Сережа распорядился:

– Первым спускаюсь я, за мной Колька, потом Клава, Мишка замыкающий. Коля, забери у Клавы канистру. Миша, если что, подстрахуешь ее.

– Хорошо, – кивнул Мишка.

Горка была длинной. Сначала спуск был прямым и ровным, но чем дальше он уходил, тем становился все круче и круче. На отдельных участках лыжня начинала петлять вокруг деревьев, и требовалась определенная сноровка, чтобы удержаться на лыжах.

Шипкин ехал первым. Он ловко объезжал кусты и деревья, стараясь сделать повороты, как можно более плавными, чтобы в них вписалась Клавка. Они уже почти спустились к подножию горы, когда Сережа услышал позади себя жуткий визг. Он резко затормозил и обернулся.

Клавка неслась, не разбирая дороги, прямо на березу, росшую очень близко к лыжне. Она летела как снаряд, выпущенный из пушки. Мишка, ехавший за ней, сильно отстал и поэтому ничем ей помочь не мог. Сам Шипкин находился далеко внизу и ни при каких условиях не успевал добежать до Клавки. Все, что ему оставалось делать, – это только смотреть, как стремительно сокращается расстояние между Клавкой и березой.

– Заворачивай, Клава, – изо всех сил закричал Колька, – заворачивай!

Клавка как будто не слышала его. Она продолжала нестись вниз и визжать во всю силу своих легких. Когда до березы оставалось меньше метра, Шипкин не выдержал и отвернулся. Казалось, ничто уже не может спасти Клавку, но она каким-то чудом, в последний момент, сделала шаг в сторону. Как ракета она пронеслась мимо березы. Наверное, все закончилось бы благополучно, но в этот момент Клавка выехала на небольшой бугорок, мимо которого проехать она уже не могла.

Если бы это был Сережа или Колька – ничего страшного бы не произошло, но это была Клавка. Ее подбросило высоко вверх. Присядь она пониже, то и приземлилась бы на той стороне трамплина на ноги. Но, к сожалению, она неслась прямая как кол. На бугорке ее лыжи выбросило вперед, а тело осталось позади. От этого рывка Клавка перевернулась в воздухе через голову. Полет был очень красочным. Наконец судорожно взмахнув

палками, она вонзилась в сугроб. Из снега торчали только лыжи и Клавкина голова. Несколько секунд ребята были в замешательстве, а потом кинулись к ней.

– Клавочка, ты жива? – испугано спросил Мишка.

– Кажется, да, – ответила Клавка.

– Что вы стоите? – рассердился Шипкин. – Давайте поможем ей выбраться.

Ребята подошли с двух сторон и потянули Клавку за руки. Мишка стал приподнимать ее сзади. Клавка совсем уже было поднялась, но, ступив на правую ногу, со стоном плюхнулась в снег.

– Ты чего падаешь, Клава? – спросил Шипкин.

– Я, кажется, ногу подвернула, – простионала Клавка, – болит сильно.

– Идти можешь?

– Нет, кажется.

Ребята отошли от нее в сторону.

– Что делать будем, командир? – спросил Мишка.

– Во всяком случае здесь не бросим, – ответил Шипкин.

Он подумал секунду и сказал: – Я помогу ей лыжи снять, а вы дуйте в лес и найдите несколько крепких палок.

Сережа объяснил мальчишкам, какие палки ему нужны.

Пока он возился с Клавкой, вернулись разведчики. Минут через пятнадцать они соорудили из Клавкиных лыж и палок что-то вроде санок, на которые усадили Клавку. Шипкин вытащил из рюкзака длинную веревку и привязал ее к одной из лыж. Он вместе с Мишкой впрягся в эту веревку. Колька встал сзади Клавки и уперся лыжной палкой в санки.

– Ну что, поехали? – спросил он.

– Поехали, – ответил Шипкин. – Жалко только, что канистры придется бросить.

Мальчишки одновременно дернули и потянули Клавку домой.

К дому они прибыли только к шести часам вечера. Разведчики помогли Клавке подняться в квартиру, занесли ее лыжи и разошлись по домам.

Дня через три Клавка появилась в школе. Она заметно прихрамывала. Уроки проходили как обычно. На перемене к ней подбежал Мишка.

– Здравствуй, Клавочка, – поздоровался он.

– Привет, – ответила Клавка.

– Сегодня после уроков мы в нашем классе собираемся. Тебе обязательно надо прийти.

– Приду, – пообещала Клавка.

Мишка убежал. Клавка с удивлением заметила, что после его слов ее охватило какое-то тревожное чувство.

Когда Клавка пришла в класс, ребята ее уже ждали.

– Садись, Клавочка, – предложил Шипкин.

Клавка с трудом взгромоздилась на парту. Лица у мальчишек были серьезные и сосредоточенные. Она заметила, что чувствует себя как-то уж больно неудобно.

Шипкин вышел вперед и произнес:

– Клава, мне неприятно тебе это говорить, но мы все-таки одна команда, и поэтому я скажу. Мы очень благодарны тебе за то, что ты помогла нам понять, для чего нужно знать родной язык. Однако три дня назад возникла ситуация, когда уже по твоей вине мы не смогли выполнить боевую задачу. Я согласен с тем, что разведка – это, в первую очередь, умение думать и принимать решения, но спортивная форма – это немаловажно. И ты совсем недавно в этом убедились. На этот раз погиб не полк, а только батальон. Батальон – это триста человек. И это, Клава, наши люди. Ты извини, но в этот раз все произошло по твоей вине. В прошлый раз ты поступила с нами честно и дала возможность исправиться, поэтому мы решили поступить также. Ты девчонка, поэтому мы дадим тебе

не три недели, а месяц. Ты должна научиться бегать так же, как мы. Если не научишься, мы отчислим тебя из отряда.

Шипкин немного помолчал, а потом, глядя Клавке в глаза, произнес:

– Ты, Клава, хороший разведчик и хороший человек, поэтому я искренне говорю, нам будет жаль тебя потерять.

Когда Шипкин закончил речь, мальчишки поднялись и вышли из класса. Клавка осталась одна.

Она сидела, уставившись в одну точку. На душе было пусто. Потом она собралась и вышла из школы.

Клавка бездумно брела по улице, то и дело натываясь на прохожих. Свернув в переулок, она остановилась. Перед ней вдруг ясно предстала картина, произошедшая в классе. И в следующий момент ее накрыла волна бесконечной жалости к самой себе. Клавка разрыдалась во весь голос.

Никогда до этого Клавка так не плакала. Обычно слезы вызывала в ней злость на окружающих. В ней всегда вспыхивало сильное желание отомстить за нанесенные обиды. В данном случае мстить было некому да и не за что. Мальчишки не насмеялись над ней. Они уважали ее, и Клавка это знала. Ребята искренне сожалели о том, что случилось.

Эти чувства были для Клавки новыми, наверное, поэтому такими сильными. Слезы ручьем текли по ее щекам.

Наплакавшись вдоволь, Клавка немного успокоилась. Чувство жалости к самой себе сменила злость. На этот раз она злилась на себя.

– Да что это я, в самом деле! – воскликнула про себя Клавка. – Разъелась как корова, ни в одну юбку не влезаю. Кто меня есть заставляет? Кто мне тренироваться не дает? Они правы. Или я должна вырваться из этого положения. Или навечно остаться жирной коровой.

Ей вдруг вспомнилось, с какой непреклонностью три недели назад Шипкин решил изменить свою судьбу. Как отчаянно он сказал тогда: «Умру, но сделаю!».

Ее злость на себя достигла предела. Она вдруг изо всех сил топнула ногой и, со свойственной ей грубостью, воскликнула: «Сдохну, но сделаю!».

Клавка отдышалась. Принятое решение круто изменило ее мысли. Она даже повеселела. Улыбнувшись, она почувствовала, как ее переполняет энергия и жажда деятельности. Ей предстояло сражаться. Только на этот раз сражаться надо было с самым сильным противником – с самой собой. Она решительно выбралась на дорогу и зашагала к своему дому.

Дверь ей открыла бабушка. Всегда ласковая и улыбающаяся она и на этот раз с умилением смотрела на внучку.

– Клавочка моя пришла, – проворковала она. – А я моей внученьке покушать приготовила. Твою любимую картошечку с курицей.

Клавка зашла на кухню и заглянула в кастрюлю. Огромная кастрюля была наполовину заполнена картофельным пюре. Сантиметра на три над картошкой поднималось масло. В нем плавали две здоровенные куриные ноги.

Еще вчера эта картина вызвала бы в Клавке жуткий аппетит и желание поскорее сесть за стол. Однако теперь Клавка смотрела на все это совершенно иначе. Эти куриные ноги, жирное масло, запах подгоревшего мяса... Клавку едва не стошнило. Она закрыла кастрюлю и пошла в свою комнату. Переодевшись, она села на кровать и задумалась. «Месяц, – подумала она, – всего тридцать дней. Впрочем, почему всего. Не всего тридцать, а целых тридцать дней. Если я начну заниматься прямо сейчас – я все успею».

Она вытащила из шкафа спортивный костюм и натянула на себя. Клавка уже собиралась выйти из комнаты, но задержалась у зеркала. Брезгливо глянув на свое отражение, она проговорила со злобной усмешкой: «Ну что, квашня, потягаемся. Посмотрим, кто кого. Запомни, корова, у тебя нет шансов. Я все равно тебя сделаю». В прихожей она надела спортивную шапочку и вышла на улицу.

С этого дня жизнь Клавки изменилась. Она бегала каждый день. Набегавшись до упаду, она начинала делать зарядку.

Больше никто не мог заставить Клавку есть больше, чем она сама выбирала: ни уговоры бабушки, ни угрозы мамы. Решимость Клавки была непоколебима.

Однажды утром она, как обычно, выбежала на улицу. Шел легкий снег. Прохожих на улице было мало. Клавка поправила шапочку и побежала вдоль дороги. Минуты через две она поняла, что бежать стало абсолютно невозможно. Выхлопные газы от автомобилей были настолько ядовитыми, что она начала задыхаться. Клавка остановилась. Она перешла через дорогу и направилась в сторону леса.

Через лес вела небольшая тропинка. Клавка побежала по ней, усиленно работая руками и не обращая внимания ни на что вокруг. Через некоторое время она услышала шаги за своей спиной. Клавка резко обернулась и от удивления открыла рот. Позади нее бежала Даша.

– Здравствуй, Клавочка, – приветливо поздоровалась Даша.

– Привет, – растерянно ответила Клавка. – Ты чего здесь?

– Так ведь я каждый день здесь бегаю.

Клавка заметила, что у Дарьи за спиной висит небольшой рюкзачок.

Даша сбавила скорость и побежала рядом с Клавкой. Они бежали молча. Даша заметила, как тяжело дышит Клавка. В лесу было чудесно. Деревья были укрыты пушистым снегом. Ветра почти не было.

Через некоторое время Даша остановилась, давая Клавке отдышаться.

– Ты отдохни, Клавочка, – сказала она. – Знаешь, ты не совсем правильно бежишь. Уж больно много ты энергии тратишь. Да и настроение у тебя не совсем обстановке соответствует.

– А причем здесь настроение? – удивилась Клавка.

– Так ведь это, Клавочка, самое главное, – ответила Даша. – Я ведь вижу, как ты стараешься. Только ты как бы сама с собой борешься, а лучше с собой сотрудничать. Ты постарайся бежать с удовольствием. Почувствуй, как это здорово – быть сильной. Наслаждайся тем, что ты делаешь. Ты сразу почувствуешь разницу.

Сейчас я побегу впереди, а ты старайся бежать за мной в ногу. Нам надо пробежать километр, а последние сто метров изо всех сил. Постарайся меня обогнать.

Даша поправила рюкзачок, и они снова побежали по тропинке. Когда до конца дистанции осталось сто метров, Даша крикнула:

– Давай!

И они припустили во весь дух. Как ни старалась Клавка, она все равно осталась далеко позади. Когда она наконец доплелась до финиша, то от усталости плюхнулась в снег.

– Ничего, Клавочка, – сказала Даша, – если заниматься не бросишь, то через месяц будешь бегать не хуже меня.

Клавка огляделась. Они находились на берегу озера. Недалеко от берега была прорубь. Клавка увидела, как Даша подошла к проруби, скинула с себя спортивный костюм и прыгнула в воду. Клавка до того удивилась, что нашла в себе силы подняться и подойти поближе.

Даша немного поплавала, потом выбралась на лед. Она скинула купальник, докрасна растерлась полотенцем, потом надела сухое белье и натянула спортивный костюм.

– Ты что это делаешь? – ошеломленно спросила Клавка.

– Наслаждаюсь, – улыбаясь во весь рот, ответила Даша. – Водичка просто чудо. Я, Клавочка, тебе не советую следовать моему примеру. Такие вещи нужно с лета начинать, тогда и холодно не будет. Ну, побежали домой.

На обратном пути Клавка почувствовала, что бежать ей уже легче. Последние сто метров, что оставались до дома, они снова пробежали изо всех сил. Возле Клавкиного дома Даша попрощалась и побежала к себе, а Клавка поднялась домой.

Дома она залезла под душ. Потом позавтракала и пошла в школу.

С этого времени они с Дашей бегали каждый день. В субботу и воскресенье они на целый день уходили на лыжах в лес. Даша учила Клавку, как правильно двигаться, как работать палками. Она объясняла, в чем разница между классическим и коньковым ходом. Клавка была очень упорной ученицей и старалась изо всех сил. В конце занятий они обязательно бежали на время.

Нередко по вечерам они шли в спортивный зал, и Даша показывала Клавке, как правильно лазить по канату. Она добивалась того, чтобы каждый раз Клавка смогла подняться выше, хотя бы на сантиметр. Клавка заметила, что чем больше она теряла в весе, тем легче у нее это получалось.

То же самое она почувствовала и в отношении утренних пробежек.

Еще в начале занятий Даша посоветовала Клавке найти кого-то, с кем можно было бы посоревноваться.

– Постарайся найти кого-нибудь, – говорила она, – кто бегают лучше, чем ты. Тянись за ним, обязательно постарайся его догнать. И поверь мне, придет время, когда ты справишься с этой задачей.

Однажды Клавка вышла во двор и подошла к группе мальчишек, которые каждый день сидели на скамейке. Она вытащила из кармана большой батончик шоколада «Сникерс» и предложила:

– Ребята, шоколадку хотите?

– А то, – ответили они.

– Я положу ее вон на ту скамейку, – она указала в сторону скамейки, которая стояла метров за сто от них. – Кто добежит до нее первый, шоколадка его.

– Годится, – весело сказали мальчишки и выстроились в линию на старте.

Через минуту Клавка дала команду, и они гурьбой пустились в сторону заветной скамейки. Клавка прибежала последней. Довольные мальчишки разделили шоколадку на всех, кроме Клавки, и с удовольствием ее съели.

– Захочешь еще побегать, приходи, – со смехом предложили они.

– Приду! Будьте уверены, – ответила Клавка.

С этого дня она каждый вечер выходила во двор и устраивала бег за шоколадкой. Недели через две мальчишки настолько привыкли к ее появлению, что встречали ее радостными возгласами.

– Наш «сникерс» идет, – веселились они.

Клавка не обращала на их насмешки никакого внимания. Каждый день с несгибаемым упорством она пыталась прибежать хотя бы не последней. Через две недели Клавка вышла на третье место. И наконец настал тот день, когда она выхватила шоколадку из-под самого носа растерявшихся мальчишек.

Она с усмешкой смотрела на их разочарованные лица. Наконец не выдержав, она расхохоталась.

– Это вам мой подарок, – весело воскликнула она, – и спасибо большое.

Она протянула шоколадку удивленным пацанам, развернулась и ушла домой.

Вечером она подошла к маме и заявила:

– Послушай, мама, долго я буду донашивать это барахло?

Она держала в руках старый спортивный костюм.

– А что тебе не нравится? – раздраженно спросила мама.

Клавка хотела сорваться, но удержалась.

– Мама, я уже выросла, – спокойно сказала она. – Ты просто не заметила.

Мама внимательно посмотрела на Клавку. Она как будто впервые увидела свою дочь. За прошедший месяц Клавка сильно изменилась. Она явно похудела и, наверное, поэтому выглядела выше ростом. Что-то новое появилось и в ее лице. Как-то неувлимо изменился голос. В нем звучали нотки, свойственные взрослому человеку.

– Ладно, – неожиданно сказала мама. – Завтра сходим в магазин.

На следующий день у Клавки был новый спортивный костюм и очень приличные кроссовки. Она до того разошлась, что вынудила маму купить ей настоящие пластиковые лыжи.

Клавкиной радости не было предела. Теперь лыжные прогулки стали для нее настоящим удовольствием.

Как-то после уроков, когда установленный Шипкиным месяц истек, Клавка разыскала мальчишек.

– Сережа, – обратилась она к Шипкину, – давай в субботу устроим полевой выход.

Шипкин посмотрел на Клавку с сомнением, но все-таки сказал:

– Ну, что ж давай.

В субботу, когда мальчишки добрались до озера, Клавки еще не было. Народу на лыжне было немного.

– Вечно Клавка опаздывает, – сказал Колька, взглядываясь в людей, – ладно, давайте пока хотя бы лыжи наденем.

– Смотри, какой класс, – восхищенно сказал Мишка, глядя на двух девчонок, бегущих на лыжах по озеру.

– Это они коньковым ходом идут, – с видом знатока, заявил Колька, – спортсменки, наверное.

Девочки действительно двигались очень красиво. Мощно отталкиваясь палками, они шагали практически синхронно. Вдруг они развернулись и поехали в сторону ребят.

– Ну, где же все-таки Клавка? – раздраженно спросил Мишка.

– Ладно, подождем еще, – ответил ему Шипкин.

Мальчишки воткнули палки в снег и стали надевать лыжи.

– А чего меня ждать? – прозвучал голос.

Сережа поднял голову и не поверил собственным глазам. Прямо перед ним стояла Клавка. Она была в новом спортивном костюме. На ногах пластиковые лыжи, а на голове вязаная белая шапочка. Рядом с ней стояла Даша.

– Я уже давно здесь, – усмехнулась Клавка, глядя на оторопевших ребят. – Мы тут с Дашей размялись немножко. Ну что, идем?

– Ну, ты даешь, Клавка, – вместо ответа восхищенно проговорил Мишка.

Наконец ребята пришли в себя.

– Держи, Клава, канистру, – сказал Коля, – и протянул ей пустую бутылку.

– Ладно, Клава, пока, – попрощалась Даша, – пойду на горку покатаюсь.

Она развернулась и уехала, а ребята тронулись в путь.

На этот раз Клавка вызвалась идти первой. Она легко бежала по лыжне, изредка, где была возможность, переходя на коньковый шаг. Было видно, что лыжная поездка доставляет Клавке удовольствие. Мальчишки едва поспевали за ней. Когда они дошли до родника, Клавка совсем не выглядела уставшей. Она сбросила лыжи и, пока мальчишки набирали воду, прогулялась по лесу. Отдохнув минут пятнадцать, ребята тронулись в обратный путь.

Клавка бежала все также легко. Километра через три ребята стали отставать. Если Сережа с Мишкой еще кое-как выдерживали темп, то Колька совсем запыхался. Наконец Клавка развернулась и, бросив на ходу Шипкину, чтобы они двигались дальше, направилась к Кольке. Подъехав к нему, она забрала у него бутылку и повесила себе на грудь. Нагруженная двумя канистрами, Клавка бросилась догонять Шипкина.

Когда до конца пути осталось метров двести, Клавка припустила во весь дух. Она легко обогнала мальчишек, придя к финишу первой. Клавка сняла с себя канистры и взглянула на мальчишек, победно улыбувшись.

Ребята выглядели совсем измученными. Когда Колька наконец добрался до финиша, он плюхнулся в снег, и его стошнило.

– Что это с ним? – испуганно спросила Клавка.

– Это он у нас курить начал, – устало поделился Мишка.

– А, – понимающе протянула Клавка. – Ну, если сигареты помогают ему хорошо себя чувствовать, то пускай продолжает.

– Сегодня же брошу! – решительно заявил Колька. – Ну их куда подальше.

– Ладно, ребята, я пошла, – улыбнувшись, прощбетала Клавка.

Она сняла лыжи, и через минуту ее и след простыл.

– Ну что, разведчики, – обратился Шипкин к ребятам, – однако, нам потренироваться не помешает.

Мальчишки сняли лыжи, разобрали канистры и разошлись по домам.

Прошла неделя. Как-то на перемене Клавка подошла к Шипкину и спросила:

– Что-то, Сережа, у нас давно мероприятий никаких не было?

– Хорошо, Клавочка, что подошла, – ответил Шипкин, – а то я тебя уже разыскивать собирался. У нас послезавтра тренировка намечена. Мы будем отрабатывать скрытое передвижение в тылу противника. В четыре часа собираемся возле школы. Ты одень на себя что-нибудь неприметное да похуже.

– Хорошо, – ответила Клавка.

На этом они и расстались.

Когда к намеченному времени Клавка пришла на школьный двор, там ее уже ждали Сережа и Колька.

– А где Мишка? – спросила Клавка.

– Сейчас подойдет, – ответил Колька, – он рукавицы дома забыл.

Клава присела на старый бутылочный ящик.

– Ты что такой хмурый? – спросила она у Шипкина.

Тот только безнадежно махнул рукой.

– Он сегодня двойку по математике получил, – объяснил Колька. – И чего расстраивается, первый раз что ли. Подумаешь – контрольная.

– Не дается мне никак эта математика, – с горечью произнес Шипкин. – Не понимаю я ее. Да и вообще не знаю, зачем она нужна. Что я в разведке примеры буду решать в тылу врага?

– Во-во, – хихикнул Колька. – Сколько врагов мы уложим, уж как-нибудь втроем посчитаем.

– Понятно, – усмехнулась Клавка.

Она, как-то хитро прищурившись, посмотрела на мальчишек. Ребята ничего не заметили.

Наконец подошел Мишка.

– Все готовы? – спросил Шипкин. – Тогда пошли.

Он повел ребят на новостройку, которая находилась в двух кварталах от школы. Недостроенный пятиэтажный дом окружал высокий деревянный забор. Через большие металлические ворота въезжали и выезжали машины. Туда и обратно сновали рабочие в белых и желтых касках. Въезд в ворота перегораживал шлагбаум, который поднимал и опускал сторож.

– Ну и зачем мы сюда пришли? – поинтересовалась Клавка.

– Это и есть тыл врага, – пояснил Шипкин. – Наша задача скрытно проникнуть на вражескую территорию и разведать обстановку.

– И как мы туда проникнем? – с сомнением спросил Колька. – Тут ведь забор высокий. На воротах сторож сидит. Да если даже мы туда и заберемся, нас сразу обнаружат. Там ведь рабочих полно. Если нас поймают, точно по ушам надают.

– А как ты поставленную задачу в тылу врага выполнять собирался? – спросил Шипкин, глядя на Кольку в упор. – Ладно, не бойся, у меня все продумано. Я за этой стройкой уже неделю наблюдаю. На противоположной стороне в заборе есть дырка, через нее рабочие цемент воруют. Так мы на вражескую территорию проникнем, а там будем действовать по обстановке. Шагайте за мной.

Когда ребята подошли к дырке. Шипкин объявил:

– Внутри будем передвигаться короткими перебежками. Для скрытности используйте естественные складки местности.

– Чего использовать? – переспросил Колька.

Его заметно потряхивало от волнения.

– Прячься, где придется, – пояснил Мишка.

– Понятно, – кивнул головой Колька.

Его зубы выбивали мелкую дробь.

На территорию стройки они проникли быстро. Несмотря на большое количество рабочих, Шипкину удалось провести свой отряд прямо к дому. Ребята забежали в подъезд и затаились, прислушиваясь. Со всех сторон до них доносились различные звуки. Где-то трещал отбойный молоток, слева завывала дрель и слышались громкие голоса. На втором этаже работала сварка. Ребята видели, как в проем двери сыплются искры.

– Сначала обследуем подвал, – прокричал Шипкин, – потом верхние этажи.

В подвале они пробыли около часа. Никто из разведчиков не догадался захватить с собой фонарик. Они ползали по темному помещению, как слепые тараканы, то и дело натываясь на брошенные стройматериалы. Один раз их едва не обнаружили рабочие, внезапно зачем-то спустившиеся в подвал. Однако ребятам удалось укрыться в какой-то камерке и дожидаться, пока рабочие уйдут.

Наконец они дошли до противоположного конца дома. Здесь было не так шумно, к тому же, через небольшое окно в подвал пробивался свет. Ребята присели на деревянные щиты, в беспорядке сваленные у стены.

– Перекур, – объявил Шипкин. – Рабочие скоро уйдут.

– Откуда ты знаешь? – спросил Мишка.

– У них рабочий день до пяти, – ответил Сережа. – Минут через десять здесь никого не будет.

Действительно, через десять минут все шумы стихли. Ребята подождали еще немного, потом осторожно выбрались из подвала. Света в доме не было, но на улице было еще довольно светло. К тому же, во дворе стояли два столба с мощными лампами, которые хорошо освещали всю стройплощадку.

Ребята прошлись по первому этажу, потом поднялись на второй. Под ногами скрипел битый кирпич. Всюду валялись мотки железной проволоки. В одной из комнат стоял сварочный аппарат.

– Это вражеская радиолокационная станция, – объявил Шипкин.

– Чего это? – переспросил Колька.

– Ну, штукавина такая, чтобы наши самолеты обнаруживать, – пояснил Шипкин. – Ее надо заминировать и при отходе уничтожить.

– Ты лучше скажи, как мы выбираться отсюда будем, – спросил Мишка.

– Так же, как и пришли, – ответил Шипкин.

– Так же – не получится, – возразил Мишка. – Смотри. –

Он указал на то место, через которое они проникли на стройку. Со второго этажа было хорошо видно, что вплотную к забору были составлены поддоны с кирпичом. Они надежно перекрывали путь к отступлению.

– Ничего, – бодро сказал Шипкин, – найдем другую дырку.

– Да? – нервно усмехнулся Колька. – А это ты видел?

Он указал вниз. Там, под самыми окнами, бегала здоровенная немецкая овчарка.

– Может, мы ее попросим дорогу нам указать?

– Отставить панику, – скомандовал Шипкин. – Положение сложное, но не безнадежное. Вы разведчики или трусы последние? Даже Клава молчит, а вы сопли распустили!

Мальчишкам, видимо, стало стыдно. Они стояли нахмурившись.

– Ладно, командир, – наконец сказал Мишка, – что-нибудь придумаем.

– Вот это другой разговор, – похвалил Шипкин.

Клавка и сама напряженно думала, как выбраться из создавшейся ситуации. Попадаться собаке в зубы очень не хотелось. «Если бы сторож их обнаружил, то, скорее всего, сдал бы в милицию. А там, чего доброго, еще в воровстве обвинят» – подумала Клавка.

Она вдруг вспомнила, что где-то на третьем этаже видела веревку. Резко поднявшись, она бросилась на третий этаж, ребята побежали за ней.

В одной из комнат третьего этажа действительно лежала длинная веревка. Клавка выглянула в окно.

– Кажется, у меня есть идея, – осторожно сказала она.

– Ну, – мальчишки смотрели на нее с нетерпением.

– Видите, на той стороне забора растет дерево. Если к веревке привязать камень, то можно будет один конец забросить на дерево, а другой мы закрепим здесь. По веревке мы осторожно перелезем на другую сторону. Там недалеко автобусная остановка. Сядем на автобус и уедем.

– Классная идея, – в один голос похвалили мальчишки.

Они явно приободрились. Выход был найден.

– Здесь и место хорошее. Свет фонаря почти не достает. Да и яма внизу глубокая, собаке трудно будет перебраться.

Настроение мальчишек улучшалось с каждой минутой. Они энергично взялись за работу. Колька нашел подходящий камень. Мишка привязал его к веревке. Шипкин сложил ее аккуратно на земле в виде кольца и взялся за тот конец, к которому был привязан камень.

– Сережа, – обратилась к нему Клавка, – постарайся закинуть веревку вон на тот сук. Тогда мы этот конец спустим вниз и привяжем на втором этаже. Мы по веревке тихонечко переберемся и уйдем отсюда.

– У меня есть идея получше, – самодовольно заявил Шипкин. – Я, Клавочка, твою идею усовершенствовал.

– Это как еще? – подозрительно спросил Колька.

– Сейчас увидишь.

Шипкин раскрутил камень и запустил его в сторону дерева. Камень, долетев до толстой ветки, надежно обмотался вокруг нее.

– Что ты наделал, – воскликнула Клавка. – Это же слишком низко.

– На это и весь расчет, – ответил Шипкин.

– Да какой еще расчет, двоечник ты доморощенный, – в сердцах крикнула Клавка.

– Успокойся, Клава, я сейчас все объясню, – Шипкин, улыбаясь, смотрел на ребят. – Уходить мы будем быстро. Для этого веревку мы закрепим не на втором, а на третьем этаже. Мы ее просто посильнее натянем. Видите – в углу крюки валяются. Накидываем крюк на веревку и едем по ней до самого дерева. Только момент нужно выбрать, когда к остановке автобус будет подходить. На той стороне мы спрыгиваем, заскакиваем в автобус и уезжаем. Все просто и гениально.

– Ты, гений чокнутый, одну важную вещь забыл, – злобно зашипела Клавка. – Ты представляешь себе, с какой силой мы должны натянуть веревку, чтобы в забор не врезаться. В твои гениальные расчеты провис веревки входит или нет? Да чтобы натянуть веревку под таким углом, здесь конь нужен, а не три сопливых двоечника.

– Не ругайся, Клава, – встрял в разговор Мишка, – у нас все чудесно получится. Скажи лучше честно, что ты просто боишься.

Мальчишки были явно на стороне Шипкина. Клавку просто трясло от злости.

– Ладно, – язвительно сказала она, – если ты прав, я больше никогда не полезу со своими советами. Но если ты ошибаешься, тогда держись!

Клавка отошла в сторону. Она села на деревянный поддон и стала наблюдать, как мальчишки натягивают и закрепляют веревку. Когда работа была закончена, Шипкин скомандовал:

– Разобрать крюки!

Мальчишки с готовностью выполнили его распоряжение. Клавка встала. Она подошла к веревке и, взявшись за нее двумя руками, проверила натяжение.

– Сережа, – устало обратилась она к Шипкину, – натяжения веревки, на мой взгляд, явно не хватает. Здесь нужен математический расчет. Необходимо учесть: высоту дерева, расстояние до здания, вес человека.

Шипкин смотрел на нее насмешливо.

– А, на мой взгляд, здесь всего хватает. Я иду первый, за мной Мишка, за ним Колька, последняя – ты. Посмотришь, как мы ловко перелетим через забор.

– Ладно, – согласилась Клавка. – Только одно условие. Мишка поедет по веревке только после того, как ты удачно приземлишься на той стороне.

– Согласен, – ответил Шипкин.

Он накинул крюк на веревку. Как только вдалеке показались фары автобуса, Сережа оттолкнулся от подоконника и стремительно заскользил вниз.

Клавка была права. Провис веревки действительно оказался слишком большой, но делать что-либо было уже поздно. Шипкин стремительно летел прямо на забор. Он попытался увернуться, стараясь удариться в забор ногами, но не рассчитал и пробил забор головой прямо посередине. Грохот был жуткий. Оглушительно залаяла собака и кинулась в сторону Шипкина. Из будки выскочил сторож и побежал в том же направлении.

Ребята онемели от страха. Они видели, как Шипкин вскочил с земли и бросился наутек. Видимо, удар головой смягчила зимняя шапка.

Клавка первой пришла в себя.

– За мной, – скомандовала она и стремительно побежала вниз по лестнице.

Выскочив на улицу, Клавка побежала в сторону шлагбаума, благо сторожа там уже не было. Мальчишки бежали за ней. Пробежав ворота, они во всю прыть пустились по улице. Разведчики не заметили, как пролетели два квартала, и пришли в себя только на школьном дворе.

Отдышавшись, Клавка спросила:

– Не видели, Шипкин успел убежать?

– Кажется, успел, – ответил Колька. – По-моему, он в автобус заскочил.

– Ладно, – скомандовала Клавка, – сейчас по домам, встретимся завтра после уроков.

На этом они и разошлись.

На следующий день после уроков ребята собрались в классе. Шипкин пришел последним.

Когда он зашел в класс, то увидел, что Мишка и Колька сидят за партой, а Клавка забралась на учительский стол. Шипкин заметно прихрамывал.

– Вот и академик к нам пожаловал, – язвительно сказала Клавка. – Настоящий волк российской разведки, – продолжала издеваться она. – Наш командир всегда говорил, что в разведке главное работать головой. Вчера он нам это очень убедительно продемонстрировал.

На лбу у Шипкина была здоровенная шишка. Он сел за парту и опустил голову.

– Человек-торпеда, – изгалялась Клавка. – Зачем нам математика, у нас есть командир, который крушит вражеские заборы своей головой. В следующий раз мощь твоего интеллекта надо испытать на бетонном заборе.

– Ты, командир, вчера действительно того... – неуверенно поддержал Мишка. – Если бы не Клавка, нас бы точно поймали.

Сережа Шипкин сидел красный как рак.

– Ты чего хромаешь? – спросил у Шипкина Колька. – Ногу подвернул?

– Да нет, – замялся Шипкин, – собака меня немножко догнала. Я уже в автобус почти запрыгнул, а тут она сзади.

– А, вот оно что, – усмехнулась Клавка. – Наш командир получил боевое ранение. Не в грудь, конечно, но тоже больно. Я думаю, нам его надо к ордену представить, а

фотографию укушенного места на доску почета повесить. А внизу написать: «Герой-разведчик Шипкин едва не погиб в неравном бою с забором и собакой Жучкой».

– Да ладно тебе, Клава, – примирительно сказал Колька, – с кем не бывает. Ну, ошибся Серега, в следующий раз думать лучше будет.

– Э, нет, – возразила Клава, – в следующий раз будет то же самое. Дело не в том, что Шипкин ошибся, дело в том, что он математику принципиально знать не хочет. Для проведения таких операций нужен точный расчет, а не безмозглый героизм. Кстати, а ты, Коля, что по контрольной получил?

– Три с минусом.

– А ты? – обратилась Клава к Мишке.

– Тоже тройку, только без минуса, – скромно ответил Мишка.

– Ясно, – решительно сказала Клава. – С вашими познаниями в математике нашу разведгруппу поймают в самом начале боевых действий, если мы вообще доберемся до противника. Я подозреваю, что мы либо разобьемся об какой-нибудь столб, либо героически утонем в канаве.

Ребята понуро молчали.

– Что же нам делать, Клава? – обреченно спросил Шипкин.

– Хороший вопрос, – сказала Клава. – У нас есть два выхода. Первый – пойти к командиру отряда и честно признаться, что мы настолько глупые и слабовольные, что не можем осилить даже арифметику. Я уже не говорю о математике, алгебре или геометрии. А поэтому наше стадо можно использовать только при сносе вражеских укреплений. Второй выход – каждый из нас поставит для себя боевую задачу: «Умереть, но осилить математику». Кстати, ума для этого большого не надо, – добавила Клава, – как только начнете заниматься, сами убедитесь. На первом этапе я возьму над вами шефство, а потом мы пойдем на курсы разведчиков.

– А что, такие существуют? – удивленно спросил Мишка.

– А то, – уверенно ответила Клава, – только для того, чтобы на них заниматься, надо освоить элементарные вещи. Для того, чтобы исполнить симфонию Баха, нужно хотя бы знать гаммы.

– Хорошо, – сказал Шипкин, – мы согласны.

– Вот и чудесно, – сказала Клава, – через два дня встречаемся здесь же. А до этого времени всем вызубрить таблицу умножения.

На этом они и расстались.

С этого дня Клава начала заниматься с ребятами. Ни на минуту она не давала им спуску. Она объясняла им материал, показывала, как это можно сделать, а потом требовала, требовала и требовала. Через какое-то время она с удивлением заметила, что когда она им что-то объясняет, то лучше понимает сама. Однажды ей на ум пришли Дашины слова: «Лучший способ научиться – это научить другого». За это время Клава вспомнила многое из того, что уже давно забыла. Поняла то, что раньше не понимала.

Наконец наступил тот день, когда можно было сказать, что программу ребята знают на «отлично». «А ведь всего месяц понадобился», – иногда удивлялась Клава.

Как-то после очередных занятий Шипкин спросил:

– Клава, а когда мы на курсы разведчиков пойдем?

– Завтра, – пообещала Клава.

На следующий день она повела ребят в новое здание школы. Там были расположены учебные классы выпускников и учеников старших классов. Они подошли к одному из кабинетов, и Клава открыла дверь.

Помещение, в которое они вошли, было довольно большое. Оно было совсем не похоже на школьный класс. Вокруг небольших столов стояли мягкие кресла. Посреди кабинета лежал огромный ковер. Половину стены занимала доска. На столах стояло несколько компьютеров.

В помещении находилось человек двадцать. Все они были заняты своими делами. Шипкин заметил, что здесь были ребята всех возрастов. Несколько человек окружили молодого парня, сидевшего за столом.

– Подождите на диване, – сказала Клавка.

Она подошла к столу, за которым сидел парень. Дождавшись, пока ребята разойдутся, она обратилась к нему и стала ему что-то негромко говорить. Парень внимательно слушал, кивая головой и поглядывая на ребят.

Шипкин немного знал этого парня. Это был молодой учитель математики, который работал в старших классах. В школу он пришел всего лишь два года назад, однако за это время сумел сделать так много, что о нем ходили легенды. Говорили, что он преподавал математику совсем не так, как принято в школе, но, несмотря на это, уровень знаний его учеников был очень высок. И дело было даже не в том, что они с легкостью побеждали во всевозможных олимпиадах.

Наконец Клавка закончила говорить.

– Понятно, – сказал парень, улыбнувшись. – Ребята, – обратился он ко всем присутствующим, – у нас пополнение. Вы уже знаете, что знания, которые вы получаете здесь, можно применить в любой сфере. С сегодняшнего дня мы будем учиться применять их в военной области. Я вам неоднократно говорил, что математика – это самый простой предмет в школе, многие из вас в этом уже убедились. В математике все остается неизменным и дважды два всегда будет четыре. Здесь, как и в разведке, необходимо научиться быстро и нестандартно мыслить. Сейчас мы проверим, насколько нестандартно умеют думать наши юные разведчики.

Он подошел к доске. Взял мел и стал говорить:

– Простая задача. Вы находитесь в тылу противника. Вам необходимо захватить и уничтожить военный катер. Катер стоит на расстоянии двухсот метров от берега. С него свисает веревочная лестница. Расстояние от ее последней ступеньки до воды полтора метра, вам до нее не дотянуться. Если бы лестница свисала ровно на метр, тогда вы смогли бы до нее достать. Вы знаете, что через десять минут начнется прилив. Скорость подъема воды десять сантиметров за пять минут. Вопрос: сколько времени необходимо, с учетом десятиминутного ожидания, чтобы лестница опустилась достаточно низко. Время на решение задачи пять минут. Вам необходимо определиться: ждать или искать другой способ подняться на катер.

Это задача только для разведчиков, – добавил он. – Все остальные решают ранее поставленные задачи.

Мальчишки задумались.

– Давай-ка я ее запишу, – сказал Колька.

Он схватил бумагу и быстро записал условие задачи.

– По-моему, ничего сложного, – задумчиво сказал Мишка. – Нам нужно, чтобы лестница опустилась на полметра – это пятьдесят сантиметров. Если мы пятьдесят разделим на десять, то получим пять. То есть пять отрезков времени. Каждый отрезок пять минут. Следовательно, пять умножить на пять будет двадцать пять. Да еще десять минут, которые необходимо подождать до прилива.

– Кажется, все верно, – радостно сказал Колька. – Мы ее решили за полторы минуты. Ай да мы.

– Не знаю, не знаю, – задумчиво сказал Шипкин. – Что-то здесь не так. Только не знаю что. Ладно, так как у меня другого решения нет, говори ответ.

Мишка поднялся и сказал:

– У нас все готово. Необходимо тридцать пять минут. Мыждемся и будем штурмовать.

– Неверно, – не поднимая головы, ответил парень. – У вас есть еще две с половиной минуты.

– Как же так, – садясь на место, растерянно пробормотал Мишка.

Мальчишки задумались. Они и так и эдак крутили задачу, но другого решения никак не могли найти.

Когда время истекло, парень посмотрел в их сторону.

– Даю подсказку. Никогда не решайте только часть задачи, сначала представьте ее целиком. Для этого лучше всего ее нарисовать.

Мишка схватил карандаш и нарисовал катер, который стоял на воде. Потом он пририсовал к нему лестницу.

– Вот лестница, вот вода, – стал рассуждать он. – Начинается прилив, вода прибывает. Корабль поднимается. Ах ты, черт, – воскликнул он. – Ну, конечно же.

– Я тоже понял, – сказал Шипкин. – Лестница-то вместе с кораблем будет подниматься. Поэтому она никогда не опустится до нужного нам расстояния.

Они сказали ответ.

– Верно, – улыбнулся парень. – Для первого раза времени вам потребовалось чуть больше, зато вы получили опыт нестандартного мышления. Дальше пойдет лучше. Приготовьтесь решать следующую боевую задачу:

Катер вы уничтожили и удачно ушли. Противник организовал за вами погоню. Вам известно, что уходить от противника вам придется не меньше суток. Погоня отстает от вас всего на семь минут. Если вы будете двигаться с постоянной скоростью, вы сможете добраться до своих. По дороге вы можете задержаться, максимум, на три минуты, чтобы разрыв составлял не менее четырех минут.

Двигаться сутки без еды трудно. У каждого из вас есть пакет. В нем находится специальное средство, которое помогает выдерживать нужную скорость. Употреблять его можно только в том случае, если разогреть его на специальной сковородке. Каждую сторону по одной минуте. Это средство внешне напоминает обыкновенную котлету. Сковородка у вас одна и на нее помещается только две таких котлеты.

Итак, вопрос: можно ли за три минуты пожарить три котлеты. Вам нужно решить: уходить всем, уходить вдвоем или сдать. Тот, кто это средство не съест, убежать не сможет. На решение задачи пять минут.

Парень сел за стол и стал что-то чертить в альбоме. Мальчишки задумались.

– Давайте начнем с того, – сказал Шипкин, – что сначала определим, есть ли у этой задачи решение вообще.

Они нарисовали сковороду и котлеты.

– Если на сковородку сначала положить две котлеты и поджарить, то на это уйдет две минуты. Если затем положить третью котлету, то на ее приготовление уйдет еще две минуты. Итого четыре. А у нас есть только три.

– Эта задача не решается, – сказал Колька, – кого-то придется оставлять. Это очень похоже на первую задачу. Давай говорить ответ.

– Я думаю, что не все так просто, – задумчиво проговорил Шипкин. – Вряд ли бы учитель стал повторяться. У нас еще есть время. Давайте подумаем.

Мальчишки крутили котлеты и так и эдак, но другого решения не находилось.

Когда время вышло, Мишка встал и сказал ответ.

– Все согласны? – спросил учитель.

– Я не согласен, – ответил Шипкин, – но мне надо больше времени.

– Ну что ж, даю тебе еще две минуты, – сказал учитель.

– Да брось ты, Серега, – сказал Колька, – нет у этой задачи другого решения.

Шипкин кивнул головой и задумался. Он представил себе, что кого-то из них придется бросить. Он мысленно видел, как его товарища окружают враги, и он бьется с ними до последнего патрона. Он видел, как, обливаясь кровью, мужественно погибает его товарищ. В этот момент он понял, что никого не хочет оставлять.

– Если не решу задачу, останусь сам, – решил Шипкин.

Мысленно он смирился с принятым решением и расслабился. И вдруг решение пришло само по себе. Он даже подпрыгнул.

– Как все просто оказывается!

Учитель смотрел на него с любопытством.

– Смотрите, – радостно сказал Шипкин, – сначала мы кладем на сковородку две котлеты и жарим их минуту. Потом одну переворачиваем, а другую убираем – еще минута. Потом ту, которая поджарилась, убираем и кладем первую. Всего три минуты. Мы все сможем уйти. Класс! – восхищенно сказал он. – Еще задачу хочу.

– Теперь я дам задачу только для твоих друзей, – сказал учитель.

Он продиктовал ребятам две задачи, персонально для каждого. Когда мальчишки их решили, они были в восторге.

С этого времени курсы разведчика стали для ребят любимым занятием. Они занимались три раза в неделю. У учителя всегда находилось для них что-нибудь интересное. Он как-то сказал, что математическая формула – это как ключ к вражескому тексту. С ее помощью можно решить множество задач.

Иногда он давал задания только разведчикам. Иногда задачи решали все.

Сами занятия были не совсем обычными. Время от времени, они были похожи на урок математики, а порой все присутствовавшие читали стихи или слушали музыку. Необходимо было почувствовать красоту поэтического произведения или совершенство музыкального пассажа.

– Помните, – говорил учитель, – когда вы решаете задачу, то само решение должно быть красивым. Оно должно быть изящным, как горящий огонь, и легким, как пушинка одуванчика.

Учитель умел остроумно пошутить. Нередко на занятиях он превращался в балагура и шутника, и тогда мальчишки просто умирали со смеху.

– Ваши решения должны быть остроумными и неожиданными. Если к этому прибавить красоту и изящество, то это будут лучшие решения.

Каких только заданий они не выполняли: они рассчитывали толщину досок для потолка в блиндаже, количество бревен для плота, на котором надо переправить десять солдат или танк; дальность полета снаряда при различном порохом заряде.

Больше всего Шипкину нравилось рассматривать различные ситуации боевых столкновений, в которых одна группа была в два или три раза меньше второй. Необходимо было научиться делать расчет и прогноз ситуации, используя любые возможности для победы.

Но самым интересным было задание «интуитивного схватывания», когда задачу нужно было решить сразу и правильно, то есть решение нужно было не просчитать, а почувствовать.

Через два месяца занятий в мальчишках начали открываться ранее неизвестные им таланты. Выяснилось, что Мишка с легкостью перемножает двух и трехзначные числа. Он выдавал правильный ответ, абсолютно над ним не задумываясь. Сережа с легкостью мог нарисовать любую фигуру в разрезе. У Коли открылась способность выводить одну формулу из другой. Он не думал над ними, а как будто играл, как играет человек с кубиком Рубика, за несколько секунд собирая его из любой комбинации. Он, наверное, не смог бы объяснить, как он это делает. Иногда он говорил:

– Вот так будет красиво, – и записывал длинную формулу.

Мальчишек больше не надо было загонять на занятия. Их не нужно было убеждать в необходимости учиться. На этот раз их решение было абсолютно добровольным.

У них возникла только одна проблема – ребята перестали ходить на школьные уроки математики. Узнав, когда будет контрольная или проверочная, они приходили в класс, решали ее минут за пять и убегали по своим делам.

Как-то в начале апреля на перемене к Клавке подошел Шипкин.

– Клава, сегодня после уроков собираемся у нас в классе.

Сережа выглядел очень встревожено и даже растерянно.

– Хорошо, – ответила Клавка.

Когда все собрались в классе, Шипкин вышел к доске и сказал:

– Сегодня я был у командира отряда. У нас возникла большая проблема. Дело в том, что в игре «Зарница» участвуют многие школы нашего города. Вчера проводилась жеребьевка и нашими противниками будет восьмая английская спецшкола.

– Ну и что с того? – беззаботно спросил Колька. – Что они лучше нас бегают или быстрее думают?

– Дело не в том, – ответил Шипкин. – Они собираются использовать самое главное преимущество перед нами. Все переговоры по радиации они будут вести на английском языке и между собой будут говорить только по-английски. Что толку от нашей разведки, если мы ничего не поймем из их разговоров. Ну, обнаружим мы их базу и дальше что? Разговоров мы не поймем, языка допросить не сможем, документы нам тоже не по зубам.

– По-моему, ты, Сережа, зря беспокоишься, – сказал Колька. – Языка мы в штаб доставим и документы туда же принесем, пускай там сами разбираются. Главное – их вообще найти.

– Все не так просто, – грустно ответил Шипкин, – сейчас старшеклассники срочно занялись английским. Более того, они ввели в группу разведчиков человека, который знает язык в совершенстве. Я думаю, они нас вообще в разведку не пустят.

Теперь все ребята пригорюнились.

– Мы столько готовились, – обреченно сказал Мишка, – и все зря.

– Так, – решительно сказала Клавка, – кажется, мы больно рано нюни распустили. Сколько у нас есть времени?

– Только апрель и май, – ответил Колька. – Шестидесять дней.

– А три летних месяца ты забыл? – спросила Клавка. – Кстати, что у нас с английским?

Мальчишки грустно опустили головы.

– Ясно, – констатировала Клавка. – Дайте мне немного времени. Я уверена, что выход обязательно найдется. Не горюйте: не все еще потеряно.

Ребята разошлись, а Клавка стала напряженно думать. Наконец она решительно встала и вышла из класса.

На следующее утро она подошла к Даше.

– Слушай, Дашка, – обратилась она к ней. – У нас возникла одна проблема, и я не знаю, как ее решить.

Клавка коротко изложила Даше суть вопроса.

– Помогите нам. Ты же на английском языке говоришь как на русском.

– Да, – задумчиво протянула Даша. – Английский-то я знаю, да только времени у вас немного. Чтобы при таких условиях ребят научить, эмоциональный контакт нужен. А у меня с ними его нет.

Даша стояла молча, сосредоточенно глядя куда-то вдаль. Вдруг она улыбнулась и хитро сказала:

– Мне хорошая мысль в голову пришла, кажется, я смогу вам помочь. Приходите завтра после уроков в наш класс.

На том они и расстались.

На следующий день ребята собрались в классе. Они сидели мрачные и задумчивые. Было видно, что надежды у них почти не осталось. Клавка сидела на задней парте, разглядывая причудливый рисунок на стене, и пыталась угадать, что придумала Даша.

Минут через пять в класс вошла Даша. За ней шла Света Меньшикова, которая училась в выпускном классе.

Света была самая красивая девочка в школе. Многие старшеклассники пытались с ней подружиться, да и не только они. Она была выше среднего роста, очень стройная и всегда элегантно одетая. Густые русые волосы свободно опускались на плечи. Абсолютно правильные черты лица, тонкий греческий нос придавали ей вид кинозвезды.

В больших карих глазах светился недюжинный ум. Иногда в них вспыхивала какая-то бесшабашная веселость, которую сменяли то девичья нежность, а то искренняя заинтересованность и понимание, свойственные скорее взрослым женщинам. При виде Светы мало кто оставался равнодушным.

Неизменное веселье у ее подружек вызывали попытки взрослых мальчишек познакомиться с ней. В девяносто девяти случаях из ста претенденты краснели, заикались и в конце концов начинали нести всякую околесицу. Не было случая, чтобы Света над кем-то посмеялась. Когда парень замолкал, она вежливо брала его под руку и отводила в сторону. Самым нежным и доброжелательным тоном она говорила ему о том, что признательна за его интерес, но, к сожалению, ее сердце занято другим. Какие-то особые интонации, которые звучали в ее голосе, неизменно приводили парня в чувство. Он извинялся и уходил, сам не понимая, почему у него такое чудесное настроение.

И вот сейчас эта королева красоты стояла перед ними собственной персоной. Сегодня она была особенно хороша: исключительно чистая белая блузка, короткая юбка, блестящие черные туфли на высоком каблуке, как будто только что купленные в магазине. Ее стройным ногам могла позавидовать любая фотомодель.

Клавка с удивлением увидела, как подтянулись ее разведчики. Мишка торопливо пригладил непослушные волосы. Колька спрятал под стол давно нечищенные ботинки. Шипкин подтянул запачканные чернилами рукава рубахи и густо покраснел.

Клавка почувствовала, как ее непроизвольно кольнуло чувство ревности. «Чего это они прихорашиваются? – подумала она. – И Светка вырядилась как на праздник». Клавка знала Свету лучше, чем ребята. Света была не только красавицей, но и отличницей. Клавке было известно, что Света несколько лет прожила с родителями за границей и поэтому в совершенстве владела английским.

Пока мальчишки ошеломленно разглядывали Свету, возникла пауза, которую поспешила заполнить Даша.

– Ребята, – сказала она, – мне Клава рассказала, какие трудности возникли у вас с английским языком. Я попросила Свету помочь вам, и она любезно согласилась. Теперь я вас оставлю. Удачи вам.

Когда Даша вышла, слово взяла Света:

– Ну что ж, – сказала она, – то, что предложила Даша – выгодно нам всем. Дело в том, что в этом году я собираюсь поступать в Московский университет на филологический факультет. А для этого моих знаний в разговорном английском маловато. Там необходимо в совершенстве знать грамматику. Вы, наверное, знаете, что лучший способ научиться самому – научить другого. Поэтому мы будем помогать друг другу. Чем быстрее будете учиться вы, тем быстрее буду расти я.

Мальчишки смотрели на Свету с обожанием. Колька пытался незаметно почистить под столом ботинки. Мишка совершенно глупо улыбался, пропуская слова мимо ушей. И только Шипкин пытался сосредоточиться на том, что говорила Света, при этом то и дело покашливая. «Вот идиоты!» – подумала Клавка.

– У нас с вами есть три месяца, – нежно проворковала Света. – Два из них учебных до конца года и еще один летний, пока я буду готовиться к экзаменам. У вас останется еще два месяца на самостоятельную подготовку. Заниматься будем два раза в неделю. Сегодня я дам вам некоторые основы и большое домашнее задание, которое вы очень постараетесь выполнить. За это время мы научимся разговорному английскому в основном на военную тему.

С этого дня начались их занятия.

Когда через два дня Клавка зашла в класс, она сначала подумала, что ошиблась кабинетом. В классе уже сидели мальчишки, но это были уже совсем не те мальчишки, которых она привыкла видеть.

Каждый из них нарядился, словно на парад. На Кольке был абсолютно новый пиджак и идеально наглаженные брюки. Мишка сидел в костюме и белой рубашке, его ботинки

были начищены до блеска. Клавка обратила внимание на то, что у него из кармана торчит какая-то дурацкая тряпка, судя по всему, изображающая платок. Даже Шипкин был при параде. Его старенький костюм был явно постиран и старательно отглажен. Волосы помыты и красиво уложены. На руках не было ни одного чернильного пятна.

Увидев Клавку, удивленно разглядывающую их, мальчишки явно смутились.

– Привет, Клава, – густо покраснев, сказал Шипкин.

– Чего это вы вырядились, как на парад? – потрясенно спросила Клавка, пропустив Сережино приветствие мимо ушей.

– Да мы ничего, – совсем смутившись, ответил Мишка.

– Я вчера на дне рождения был, – глядя куда-то в сторону, заявил Колька, – поэтому просто переодеться не успел.

– Ясно, – насмешливо сказала Клавка, – судя по вашему виду, вы вчера были на одном и том же дне рождения. Вы мне еще расскажите, что всю ночь водку пили да заочевали в гостях, поэтому сегодня оттуда прямо в школу приехали.

Мальчишки смущенно молчали.

Наконец в класс вошла Света. Она, как всегда, была на высоте.

– Здравствуйтесь, ребята, – сказала она, ласково улыбаясь. – Какие вы у меня сегодня нарядные, просто прелесть.

Клавка с удивлением обнаружила, что Светка – прирожденная актриса. Она вела себя так, будто и не догадывалась, что мальчишки влюблены в нее по уши. Она расхаживала по классу и самым нежным и вкрадчивым голосом объясняла правила. Если у кого-то получалось лучше всех, она обязательно подходила и гладила счастливого по голове. В особых случаях она подсаживалась к онемевшему от радости ученику и объясняла ему что-нибудь персонально. При этом чудесный запах ее французских духов сводил мальчишек с ума.

Через какое-то время Клавка заметила, что мальчишки устроили соревнование. Они самоотверженно боролись за то, к кому больше подойдет Света и к кому чаще она присядет. Мальчишки умудрялись выучивать наизусть огромные тексты. Запоминали с первого раза самые сложные правила. Когда Света попросила их заучить двадцать неправильных глаголов, каждый перевыполнил норму, минимум, в два раза.

Однажды Светка пригласила всю компанию к себе домой. Она встретила ребят, одетая по-домашнему, отчего выглядела еще более привлекательно. Квартира, в которой жила Светка, была трехкомнатной. Она отвела ребят в самую большую и усадила на диван.

– Сегодня мы будем смотреть американский фильм без перевода и дружно будем пытаться понять, о чем там идет речь, – объявила она.

Она села на диван между мальчишками и пультом включила видеомэгаффон. Такое близкое соседство со Светкой поначалу привело мальчишек в полную растерянность. Но, так как фильм был довольно интересный, вскоре они смогли сосредоточиться на сюжете.

С первого раза им удалось понять немного. Но Светка была упорной учительницей и стала практиковать это довольно часто.

Иногда, когда ей не позволяло время, она давала мальчишкам кассету с тем условием, чтобы они на следующем занятии могли ей рассказать, что они поняли во время просмотра. У Кольки дома был видеомэгаффон, и ребята крутили кассету раз по десять, помогая друг другу понять сложные диалоги. Когда словарного запаса не хватало, они брали словарь и отыскивали нужный термин.

Через какое-то время они с удивлением заметили, что довольно сносно понимают, о чем в фильме идет речь.

Через два месяца занятий Света предложила разыграть небольшую сценку в лицах. Она раздала мальчишкам роли и предложила подготовиться. Сценка была на военную тему. Она состояла из довольно сложных диалогов с использованием военных терминов.

Шипкину достался самый длинный текст, зато в награду в конце сценки он мог взять героиню за руки и признаться ей в любви. Чтобы усилить эффект, Светка раздобыла где-то военные костюмы, а после нескольких репетиций они выступили перед учениками пятых и шестых классов, изучавших английский язык. Мальчишки играли самозабвенно, наверное, поэтому успех был ошеломляющий. Им долго хлопали и кричали «браво».

К концу третьего месяца Светка придумала еще одно развлечение. Она написала каждому мальчишке длинное письмо на английском языке и попросила прислать ей ответ. Письма были составлены таким образом, что в них говорилось о том хорошем, что она смогла узнать о каждом. Письма были очень искренними и доброжелательными. Мальчишки никогда не показывали эти письма друг другу, но как-то само собой получилось, что они выучили их наизусть.

Когда пришло время расставаться. Света предложила ребятам все лето общаться между собой только на английском языке. Если будет возможность, посещать те места, где проводят экскурсии для иностранцев, и внимательно прислушиваться к тому, о чем будет идти речь.

Она пообещала, что осенью обязательно заедет в родной город и непременно сходит в кино с тем, кто лучше всех сможет пообщаться с ней по-английски.

– Вообще-то, мне очень нравится, когда мужчина читает мне стихи, – лукаво сказала она. – Особенно, если это стихи английского поэта Байрона, лучше в оригинале.

На прощанье она чмокнула каждого мальчишку в щеку, потрепала по голове и ушла.

С уходом Светы настроение мальчишек изменилось. Неделю они ходили как в воду опущенные. Они собирались около школы, пытались заняться каким-нибудь делом, но были рассеяны и задумчивы. Клавке стоило больших усилий привести ребят в чувство. В конце концов это ей все-таки удалось.

Лето в этом году было довольно теплым. Все разведчики остались в городе. Однажды, когда ребята собрались во дворе школы, Мишка предложил:

– Слушайте, у меня двоюродный брат занимается спортивным ориентированием. Он уже разряд кандидата в мастера спорта имеет. Я у него вчера спросил, не согласится ли он нас потренировать. Он сказал, что не против, ему это даже интересно.

– А что такое спортивное ориентирование? – спросил Колька.

– Ну, это такой вид спорта, где нужно быстро ориентироваться в незнакомой местности, пользуясь только картой и компасом. Например, приводят тебя в лес. Дают карту и компас. По всему лесу спрятаны контрольные пункты, которые обозначены на карте. Тебе их надо найти. Кто быстрее сделает, тот и победил.

– А что, – сказал Шипкин, – ориентироваться в незнакомой местности для разведчика – первое дело, веди нас к своему брату.

Мишкин брат оказался очень веселым и деятельным парнем. Он вздохнул рассказывал о своем увлечении. Ему понадобилось совсем немного времени, чтобы рассказать тонкости этого вида спорта, и ребята приступили к тренировкам.

Это было их первое лето, когда они были под завязку загружены интересными делами.

С утра они бегали по лесу, стараясь отыскать все контрольные точки. После обеда направлялись по музеям и выставочным залам, в поисках экскурсий с иностранными туристами. Так как в городе достопримечательностей было много, то сделать это было совсем несложно. Иногда им даже удавалось вступить в диалог с американцами или англичанами.

По вечерам они посещали секцию борьбы, которую где-то на окраине города отыскал Колька. В секции преподавал бывший спецназовец, мастер спорта по самбо. Колька путано объяснил ему, чему бы они хотели научиться, и, так как летом ребят на секции было мало, тренер с удовольствием согласился.

Он показал им несколько простых, но очень эффективных приемов, которые и предложил выучить. Сначала ребята выполняли их медленно, стараясь запомнить каждое

движение. Потом скорость постепенно начала возрастать. Тренер был опытным, поэтому он старался довести каждый прием до совершенства. Он объяснил ребятам, что лучше хорошо знать два-три приема, чем выучить десять, но не уметь ими пользоваться.

Наверное, ему было приятно вспомнить молодость, поэтому он по собственному желанию показал ребятам, как лучше всего снять часового или взять языка.

– Один на один справиться с часовым вам будет сложно, – говорил он, – тем более, что вам предстоит играть со взрослыми ребятами, поэтому лучше действовать группой.

Тренер выбрал рослого парня из тех, что занимались в секции, и поставил посередине зала, спиной к ребятам. Он показал, как правильно надо хватать человека за ноги, чтобы сбить на землю. Потом он продемонстрировал, что должны делать остальные, чтобы быстро скрутить противнику руки и подавить сопротивление. Он распределил роли, и ребята приступили к тренировкам.

Клавка была крупнее ребят, поэтому первая роль отводилась ей. Сначала у нее получалось не очень. Она слишком медленно подбиралась к противнику и слишком высоко хватала его за ноги. Однако чем больше она тренировалась, тем лучше у нее получалось. В конце концов Клавка превратилась в настоящую торпеду. Она с такой скоростью влетала в ноги к противнику, что ей нужно было только слегка придержать его за ноги, чтобы он грохнулся на борцовский ковер.

Разведчики от нее не отставали. Как только противник оказывался на полу, Колька и Мишка с обеих сторон запрыгивали ему на спину и отточенным движением выкручивали руки. Мишка ловко набрасывал на руки веревку и мгновенно ее затягивал тем хитрым узлом, которому обучил его тренер.

Задача Шипкина заключалась в том, чтобы быстро отвести назад голову соперника. Он обхватывал его рукой за шею и слегка придушивал. Пока обалдевший враг соображал, что к чему, Сережа ловко засовывал ему в рот кляп. Наконец наступил тот день, когда ребята выполняли все движения автоматически.

Лето подходило к концу. Ребята стали возвращаться в город и все больше появляться на секции.

Однажды в зал зашел крупный парень, лет шестнадцати. Он был в белой борцовской куртке. Пояс висел у него на плече. Парень пробежался по залу, потом зашел на ковер и стал разминаться.

Тренер подозвал к себе разведчиков и сказал:

– Видите этого красавца? У него первый взрослый разряд по самбо. Если сможете его одолеть, то справитесь с кем угодно.

Разведчики отошли в сторону, оценивая противника. Тренер сел на скамейку и сделал вид, что завязывает шнурки. Наконец, немного посоветовавшись, разведчики решили действовать.

Ничего не подозревающий парень разминался посреди зала, он то наклонялся в стороны, то прыгал на месте. Шипкин подошел к нему спереди и, встав немного справа, задал какой-то вопрос. Парень перестал прыгать и повернул голову в его сторону.

В этот момент Клавка молниеносным движением сзади сбила его с ног. Как только парень оказался на полу, Мишка и Колька выкрутили ему руки и связали веревкой. Шипкин резким движением обхватил его шею и засунул парню кляп в рот. В довершение ко всему Клавка схватила слетевший с парня пояс и быстрым движением обмотала стопы его ног. Пока Шипкин удерживал парня за шею, они втроем с Колькой и Мишкой согнули ноги парня в коленях и привязали пояс к веревке, удерживавшей руки. После этого они резко отскочили от парня, оставив его лежать на полу.

Все произошло так быстро, что никто ничего не успел сообразить. Через секунду парень пришел в себя и начал бешено вырываться, изгибаясь всем телом. Было видно, что он не на шутку разозлился.

Тренер встал со скамейки и подошел к парню. Он взял его за лацкан куртки и резко встряхнул. Глядя парню прямо в глаза, он произнес властным тоном:

– Успокойся и перестань дергаться! Они сделали это по моему приказу. В последнее время ты слишком много возомнил о себе, видимо, поэтому чересчур расслабился. Видишь, как бывает, когда становишься небрежным. Будь внимательным каждую секунду.

Он посмотрел на всех присутствующих и добавил:

– Так будет с каждым, кто позволит себе думать, что он все знает.

Тренер вытащил кляп, который парень безуспешно старался выплюнуть. Потом он развязал пояс, который удерживал парня в скрюченном состоянии и одним резким движением поставил парня на ноги. Он наклонился к самому уху парня и тоном, не терпящим возражений, произнес:

– Сейчас я развяжу тебе руки. Ты заправишься. Поклонишься этим ребятам и скажешь «спасибо» за урок. Тебе ясно?

Парень в ответ только кивнул головой.

Через минуту он уже стоял запроваженный и присмиривший. Парень сделал ребятам поклон и отчетливо произнес:

– Спасибо за урок.

Разведчики поклонились ему в ответ.

Парень немного постоял, потом тряхнул головой и, усмехнувшись, пробормотал:

– Ну, надо же, никогда бы не подумал, что трое сопливых пацанов могут скрутить меня в одну секунду. Спасибо еще раз!

Он весело расхохотался и снова поклонился ребятам. Разведчики расслабились и тоже заулыбались. Вслед за парнем расхохотался и весь зал, потом все разразились долгими и продолжительными аплодисментами. Когда все стихло, тренер искоса глянул на парня и нарочито сердито произнес:

– Ладно, иди занимайся, а то будешь тут до утра кланяться.

Разведчики уходили с тренировки в отличном настроении.

Наступила осень. Десятого сентября на общей линейке директор объявил ученикам, что в ближайшие выходные состоится военно-спортивная игра «Зарница». Он объяснил, что игра рассчитана на два дня. Ночевать они будут в палатках, и поэтому всем необходимо подготовиться к полевому выходу. Ребята были в восторге.

В субботу в шесть часов утра почти вся школа собралась на окраине города. Погода была отличная. До лагеря предстояло пройти десять километров. После переключки ученики выстроились в колонну по три и тронулись в путь.

К десяти часам утра все благополучно добрались до места назначения.

Лагерь располагался на довольно большой поляне в глубине леса. Разведчики с удивлением увидели, что здесь все уже готово к приему гостей. Ровными рядами стояли палатки. Аккуратно посыпанные дорожки тянулись во всех направлениях. Вдалеке дымилась полевая кухня. Туда и сюда по лагерю сновали солдаты в форме десантников. Они заканчивали последние приготовления.

В центре лагеря стояла большая прорезиненная палатка, около которой в землю была воткнута табличка с надписью «ШТАБ». При входе в лагерь стоял деревянный грибок, рядом с которым стоял десантник с автоматом на плече и штык-ножом на поясе. Четверо молодых офицеров курили в сторонке, с любопытством поглядывая на ребят. У каждого из них на рукаве была белая повязка с надписью «ПОСРЕДНИК».

Мальчишки удивленно озирались по сторонам.

– Вот это да! – наконец не выдержав, воскликнул Мишка. – Да здесь все по-настоящему.

– А ты думал, – ответил Колька, – мы ведь не в бирюльки играем.

В лагере все подчинялось строжайшей дисциплине. Ребятам показали места, где они будут ночевать и могут оставить вещи. Потом всех накормили завтраком. После длинного

перехода солдатская каша с мясом показалась особенно вкусной. Когда все наелись, директор объявил сбор, и вся школа выстроилась в две шеренги.

Через две минуты на территорию лагеря въехала черная «Волга», из которой выбрался моложавый стройный генерал. Один из офицеров, увидев начальство, кинулся в его сторону. Он подошел к генералу четким строевым шагом и доложил обстановку.

Генерал оглядел стройные ряды школьников, дал команду «вольно» и подошел к директору школы.

– Здорово, Михалыч, – улыбнувшись, сказал он.

– Здравствуй, Владимир Сергеевич, – ответил директор, – я и не ожидал, что у тебя будет так все отлично организовано.

– Иначе и быть не может, – усмехнулся генерал, – мы ведь десантники, а не стройбат. Ну, что, готовы твои орлы выполнить боевую задачу? Условия помнишь? Играют только они. Все остальные – зрители. За подсказку штрафные очки.

– Помню, – ответил директор, – я надеюсь, что противоположная сторона тоже будет соблюдать это правило.

– Можешь не сомневаться, – усмехнулся генерал. – Видишь посредников? Двое из них будут наблюдать за противоположной стороной.

Генерал повернулся к школьникам и красивым зычным голосом произнес:

– Ребята, в истории любого государства случаются тяжелые времена. Бывает так, что жестокий враг посягает на жизнь наших отцов и матерей, он замахивается на все самое святое, что у нас есть, на само право жить. В это время каждый, кто считает себя настоящим сыном своей Родины, встает на ее защиту.

Я очень надеюсь, что вам никогда не придется взять в руки оружие. Но, если такое случится, я хочу, чтобы среди вас не нашлось трусов, думающих только о своей жизни. Чтобы никто из вас не посрамил чести русского оружия. Чтобы каждый из вас оказался достойным памяти предков.

Он сделал паузу. Вокруг стояла мертвая тишина. Генерал еще раз оглядел ряды школьников. Было такое впечатление, что он старается заглянуть в глаза каждому.

– Сейчас это только игра, – продолжил он, – но именно в такой игре познается: кто есть кто. А поэтому слушай боевой приказ:

– Враг, численностью до тысячи человек, без объявления войны вторгся на нашу территорию. Он захватил несколько населенных пунктов. В захваченных районах арестованы и расстреляны десятки человек. Наша задача – окружить и уничтожить противника.

Успех операции будет зависеть от умелых действий вашего штаба, выдержки и мужества солдат, а также, от вашей веры в победу. Удачи Вам.

Генерал четко развернулся и зашагал к своей машине.

Вперед вышел один из старшеклассников. Это был командир поискового клуба, в котором состояли разведчики.

– Ребята, – обратился он к ученикам, – по решению штаба меня назначили вашим командиром. Нами составлен план по уничтожению противника. За каждым классом будет закреплен старший. Он выведет вас на ударные позиции. Я прошу вас слушаться старших во всем, от этого будет зависеть успех нашей операции. Сейчас вам выдадут оружие и боеприпасы. Удачи вам. Членам штаба и разведчикам собраться в центральной палатке, – добавил он.

Когда все разошлись по своим местам, разведчики направились в штаб.

В большой палатке все было подготовлено к работе. На столе лежали военные карты. В большой коробке находились командирские линейки, транспортеры и циркули. В углу стояла радиостанция, рядом с которой возился молоденький солдат.

– Кто у вас будет радистом? – обратился он к командиру.

– Я, – ответила одна из старшеклассниц и подошла к нему.

– Тогда давай я покажу тебе, как ею пользоваться. Мне приказано только показать и больше не вмешиваться.

Разведчики, не зная, что им делать, сели на скамейку возле окна. Один из старшеклассников, назначенный начальником штаба, взглянув на них, произнес:

– Идите к машине и получите оружие, потом возвращайтесь сюда.

Разведчики встали и пошли разыскивать машину с оружием. Долго им искать не пришлось. Около машины толпились последние ученики.

Когда подошла их очередь, всем выдали по деревянному автомату, очень похожему на настоящий автомат «Калашникова», по две резиновые гранаты и резиновому кинжалу. Каждому бойцу полагалась железная коробочка, которая крепилась к поясу. В ней находилось десять резиновых шариков, каждый величиной с шарик для настольного тенниса. Это и были боеприпасы. Дело в том, что эти шарики были устроены так, что если его бросить в человека, шарик лопался, и из него выливалась красная краска. По условиям игры, в зависимости от того, куда попадал шарик, человек считался убитым или раненым.

За тем, чтобы никто не жульничал, зорко следили посредники.

Ребятам также выдали красную повязку, на которой был написан номер школы и фамилия ученика. В случаях рукопашных схваток необходимо было сорвать повязку с соперника, тогда человек считался убитым. Их противникам были выданы синие повязки. Получалось так, что воюют красные и синие.

По плану всех убитых было решено собирать в одном месте. Детей сажали на настоящий десантный бронетранспортер и везли в воинскую часть. Там им показывали музей боевой славы десантников. Разрешали полазить по всяким тренажерам. Пострелять на стенде. Вечером был запланирован просмотр художественного фильма.

– Класс! – восхищенно сказал Мишка, разглядывая оружие, – оно как настоящее.

– Да, – поддержал его Колька, закидывая свой автомат за спину.

Через несколько минут они вернулись в штаб. Там работа шла полным ходом.

– Подойдите все сюда, – обратился к ребятам командир. – Видите, – он указал на карту, лежавшую на столе, – где-то в этом районе находятся наши противники. Мы находимся вот здесь, – он снова указал на карту. – Вот здесь и здесь мы поставили заслоны от внезапного прорыва противника. Я думаю, они догадаются передислоцировать свой штаб в другое место. Мы сделаем то же самое. Место мы подготовили заранее. Выдвигаемся туда через пять минут. Наши разведчики уже действуют, им поставлена задача – отыскать штаб противника, чтобы организовать внезапное нападение. Им также необходимо обнаружить все засады и заслоны, которые установил враг. По возможности, взять языка.

– Вы, – обратился командир к Шипкину, – пока находитесь в резерве – действовать будете по обстановке.

Минут через пять все вышли из палатки и направились вглубь леса. Километра через полтора они взойшли на небольшой холм, с которого хорошо просматривалась местность. На вершине холма среди кустов был вырыт довольно просторный блиндаж, в котором все смогли спокойно разместиться. Здесь же расположили и рацию. Радистка проверила связь со всеми подразделениями и доложила, что все готово. Начальник штаба выставил вокруг холма скрытое охранение и хорошо замаскированную засаду. Как только приготовления были закончены, все услышали выстрел. Вверх взлетела зеленая ракета. Игра началась.

Сначала все шло довольно ровно. Уже через полчаса от разведчиков было получено первое сообщение. Они обнаружили два заслона, которые были тут же нанесены на карту. Еще через час они сообщили о засаде, устроенной противником. Разведчикам ловко удалось ее обойти. Еще через полчаса они сообщили о том, что видят небольшую скалу, а в ней, судя по всему, пещеру. Разведчики предполагали, что именно здесь расположен вражеский штаб. Точно сказать они пока не могли.

От наблюдателей, высланных в разные точки леса, стали поступать сообщения о передвижениях противника. Через два часа штабу удалось определить, где находятся

главные силы противоположной стороны. На карте появилось изображение линии фронта. Основным ударным силам школы было направлено распоряжение о боевой готовности и возможном наступлении синих.

Еще через час события закрутились стремительно.

Наблюдатели сообщили о фланговом маневре противника. Еще через пятнадцать минут пришло сообщение об атаке, предпринятой синими. Судя по всему, это была разведка боем. Противник пытался определить, сколько человек прикрывает северное направление. В ходе боя три человека с противоположной стороны были убиты, двое ранены. У нас – один был убит и четверо ранены. Синие отступили на прежние позиции.

Работа в штабе стала сильно напоминать шахматную партию. На карту наносились все новые и новые данные. Определялись возможные планы противника и наши контрмеры. Штаб старался учесть все возможные варианты развития событий. В этой работе требовались выдержка и терпение. Тщательный анализ и точный расчет. Все определяла скорость мышления и быстрота принятия решений.

Еще через час пришло сообщение от разведчиков о том, что они обнаружены и пытаются оторваться от противника.

Минут через пятнадцать пришло сообщение от нашей контрразведки о том, что они окружили группу вражеских разведчиков: троих взяли, одному удалось уйти.

Минут через десять пришло печальное сообщение о том, что вся наша разведгруппа в полном составе захвачена противниками. Они попали в хорошо замаскированную засаду.

Штаб остался без разведданных и был фактически парализован.

Командир собрал совещание.

– Давайте вместе проанализируем ситуацию, – предложил он. – Мы знаем, где находятся главные силы противника. Знаем, где заслоны и засады. К сожалению, нам не удалось обнаружить их штаб. Наша разведгруппа уничтожена, из вражеской уцелел один разведчик. Сейчас они находятся в более выгодной ситуации. Пока мы не поймем разведчика, мы не узнаем, что ему известно. Возможно, противник попытается направить в наш тыл еще одну разведгруппу, но они уже не те профессионалы, которых мы поймали, я думаю, мы их легко обнаружим. У нас два варианта: либо мы, действуя вслепую, организуем атаку с тыла, либо посылаем еще одну группу разведчиков. Ваши предложения?

Члены штаба задумались.

– Я думаю, надо ударить, – предложил один из членов штаба. – Хотя в этом случае мы понесем большие потери, но фактор внезапности на нашей стороне. У нас есть шанс.

– Я думаю, что рисковать нельзя, – возразила ему одна из старшекласниц. – Если синие передвинут основные силы к югу, то мы ударим по пустому месту и сами попадем в окружение. Нам нужны свежие данные.

Все снова задумались.

– А вдруг они ударят первыми? – спросил кто-то.

– Это маловероятно, – ответила девочка. – У них есть надежда на оставшегося в живых разведчика. Пока он не появится, они будут маневрировать.

Неожиданно для всех командир встал.

– Я принял решение, – сказал он твердо. – У нас в запасе есть сутки и еще одна группа разведчиков. Да, они не такие опытные, как старшекласники, возможно, толку от них будет немного, но я считаю, что надо дать им шанс.

Он повернулся к Шипкину.

– Ну что, разведчик, пробил твой час, – серьезно сказал он. – Я скажу тебе честно, многого от вас не жду. Буду рад любой информации. Сделай, что сможешь. Если удастся обнаружить их штаб, шансы на победу увеличатся втрое.

– Дай мне свою карту, – попросил он.

Шипкин вынул карту и протянул командиру.

– Смотри, – сказал тот, – вот здесь и здесь – засады. Вот здесь – заслон. Здесь, предположительно, вражеский штаб. В этом районе сосредоточены главные силы противника. Командир наносил на карту все новые точки. – Наша разведка заходила отсюда. Вот здесь их обнаружили. А, предположительно, вот здесь – взяли. На подготовку к выходу вам – десять минут. Удачи.

Командир пожал каждому разведчику руку. Потом отвел Шипкина в сторону и протянул ему старенький мобильный телефон.

– Возьми на всякий случай, мало ли что с рацией, – сказал он. – Наш телефон в справочнике под названием «штаб». Вот теперь все.

Ребята вышли на улицу. Они сели в сторонке на травку, и Шипкин развернул карту.

– Наша основная задача, – сказал он, – найти штаб синих. Все остальные задачи будем выполнять по ходу действий. Смотрите, штаб, предположительно, вот здесь. Он указал точку на карте. – Надо решить, какой дорогой пойдём.

– А что тут решать? – спросил Колька, – дорога-то только одна. Слева – болото, справа – озеро.

– Вот это-то мне и не нравится, – задумчиво сказал Шипкин, – наши так и попались. А болото точно непроходимое?

– Судя по карте, да, – ответила Клавка, вглядываясь в обозначения.

Молчавший до этого Мишка взглянул на карту.

– Подождите-ка, – пробормотал он, – что-то мне этот район уж больно знакомый, нет ли там поблизости деревни Кряж?

– Есть, – ответил Шипкин. – Вот она.

– Тогда я знаю, как по болоту пройти, – радостно сказал Мишка. – Мы с отцом сюда за клюквой ездили. Видите, здесь на карте линия электропередач нарисована, так вот, на самом деле ее лет десять как нет. Там все столбы упали, а провода прямо на траве лежат. По ним на другой берег можно пройти. Об этой тропинке местные жители хорошо знают, они только чужакам не говорят. На той стороне крупная клюква растет. Мы с отцом это болото дважды переходили. Я смогу вас провести.

– Отлично, – сказал Шипкин, – если мы здесь пройдем, то выйдем в тыл синих. С этой стороны они нас точно не ждут. Они-то не знают, что по болоту можно пройти.

Ребята поднялись. Шипкин сложил карту и бросил ее в небольшой рюкзак.

– Мишка идет первым, Клавка замыкающая. Если все понятно, за мной – бегом марш, – скомандовал он.

Ребята бегом тронулись в путь. Сначала они двигались по лесу. Тропинка была утоптанной, поэтому бежать по ней было легко. Однако, чем ближе они подходили к болоту, тем труднее стало передвигаться. Все чаще попадались канавы, заполненные водой. Иногда дорогу преграждал большой кустарник. Наконец они увидели линию электропередач, которая уходила в глубь болота. Провода действительно лежали на земле. К месту перехода вела едва заметная тропинка.

– Хорошо, что лето в этом году неждливое, – сказал Мишка, – а то шли бы по колено в воде.

– Судя по тропинке, мы и так хорошо вымокнем, – заметила Клавка.

– Ничего, обсушимся на том берегу, – бодро ответил ей Шипкин.

Ребята вошли в болото. Идти было вполне сносно. Мишка предупредил всех, чтобы шагали точно по его следам. Болото раскинулось на полкилометра. Иногда на дороге попадались заводи, но Мишка, уверенно маневрируя, вел ребят вперед.

Наконец они добрались до противоположного берега и в изнеможении повалились на траву.

– Отдых десять минут, – негромко распорядился Шипкин. – Выжмите носки, а у кого есть возможность, и кроссовки.

Штаны у всех были мокрые до колен. Ребята разошлись по лесу и отжали свою одежду.

– Мы на вражеской территории, – объявил Шипкин, – поэтому двигаться будем короткими перебежками. Пойдем в этом направлении. Через полкилометра начнется район, где наши разведчики обнаружили главные силы противника. Мы их обойдем и направимся к скалам. Надо проверить – там штаб или нет. Коля, ты пойдешь первым, на расстоянии прямой видимости. Если почувствуешь опасность, подними руку, мы заляжем в кустах и будем действовать по обстановке. Если схватят, прикинься испуганным и помалкивай, а лучше – разыграй дурака. Нам надо пять минут, чтобы уйти. Внимательно смотри под ноги и по сторонам. Возможно, они придумали какие-нибудь ловушки.

Ребята молча тронулись в путь. Пройдя метров четыреста, Шипкин увидел, что Колька, шедший впереди, присел и поднял руку. Разведчики тут же залегли. Колька, посидев немного в таком положении, подал знак, чтобы они осторожно подошли. Когда ребята добрались до него, он кивнул на тропинку.

– Смотри, как хитро придумано, – прошептал он.

Шипкин присмотрелся. Тропинку по всей ширине перегораживала тонкая, едва заметная проволока. Она тянулась к кустам. Ребята осторожно прошли в том же направлении. Недалеко от тропинки к дереву было привязано небольшое устройство с антенной. К этому устройству и тянулся провод.

– Ясно, – сказал Шипкин, – стоило нам дернуть провод, и к ним бы ушел сигнал, что в их направлении кто-то движется. Давайте обойдем это место и дальше пойдем по лесу.

Разведчики углубились в лес. Метров через сто Колька снова поднял руку. Ребята остановились. Колька постоял немного, потом подал знак – двигаться ползком, и сам лег на землю.

Когда ребята подползли к Кольке, он указал в сторону кустов, тянувшихся вдоль тропинки, по которой они до этого шли.

– Возьми, командир, бинокль, глянь на этих деятелей, – усмехнувшись, сказал он.

Шипкин взял бинокль и посмотрел в указанном Колькой направлении. В кустах была ловко замаскирована засада. Там находилось человек десять старшеклассников. Кто-то сидел, опустив голову на руки, кто-то просто лежал.

– Кажется, они спят, – хихикнул Колька. – Давайте подберемся тихонько и снимем с них повязки. Они проснутся и обнаружат, что убиты.

– Нет, – решительно возразил Шипкин. – Если мы ошибемся, то нас переловят, а мы должны обнаружить их штаб. Сообщи командиру, пускай вышлет сюда группу, человек пять, а мы пойдем дальше.

Колька передал сообщение в штаб.

Ребята снова осторожно двинулись по лесу. Метров через двести Шипкин остановил группу. Когда все собрались, он сказал:

– Вон за тем леском большая поляна, на ней должны быть сосредоточены основные силы противника. Сейчас мы аккуратно подберемся и посмотрим.

Ребята скрытно стали подходить к поляне. Когда они подошли ближе, то увидели, что на поляне никого нет. По всей поляне были разбросаны фантики от конфет, какие-то бумажки, пустые пакеты, но людей не было.

– Они отвели свои главные силы, – сказал Шипкин. – Девочка в штабе была права. – Он вытащил карту и ткнул в какую-то точку на юге. – Скорее всего, они пошли вот сюда, – сказал он задумчиво, – надо проверить. Они наверняка недалеко.

– Одну засаду мы обошли, – сказал Мишка, – значит, с той стороны поляны должна быть еще одна. Или хотя бы наблюдатели.

– Верно, – отозвался Шипкин, – только мы туда не пойдем, будем двигаться вдоль поляны.

Ребята осторожно продолжили путь. Поляна закончилась.

– Смотри, – шепотом сказал Мишка.

Шипкин посмотрел в том направлении, куда указывал его товарищ. Вдоль поляны тянулись кусты, а рядом с ними стояли корявые толстые сосны. К четырем из них были

приставлены лестницы. К толстой ветке одной из сосен были привязаны железные ящики с боеприпасами.

– Так-так, – задумчиво протянул Шипкин, – кажется, я начинаю понимать.

Ребята удивленно посмотрели на него.

– Пойдемте дальше, сейчас и вы все поймете, – хитро сказал он.

Пройдя еще метров сто, разведчики отчетливо слышали детские голоса. Они опустили на землю и ползком стали двигаться в этом направлении. Голоса и смех становились все отчетливей.

Наконец они добрались до густых кустов и, выглянув из-за них, увидели большую поляну, на которой находились дети, человек сто. На поляне горели костры. Вокруг них кучками сидели школьники и пекли картошку. Человек двадцать носились по поляне. Были и те, кто просто валялся на траве. Вокруг костров ходили учителя.

– А вот и главные силы противника, – прошептал Шипкин, – только здесь не все. Я так понимаю, другая часть – на противоположной стороне поляны. Теперь их план ясен.

– Объясни-ка, – попросил Колька.

– Даже я поняла, – усмехнулась Клавка.

– Все просто, – стал объяснять Шипкин. – наших разведчиков обнаружили сразу, но захватывать не стали. Им дали посмотреть, где находятся главные силы. Потом показали штаб, скорее всего ложный. Дождались, пока они передадут информацию нашим, а потом загнали в засаду.

– Я все еще не понимаю, зачем? – спросил Колька.

– Давай рассуждать логично, – теперь уже предложила Клавка. – По условиям игры первый ход сделали синие. Они захватили плацдарм для обеспечения наступления основных сил. Вся их школа – это только передовой отряд. Им необходимо продержаться до 13.00 завтрашнего дня.

Наша школа – это тоже передовой отряд. Наша задача – выбить синих с плацдарма и не дать возможности основным силам попасть на подготовленные позиции. По условиям игры, наши условные основные силы прибывают после синих через два часа. То есть, после того, как мы уничтожим передовой отряд, нам придется еще два часа сдерживать наступление передовых сил противника.

Синие наступать на нас не собираются, это не входит в их задачу. Им надо удержать плацдарм. Наступать надо нам. Поэтому синие делают для нас отличную ловушку. Они показывают нашим разведчикам расположение своих сил, а после их поимки меняют позицию. Если мы до 13.00 не нанесем по ним удар, мы проиграли. А куда мы могли ударить, кроме той пустой поляны, которую ты видел.

Как только бы началось наше наступление, синие сосредоточили бы свои силы вокруг поляны. Они даже на деревья людей посадили. Теперь представь: прибегаем мы на поляну, а там нет никого. Мы высылаем передовой отряд. Он проходит через поляну и натывается на засаду. Мы всем скопом кидаемся им на помощь, и, как только оказываемся на середине поляны, начинается наш разгром. Мы-то на открытом месте находимся, а они за кустами да за деревьями. Они рассредоточены, а мы в куче.

Таким образом, они выполняют сразу две задачи: с одной стороны, уничтожают наш передовой отряд, а с другой – обеспечивают своим основным силам место для развертывания.

Все их маневры – это лишь действия по отвлечению нашего внимания.

Если завтра мы не ударим, то после 13.00 им разрешено провести свою операцию. Я уверена, что уж они-то подготовят ее хорошо. Даже если мы и победим – мы все равно проиграем, потому что их условные основные силы будут уже на месте.

– Ясно, – сказал Колька. – Ну и что же нам теперь делать?

– Во-первых, сообщить в штаб, во-вторых, искать штаб врага. У нас еще есть шанс победить.

Ребята отошли от поляны, спрятались в кустах и передали сообщение.

– Командир сказал, что мы большие молодцы, – сообщил Колька, когда передача была закончена. – Ну что, пошли?

– Пошли-то, пошли, да вот только куда?

– Как куда? – удивился Колька. – Штаб вражеский искать. Ты же сам говорил.

– Видишь ли, Коля, – Шипкин развернул карту, – предполагаемый штаб, который обнаружили разведчики, находится вот здесь. Если напрямую, то это рукой подать. Надо только поляну перейти, где сотня школьников, да речку переплыть. Потом два километра по лесу пробежать, и мы на месте. Если мы в обход пойдем, то три с половиной часа потратим, как минимум. Сколько нам понадобится времени, чтобы определить настоящий это штаб или нет, неизвестно. А еще надо настоящий штаб найти да на засаду не нарваться. Ко времени можем и не успеть.

Ребята задумались.

– А если внаглую попробовать? – предложила Клавка.

– Это как? – спросил Мишка.

– Там, на поляне, войска противника игру затеяли, – стала объяснять Клавка, – человек двадцать носится. Они от одного края поляны до другого бегают. Мы за кустами встанем, дождемся, пока они до нас добегут, а когда они к нам спиной повернутся, мы из-за деревьев и выскочим. Когда до другого края поляны добежим, они остановятся, а мы в лес заскочим. Ребята без верхней одежды бегают, поэтому, чтобы нас не опознали, мы куртки с повязками в рюкзаки спрячем. Автомат – или за спину или в руку.

– Рискованный план, но красивый, – отозвался Шипкин. – Давайте разденемся и подготовимся. Получится – хорошо, нет – другой вариант поищем. Если они нас во время бега засекут, не останавливайтесь, бегите дальше, вот сюда, к реке, – показал он на карте.

Ребята переоделись и спрятались в кустах. Школьники на поляне бегали на удивление беззаботно. К этому времени число играющих увеличилось. Разведчики какое-то время наблюдали за ними, рассредоточившись в кустах. Потом, по команде Шипкина, одновременно выскочили на поляну и понеслись за визжащей ватагой. Подбегая к противоположному краю поляны, они поравнялись с бегущими и, когда те развернулись, разведчики благополучно заскочили в лес. Они еще какое-то время продолжали бежать, но потом остановились и собрались в одном месте.

– Кажется, получилось, – восхищенно прошептал Мишка, – ты, Клава, молодец!

– Вроде бы они нас не заметили, – сказал Шипкин. – Пошли дальше. Колька ты впереди, смотри внимательно по сторонам, мы все-таки в тылу врага находимся.

До реки они добрались быстро, не встретив по дороге ни одного человека. Речка была не очень широкой, но довольно бурной. Метров за сто вниз по течению были видны пороги.

– Ну, и как мы переправляться будем? – спросил Колька.

– Что-нибудь придумаем, – ответил Мишка. – Разведчики до нас как-то переправлялись.

– Они здесь не были, – сказал Шипкин. – Они совсем другой дорогой шли. Их и взяли в другом месте. Поэтому нам самим придется соображать. Я предлагаю пройти по берегу, может, лодку найдем или бревно какое-нибудь.

Ребята стали осторожно пробираться за кустами, осматривая берег реки. Колька шел первый. Вдруг он остановился и показал рукой вниз. Шипкин подошел к нему и посмотрел в том направлении.

– Плот, – радостно воскликнул Сережа, – ну и везет же нам сегодня.

Рядом с плотом были воткнуты два шеста.

– Мишка, – распорядился Шипкин, – спустишься вниз и определишь, сможет ли плот выдержать четверых. Мы с Колькой найдем еще два шеста. Клава наблюдает за местностью.

– А как я определю? – удивленно спросил Мишка.

– Миша, – стала терпеливо объяснять Клавка, – вытащи из рюкзака линейку. Подойди к плоту и замерь расстояние от верхнего края доски до воды. Потом встань на плот и снова сделай замер. Увеличь все на четыре и высчитай по формуле. Задача для первоклассников. Да не забудь взять с запасом, потому что я тяжелее вас.

– Все верно, Клава, – похвалил Шипкин. – Пошли, Колька, за шестами.

Когда они вернулись, Мишка показал ему свои вычисления.

– Можно отправляться, плот выдержит, – доложил он.

– Нет, еще нельзя, – возразил Шипкин. – Во-первых, мы не знаем, что нас ждет на той стороне. А во-вторых, течение посередине очень бурное, нас может вынести на пороги.

– И что нам делать? – Удивился Мишка.

– Снова считать, – проявляя ангельское терпение, объяснила Клавка.

Мишка задумчиво чесал голову.

– Что-то я не очень понимаю.

– Миша, да это же просто, – воскликнул Колька, – отсчитай десять шагов по берегу. Возьми палку и брось на середину реки. По часам засеки время, за которое палка проплывет расстояние, которое ты отмерил. Потом дай палке доплыть до порогов, снова время засеки. Прикинь, на какое расстояние мы продвинемся, если вчетвером один раз оттолкнемся. Высчитай скорость нашего движения при спокойном состоянии реки, кстати, расстояние до противоположного берега метров двадцать. Потом введи поправку на ее движение. Старайся вычислить не точку, а отрезок, куда мы приблизительно попадем на том берегу, потому что допущений слишком много. Для надежности рассчитай, куда мы попадем, если будем толкаться только вдвоем. Если укладываемся, уж вчетвером-то мы точно там будем. Давай, командир, я ему помогу.

– Помоги, – ответил Шипкин, – а мы пока за противоположным берегом наблюдаем.

Он вытащил из рюкзака бинокль и стал внимательно всматриваться в противоположный берег. Клавка тоже смотрела, пытаясь определить, не ждет ли их там засада. На том берегу все выглядело спокойно.

Наконец Мишка и Колька закончили вычисления.

– Командир, – сказал Колька, – у нас получается следующее: если мы будем стартовать отсюда, то на противоположном берегу мы причалим вон там. Видишь, елка кривая стоит. Вот между этой елкой и тем здоровым камнем мы и окажемся даже при самом плохом раскладе. Так что можем отчаливать.

Шипкин внимательно проверил расчеты.

– Думаю, все верно, – подвел он итог. – Пошли.

Разведчики забрались на плот. Они положили рюкзаки на середину плота и встали по своим местам. Колька и Мишка, упершись с двух сторон шестами, с силой оттолкнули плот от берега.

– Не переживай, командир, – бодро сказал Колька, посмотрев на встревоженное лицо Шипкина, – мы даже учли тот факт, что течение самое быстрое посередине реки, а ближе к берегу вода спокойней.

Они изо всех сил толкали плот. На середине реки его все-таки начало закручивать.

– Давайте толкаться одновременно, – скомандовал Шипкин. – А ну, раз, раз, раз.

В конце концов, им все же удалось выровнять плот. До противоположного берега было уже совсем недалеко, хотя течение все еще было сильным. Шипкин глянул на берег и понял, что они плывут точно – согласно расчетам. Это его явно успокоило.

– Давайте, поднатужьтесь, совсем немного осталось, – бодро проговорил он. – Я и не в таких...

Он не успел договорить фразу. Плот резко дернуло, и он остановился. От сильного удара Мишка и Колька грохнулись на середину плота. Клавка удержалась на ногах только

потому, что в этот момент упиралась шестом в дно реки. Шипкину повезло меньше всех. Взмахнув ногами в воздухе, он полетел в воду.

Секундное замешательство нарушил Колька.

– Он же плавать не умеет, – закричал он.

Шипкин беспомощно барахтался в воде: то выныривая, то вновь погружаясь в воду. Шестом до него было уже не дотянуться.

Клавкина реакция была почти мгновенной.

– Сейчас я спрыгну, плот сойдет с камня, – быстро крикнула она. – Гоните его к берегу, а я помогу командиру.

Клавка, не раздумывая, бросилась в реку. «Хорошо, что свитер и куртка остались в рюкзаке», – мелькнуло у нее в голове. Вода была холодной. Вынырнув на поверхность, Клавка принялась бешено грести в сторону Шипкина.

Перед тем, как в очередной раз Шипкин погрузился в воду, Клавка успела схватить его за шиворот.

– Не дергайся, – прокричала она.

Напрягая все силы, Клавка стала грести к берегу. Работать приходилось только одной рукой, другой она намертво вцепилась в Шипкина. Краем глаза она увидела бледное перепуганное лицо Сережи. Он больше не сопротивлялся. Его голова то опускалась под воду, то вновь появлялась на поверхности. Клавка бросила взгляд в сторону порогов. Там, ударяясь о камни, вода закручивалась в бешеные буруны. «Не успеем!» – молнией сверкнула в голове страшная мысль. Клавка зарычала и еще сильнее стала работать свободной рукой.

Когда казалось, что уже спасения нет, она вдруг больно ударила ногой о камень. Клавка разогнула ноги и встала на дно. Подтащив к себе Шипкина, она схватила его подмышки и принялась вытягивать на берег.

Через минуту подбежали Мишка и Колька. Они помогли Клавке вытащить Сережу.

– Кажется, он не дышит, – испуганно сказал Колька, указывая на безжизненное тело Шипкина.

Клавка бросилась к Шипкину. Одним рывком она подняла его с земли и положила себе на согнутое колено. Потом она дважды нажала ему на спину. Тело Шипкина изогнулось, он закашлялся, и из него ручьем хлынула вода. Минут через пять он окончательно пришел в себя.

Шипкин лежал на траве тяжело дыша. Рядом обессилено лежала Клавка.

– Рация, – чуть слышно произнес Сережа.

– Вот гад, – устало проговорила Клавка. – Ты же чуть не утонул, а все про войну думаешь.

– Я разведчик, – простонал Шипкин. – Для меня самое главное – выполнить боевую задачу.

Клавка заметила, что Шипкин был абсолютно серьезен. Она хотела усмехнуться, но передумала. Она вдруг обратила внимание на то, что она совершенно мокрая и с нее ручьями течет вода.

– Вставай, Серега, – решительно сказала она. – Нам надо найти место, чтобы обсушиться.

Шипкин поднялся на ноги, и они все четвером побежали к тому месту, где стоял плот. Забрав вещи, разведчики углубились в лес. После недолгих скитаний Колька обнаружил хорошее место – небольшую канаву, вокруг которой густо росли огромные ели.

– Остановимся здесь, – решил Шипкин. – Ребята, соберите веток, только обязательно сухих, иначе дым за километр будет виден.

Когда Колька и Мишка ушли, Сережа и Клавка разошлись в разные стороны, разделись и отжали одежду. Клавка вытащила из рюкзака сухой свитер и надела прямо на

голое тело. Куртку она накинула на бедра, а рукава завязала на поясе – получилось что-то вроде юбки.

Когда она вернулась назад, Шипкин уже сидел точно в таком же виде у того места, где они предполагали развести костер. Она подошла и присела рядом.

– Спасибо тебе, Клава, что вытащила меня, – сказал Шипкин, – если бы не ты, мне бы пришел конец.

– Ладно, командир, – ответила Клава, – всякое в жизни бывает.

Она улыbnулась и ласково потрепала его по волосам. Никогда в жизни Клава не чувствовала себя такой счастливой. Ей хотелось петь и прыгать от радости. Она полной грудью вдохнула лесной воздух и произнесла:

– Хорошая штука жизнь!

Минут через десять вернулись ребята.

– Вокруг никого, – доложил Мишка.

Они развели костер и развесили вокруг него мокрую одежду.

– Есть хочется, – сказал Колька, – мы сегодня еще не обедали.

Разведчики достали из рюкзаков то, что прихватили с собой в дорогу.

– Сколько времени? – спросил Шипкин.

– Семь часов вечера, – отозвался Мишка.

– Так, – сказал Шипкин, – сегодня мы играем до восьми. С восьми до девяти – ужин.

В девять – художественный фильм, в десять двадцать – отбой. Пока мы высохнем, игра закончится. К восьми все вернутся в лагерь, противник сделает то же самое. Завтра начало игры в 8.00. Если мы пойдем к своим, то завтра нам сюда ко времени ни за что не добраться.

– Что же делать? – спросил Колька.

– А может, когда все уйдут, мы все и разведем, – предложил Мишка.

– Нет, – решительно тряхнул головой Шипкин. – Если бы это была война, мы бы так и сделали. Но тогда бы и враг не дремал. А сейчас это будет нечестно. Мы вот что сделаем, я позвоню командиру и договорюсь с ним о том, чтобы нам разрешили здесь переночевать. А ровно в восемь мы начнем операцию.

– Не знаю, дозвонимся ли мы, – усомнился Колька. Он указал на рацию, лежавшую возле костра. – Она ведь вместе с тобой искупалась, – добавил он.

Мишка взял рацию и пощелкал разными кнопками.

– Связи нет, командир, и, похоже, не будет, – доложил он.

Шипкин протянул руку к своему рюкзаку и вытащил оттуда сотовый телефон. Он набрал номер штаба и, когда командир ответил, доложил обстановку.

– Нам разрешено остаться, – сообщил он, – с условием, что мы выступим не раньше восьми.

– Ну, тогда давайте устраиваться, – сказала Клава.

Они все вчетвером сходили в лес и наломали лапника. Из него разведчики соорудили небольшой шалаш. Пол они тоже выстелили еловыми ветками. Набрав побольше сухих дров, они снова расположились вокруг костра. Мишка вытащил из рюкзака котелок, и они согрели себе воды.

В мешке у запасливой Клавы нашлись сахар и чай. Ребята напились чаю и сразу повеселели. Они, посмеиваясь, вспоминали события прошедшего дня.

– Ты так уморительно в воду грохнулся, – рассмеялся Колька, вспоминая Сережин полет.

– Ты чего на помощь не звал, – спросил Мишка.

– Вот еще, – усмехнувшись, ответил Сережа, – буду я на весь лес орать. Тогда сюда вся контрразведка сбежится.

Они еще долго смеялись, вспоминая, как Клава тащила Серегу за шиворот. Когда совсем стемнело, Шипкин поднялся и сказал:

– Все, ребята, пора спать, завтра подъем в семь.

– А как мы проснемся? – спросил Колька.

– В командирском телефоне будильник есть, я его уже завел, – устало зевнул Шипкин.

Ребята затушили костер и забрались в шалаш. Они тесно прижались друг к другу, накрылись куртками и мгновенно заснули.

В семь часов утра все уже были на ногах. Они разобрали шалаш и разбросали ветки по округе. Замаскировав место от костра, они наскоро умылись и стали дожидаться восьми часов.

Ровно в восемь они двинулись в сторону предполагаемого штаба. Разведчики шли очень осторожно, но по пути им так никто и не встретился. Наконец сделав круг, они вышли на вершину небольшой возвышенности, которая с одного края заканчивалась почти вертикальным обрывом.

Разведчики подползли к краю и осторожно заглянули вниз. Метрах в пятнадцати под ними тянулась скалистая гряда. Огромные валуны как будто специально кто-то сложил друг на друга. Перед ними была ровная площадка, на которой находилось несколько человек с синими повязками. По краям площадки росли довольно густые кусты, за ними начинался лес. На краю площадки стоял человек в военной форме с белой повязкой на рукаве.

– Смотри, Серега, это посредник, – прошептал Мишка, – это похоже на настоящий штаб.

– Похоже-то, похоже, – отозвался Шипкин, – но все уж больно театрально, как будто специально выставлено напоказ. У нас в штабе все как мышки сидят, на улицу нос не высовывают. А тут смотри, как они свободно гуляют. В любом случае нам надо проверить.

– И как же ты это сделать собираешься? – спросил Колька.

– Сейчас мы спустимся вон туда, – Шипкин показал на небольшую лощину, которая находилась левее и ниже метров на пять того места, где они лежали. – Оттуда их разговоры будет хорошо слышно. Снизу нас заметить невозможно, а сверху вон то дерево прикроет.

Разведчики осторожно спустились вниз. Здесь действительно было очень удобное место для наблюдения. Разговоры противника доносились снизу вполне отчетливо. Шипкин был прав: все говорили только на английском языке.

Разведчики прислушались, разговоры были ни о чем.

– Мне придется спуститься вниз и проверить, – сказал Шипкин.

– Почему тебе? – удивился Колька. – Давай я это сделаю.

– Ну, во-первых, я английский знаю лучше тебя, – ответил Шипкин, – а во-вторых, есть вещи, которые я никому не могу поручить. Старшей остается Клава, ее приказы все равно, что мои. Если меня схватят, дождитесь, пока все уляжется, и уходите. Если окажется, что это не настоящий штаб, постарайтесь найти настоящий.

Шипкин осторожно снял рюкзак. Он вытащил оттуда небольшой маскировочный халат, надел его на себя и стал медленно отползать от разведчиков. Через несколько минут ребята увидели, как он осторожно пробирается через кусты. Сверху его было хорошо видно.

Шипкин подполз к самому краю площадки перед пещерой и замер.

– Что он собирается делать? – шепотом спросил Мишка.

– Не знаю, – ответил Колька.

Шипкин лежал неподвижно, полностью сливаясь с листвой.

– Может он... – Мишка не успел договорить.

Клава резко дернула его за руку и указала рукой куда-то вниз. Мишка и Колька посмотрели в том направлении, куда указывала Клава.

Из леса вышли двое старшеклассников с синими повязками. На плече они несли длинную лестницу. Парни шли не по тропинке, а продирались прямо через кусты. Самое страшное было в том, что они шли прямо на Шипкина.

– Может, не заметят, – с надеждой прошептал Колька.

Ребята с ужасом смотрели вниз. Парни не видели спрятавшегося в кустах Шипкина, они просто несли лестницу. Тот, что шел первым, напевал какую-то песенку. Не дойдя до поляны метра три, парни остановились. Они переложили лестницу на другое плечо и двинулись дальше. Казалось, они вот-вот пройдут мимо, но перед самой поляной первый парень свернул резко влево. Он запнулся за лежащего на земле Шипкина и полетел на землю.

Сережа вскочил, собираясь дать стрекача, но его маскхалат зацепился за лестницу, и он, сделав шаг, повалился на парня. Сначала парни опешили, но, придя в себя, кинулись на Шипкина. Ребята были старше Сережи, поэтому они легко скрутили его. Один из парней свистнул в свисток, висевший у его на груди, и через минуту вокруг них собралась толпа, человек десять.

Ребята с удивлением разглядывали командира разведчиков. Из толпы вышел длинный щуплый парень. Он смотрел на Шипкина, ехидно улыбаясь.

– Так, так, так, – произнес он. – Знаете, кто к нам пожаловал? – обратился он к окружившим его ребятам. – Это, кажется, последний резерв красных – сопливая разведка.

– Сопливая-то сопливая, а вот как он сюда попал? – спросил кто-то из толпы. – Если бы наши через кусты с лестницей не поперлись, мы бы его ни за что не обнаружили. Смотри, как он одет. Даже настоящий маскхалат на нем есть.

– Ладно, разберемся, – ответил длинный. – На то я и начальник контрразведки.

– Дай-ка я с него повязку сорву, – сказал парень, который нес лестницу.

– Не трогай, – скомандовал длинный. – Если ты с него повязку сорвешь, он будет считаться убитым и может нам ничего не рассказывать, а так мы еще с ним побеседовать можем. Кончить мы его всегда успеем.

– Вот оно что, – понимающе, протянул парень, – ну тогда ладно, пусть поживет пока.

Минут через пять все разошлись. Начальник контрразведки усадил Сережу на стул на краю поляны. Он связал ему руки за спиной и привязал ноги к ножкам стула.

– Ну, что, касатик, давай поговорим, – усмехнувшись, произнес он. – По условиям игры, ты обязан мне сообщить, где находится твой штаб.

Когда мы поймали ваших старших разведчиков, они этого не знали. Ваш командир хитер, он не стал показывать этим олухам, куда он спрятал мозг вашей школы. Мы проверили через посредника – разведчики действительно были не в курсе. Возможно, и ты не знаешь, но мы это проверим.

Он хотел еще что-то сказать, но тут к нему подошел полноватый парень и произнес в полголоса по-английски:

– Наши прочесали весь лес – никого. Кстати, из штаба поступило срочное донесение – наш разведчик обнаружил их штаб. Через два часа мы нанесем по нему удар.

– Заткнись, – по-английски рявкнул длинный. – Ты ему еще расскажи, где находится настоящий штаб, да на карте покажи.

– Ты чего психуешь, Витя, – удивленно спросил толстяк. – Он же у тебя привязан. Вокруг никого нет, да и по-английски он, наверняка, не говорит. В его возрасте они, кроме слов «Меня зовут Вася», ничего не знают. Или ты его отпустить собираешься?

– Отпускать его никто не собирается, – немного успокоившись, ответил Виктор. – Думаю, ты прав, английского он не знает. Не так ли, – неожиданно спросил он, резко повернувшись к Шипкину.

Сережа, до этого внимательно прислушивавшийся к их разговору, едва не ляпнул «йес». В последнюю секунду он все-таки удержался, выдержав цепкий взгляд контрразведчика. Последний, видимо, ничего не обнаружив в глазах Шипкина, успокоился и снова повернулся к толстяку.

– У меня к тебе просьба, Федя, будь более внимательным, ты ведь мой заместитель, – мягко проговорил он.

– А чего ты его здесь допрашиваешь? – спросил Федя. – Отвел бы его в лес да там бы и потолковал.

– Я бы и рад, Федя, – вкрадчиво ответил Витя, – да посредник нам не даст этого сделать. Ты лучше вот что сделай: чем здесь болтаться, замани посредника в пещеру. Квасу ему предложи или чаю, хоть за водкой беги, но чтоб через минуту его здесь не было. Он нашей душевной беседе сильно мешает, – добавил он.

Минуты через две Феде удалось заманить посредника в пещеру. Шипкин остался один на один с начальником контрразведки.

– Ну, что, – продолжил Витя нарочито ласковым голосом, – если английского ты не знаешь, в чем я, впрочем, и не сомневался, тогда поговорим по-русски. Меня не интересует, где находится твой штаб, я это уже знаю, более того, мы его скоро возьмем. А интересует меня вот, что: во-первых, как ты сюда попал, во-вторых, сколько вас было и где прячутся остальные, и самое главное – что ты успел узнать и доложить своему командиру. Я хочу знать: не успеют ли они ударить первыми.

Шипкин молчал.

– Так, я вижу, разговаривать ты со мной не хочешь, – подвел итог Витя. – Только ты зря из себя героя строишь. Ты все равно заговоришь. У меня для таких, как ты, особые методы имеются. Когда я начну их применять, ты мне все расскажешь и очень будешь стараться, чтобы я поверил. Минута тебе на размышление.

Разведчики, лежавшие наверху, увидели, как Витя отошел от Шипкина, вытащил из кармана блокнот и стал что-то туда записывать.

Первый шок от поимки командира у разведчиков прошел, и сейчас они могли трезво оценить обстановку.

– Что будем делать? – спросил Колька, обращаясь к Клаве.

– Надо сообщить нашим и уходить, – ответил за Клаву Мишка.

– Никто никуда не уйдет, – прошипела Клавка. – Теперь я здесь командир. Слушай мою команду: во-первых, надо передать нашим, что это ложный штаб синих, во-вторых, предупредить их, что наш штаб обнаружен и скоро по нему нанесут удар, в-третьих, мы будем спасать командира.

– Клава, да я двумя руками «за», – возбужденно прошептал Мишка, – да только как мы это сделаем. Ты видела, сколько там народу, да еще этот посредник. Они нам и шагу ступить не дадут.

– Для этого тебе и голова дана, чтобы думать, – отрезала Клавка.

Она напряженно размышляла. Ситуация была непростая, и нужно было придумать что-то неожиданное.

Вдруг она усмехнулась и повернулась к Мишке.

– А ну дай сюда телефон, – потребовала она.

Схватив трубку, она набрала штаб и четко доложила обстановку.

– Командир, – попросила Клавка, – нам надо найти их штаб. Ты не мог бы организовать ложное наступление в тридцать втором квадрате. Нам это очень поможет. Пошумите там посильней, бросьте в сторону синих по одному шарик и отступайте. Спасибо, командир, – закончила разговор Клавка.

Тем временем ситуация на поляне развивалась своим чередом. Витя подошел к молчавшему Шипкину и произнес:

– Ну, ты надумал?

Сережа только отвернулся от него.

– Я так понял: говорить ты не желаешь, – задумчиво произнес Витя. – Ну что ж, давай поговорим иначе. Мои вопросы ты слышал. Посмотрим, насколько ты крепкий орешек.

Витя вплотную подошел к Шипкину. Он убрал с Сережиного лба волосы, положил ему на голову левую руку, правой оттянул средней палец и изо всех сил закатил Шипкину щелбан.

– Это тебе подсказка на первый вопрос, – ласково заявил он. – Это – подсказка на второй.

Он снова щелкнул Сереже по лбу. – А вот эта – на третий, – ударив еще раз, закончил он экзекуцию.

Лоб Шипкина покраснел, на глазах выступили слезы. Он с ненавистью посмотрел в глаза мучителю.

– Я все равно ничего не скажу, – твердо проговорил он.

– Вот ты, дурачок, и попался, – злобно усмехнулся Витя. – Если бы ты сказал «ничего не знаю», я бы тебя отпустил, а ты сказал «ничего не скажу». Значит, ты знаешь и молчишь. В таком случае мы продолжим.

– Ты не имеешь права, – заявил Шипкин.

– Тут ты прав, – ехидно ответил Витя, – только на войне как на войне. Ты знал, куда шел. И когда разведчиком стал, знал, что делал. Война – это тебе, брат, не игрушки. А лбом ты об лестницу ударился, когда падал. Это все видели. Так что не отвлекайся и давай продолжим.

Шипкин стиснул зубы и молчал.

– Я удавлю этого контрразведчика, – прошипела Клавка. – Я ему покажу, как нашего командира мучить.

Она попыталась встать, но мальчишки придавили ее с двух сторон.

– Клава, ты все испортишь, – прошептал Колька. – Возьми себя в руки. Это мужские игры. Шипкин – мужчина, он и не такое выдержит.

Клавка перестала вырываться, ее вдруг охватила холодная злоба.

– Ладно, – сказала она, – давайте подберемся поближе. Скоро наши атаку начнут, нам надо быть начеку.

Разведчики осторожно стали спускаться вниз.

Тем временем Витя опять принялся за Шипкина.

– Ну что, герой нашего времени, – насмешливо сказал он, – я смотрю, мои аргументы на тебя не действуют. Давай предложим тебе другие аргументы.

С этими словами он вытащил из мешка, стоявшего рядом со стулом, стеклянную банку. Разведчики заметили, что в банке что-то шевелится.

– Вот, мои хорошие, вот, мои красавицы, – с явной угрозой сказал Витя, обращаясь к банке, – давайте спросим у этого шпиона, где его сообщники. Вы у меня очень хорошо умеете спрашивать.

Шипкин взглянул на банку. Она была заполнена пчелами.

Витя открутил крышку, аккуратно достал оттуда одну пчелу и поднес к носу Шипкина.

– Ну что, будешь говорить?

Шипкин не стал отворачиваться, он с вызовом смотрел в глаза контрразведчика.

– Нет, – коротко отрезал он.

– Сейчас мы это проверим, – злобно сказал Витя, – начнем с верхних конечностей. А потом я тебе их вытряхну за шиворот.

Шипкин молчал.

Тогда Витя взял пчелу, прижал к руке Шипкина и слегка надавил.

Шипкин вздрогнул. Он еще сильнее стиснул зубы и отвернулся в сторону.

– Ну что ж, – усмехнулся Витя, – это только начало, то ли еще будет.

– Я ему голову отрежу, – снова прошипела Клавка.

Она попыталась подняться, но мальчишки снова удержали ее.

Тем временем Витя снова открыл банку, собираясь вытащить вторую пчелу. Вдруг из пещеры выскочил Федя.

– Витька, тревога, – крикнул он по-русски, – красные наступают в квадрате 32. Они могут ударить в стык наших соединений. У нас там всего небольшой заслон. Штаб приказал срочно перекинуть туда нашу засаду и всех, кто есть.

Витя отпустил пчелу и закрыл банку.

– Вот черт, не дадут с хорошим человеком поговорить. – Ладно, отдохни пока, – обратился он к Шипкину, – скоро продолжим. – Федя, возьми с собой Митяя, снимите нашу засаду и один заслон. Пулей в квадрат № 32. Забери отсюда всех, оставь только одного человека в пещере. Я думаю, это разведка боем. Основные силы у красных сосредоточены совсем в другом месте, но лишние потери нам ни к чему.

Когда все разбежались, Витя снова подошел к Шипкину.

– Ну что, продолжим, воин ты наш сопливый, – насмешливо сказал он и снова потянулся к банке.

– Стартуем на счет три, – прошептала Клавка, – действуем, как обычно. Счет идет на минуты. Синие быстро поймут, что наши устроили обходной маневр, и вернуться. Времени у нас минут пятнадцать.

Разведчики уже собирались кинуться в бой, но тут из пещеры вышел посредник.

– Куда это все рванули, – зевнув, спросил он.

– Да, красные разведку боем проводят, – беззаботно ответил Витька, – надо их отогнать.

– Ясно, – сказал посредник.

Он посмотрел на Шипкина и вдруг спросил подозрительно:

– А что это у мальчика лоб красный, ты его бил, что ли?

– Да что вы, товарищ капитан, – обиженно ответил Витька. – Я его и пальцем не тронул, это он об лестницу ударился. Вы же сами видели, как он упал.

– А-а, – протянул посредник. – Ну, тогда ладно.

Он отвернулся от Витьки и закурил сигарету.

– Надо действовать, – прошептала Клавка.

– А как же посредник? – удивился Колька.

– Он вмешиваться не будет, – ответила она. – По условиям игры, они только наблюдают, чтоб мы правил не нарушали. Начинаем по моей команде.

Как только Витька повернулся спиной к разведчикам, Клавка вылетела из кустов, как снаряд из пушки. Контрразведчик даже охнуть не успел, как оказался на земле. Колька и Мишка ловко завернули ему руки назад и связали веревкой. Клавка вскочила Витьке на спину и, придушив его рукой, сноровисто затолкала ему в рот кляп.

На шум борьбы обернулся посредник. Он стоял с широко открытым ртом, из которого успела вывалиться недокуренная сигарета.

– Ну, вы, блин даете! – выдавил он из себя.

– Не выдавайте нас, – попросила Клавка. – Этот гад нашего командира пытал.

– Я так и подумал, – презрительно сказал капитан. – Ладно, бегите, у вас приблизительно десять минут.

Ребята разрезали веревки и помогли Шипкину подняться.

– Идти сможешь? – спросила Клавка.

– Смогу, – ответил Сережа.

Они схватили контрразведчика с четырех сторон и потащили его в кусты.

Отойдя от поляны метров на пятнадцать, ребята положили Витю на землю. Мишка с Колькой подошли к Шипкину.

– Командир, – обратился к нему Мишка, – надо решать, какой дорогой пойдём. Минут через семь они за нами погоню организуют. Мы...

Мишка не успел договорить. Клавка, как раненый зверь, кинулась на Витьку. Она вскочила ему на грудь и закатила смачную затрещину.

Мальчишки дружно кинулись на Клавку и повалили ее на землю. Им с огромным трудом удалось оттащить ее от Вити.

– Пустите меня, – рычала Клавка. – Я убью его. Я вырву его поганое сердце.

Она бешено сопротивлялась. Витя был перепуган до крайней степени. Он побледнел, глаза вылезли из орбит.

– Клава, успокойся, – рявкнул Шипкин. – За нами погоня. Мы по твоей вине провалим боевое задание.

– Клавочка, дай нам уйти, – быстро проговорил Колька. – С этим гадом ты потом разберешься.

Слова о боевом задании привели Клавку в чувство. Она перестала сопротивляться и поднялась на ноги. С презрением глядя на контрразведчика, она злобно проговорила:

– Ладно, мы с тобой потом потолкуем!

Шипкин развернул карту. Мальчишки окружили командира.

– Наши – вот здесь, – сказал он, показывая точку на карте. – Синие, наверняка, решат, что мы рванем к своим по самой короткой дороге, и постараются нас перехватить, поэтому напрямую нам идти нельзя. Мы пойдем в противоположную сторону, сделаем то, что враг от нас не ожидает. Мы выйдем вот сюда, – он снова ткнул в карту. – Здесь они нас ни за что не найдут.

– А с этим что делать? – Мишка кивнул на Витю. – Не тащить же нам его всю дорогу.

– Зачем тащить? – хитро ответил Колька. – Сейчас он у меня сам очень быстро побежит.

Он подошел к Вите и присел рядом с ним.

– Слышь, Вить, – сказал он задушевно, – нам уходить надо. Ты можешь с нами пойти, а можешь с ней остаться. – Колька кивнул в сторону Клавки, которая нетерпеливо вышагивала туда сюда между елками, пытаясь успокоиться. – Ты, Витя, ее очень огорчил. Я тебе по секрету скажу, – перешел Колька на шепот, – у нее не все в порядке с головой. Так что ты решай побыстрей.

Витя бешено замотал головой, всем своим видом показывая, что хочет идти с мальчишками.

– Ну, вот и ладушки, – сказал Колька, помогая Вите подняться. – Трогаемся, командир.

Разведчики собрались и побежали по лесу. Первым бежал Мишка, за ним Шипкин, следом бежал Витя, а за ним Клавка и Коля. Витя бежал так быстро, что ребята за ним едва поспевали. Отбежав на полкилометра, ребята поднялись на невысокий холм и спрятались за кустами. Отсюда было хорошо видно перекрестие дорог.

– А вот и погоня, – шепотом сказал Мишка, разглядывая в бинокль местность. – Ты был прав, командир, они действительно побежали направо. Теперь они нас долго будут искать.

– Внимательно следи за дорогой, когда они вернуться, дашь знать. Тогда нам можно будет трогаться. А мы пока с Витей поговорим.

Шипкин повернулся к Вите.

– Клава, – попросил Шипкин, – ты отойди, пожалуйста, вон туда, под дерево, а то, я боюсь, ты нашего языка приберешь ненароком. А нам с ним еще потолковать нужно.

– Обязательно убью! – пообещала Клавка.

Она нехотя отошла и присела под дерево. Шипкин подошел к контрразведчику, который лежал на земле со связанными руками и кляпом во рту. Он присел рядом и сказал:

– Ну что, Витя, место, где расположен твой настоящий штаб, я приблизительно представляю. Хотя я не против, узнать поточнее. А самое главное – где там засады, заслоны, сигнальная проволока. Пытать я тебя не буду, я ведь не фашист какой-нибудь. По условиям игры, ты сам мне должен это рассказать, раз уж попался.

Витя опасно взглянул на Клавку, но, видимо, успокоенный словами Сережи, отвернулся в сторону, показывая тем самым, что не будет говорить.

– Ладно, – сказал Шипкин, – не хочешь, как хочешь. Доставим тебя в штаб, пусть там командование с тобой разговаривает.

Он отошел от Вити и сел под дерево, прислонившись к нему спиной. Через минуту к нему подсели Колька и Мишка.

– Ты, командир, откуда знаешь, где их штаб находится? – спросил Мишка.

– Так ведь они при мне по-английски говорили, – ответил Шипкин, насмешливо глядя на Витю. – Не так ли, – обратился он к нему по-английски.

Потом он выдал длинную фразу на чистом английском языке.

– Ты, Витя, наверное, думал, что у нас в разведку неучей набирают, – улыбнулся Сережа. – Вынужден тебя огорчить – ты ошибся.

Он снисходительно смотрел на изумленного контрразведчика.

– Слушай, командир, – обратился к нему Колька, – отойдем-ка в сторонку, поговорить надо.

Они отошли в сторону и сели на бугорок так, чтобы им был виден пленный.

– Я, Серега, вот что тебе сказать хотел, – начал Колька, – то, что мы взяли языка, – это хорошо. Только все это может быть бесполезно. Пока мы его в штаб доставим, пока они его допросят. Да мы еще и сами можем в засаду попасть. А нашему штабу данные сейчас нужны.

– Ну и что ты предлагаешь? – удивленно спросил Шипкин, – пытать его что ли? Говорить-то он не хочет.

– Никто твоего языка пытать не собирается, а вот характер проверить не мешает. Если бы он честно играл да рассказал бы нам все, тогда другое дело. А он ведь, гад, время тянет да на своих надеется. Ты, командир, вот что, погуляй по лесу немножко, обстановку проверь, а мы с ним потолкуем. Клянусь тебе, пальцем его не тронем. Если он нам ничего не расскажет, ну тогда в штаб его потащим.

Шипкин в задумчивости чесал затылок.

– Ладно, – наконец решил он. – Уж не знаю, что вы там задумали, но, если обещаете его не бить, я погуляю.

– Командир, я за него лично ручаюсь, – радостно сообщил Колька.

Шипкин встал и направился в лес, а ребята, пошептавшись, подошли к Вите и сели вокруг него с двух сторон.

– Ты, Витя, зря про штаб-то рассказать не захотел, – задушевно начал Колька. – Сам ведь знаешь, что это не по правилам. Только мы не для этого подошли. Командир пошел обстановку разведать, а нам приказал за тобой присмотреть. Я ведь вот чего опасаясь, минуты через две Клавка сообразит, что командир надолго ушел и за тебя примется. Нам вдвоем с ней не справиться. Смотри, какая она здоровая. Она только командира слушает. Так что, если она подойдет, ты ей сразу про штаб рассказывать начинай, может, тогда все и обойдется.

– Понимаешь, – включился в игру Мишка, – она в Серегу влюблена по уши. И никому его в обиду не дает. А ты его пчелами травить вздумал да по голове бил. Клавка от этого просто звереет. Если бы твою любимую кто-нибудь пытать стал, как бы ты потупил? То-то. Она, Витя, тебе этого не простит.

– Полгода назад, – доверительно сообщил Колька, – Серегу старшеклассники побили, так она одному так в челюсть заехала, что у парня двойной перелом и зубов передних как не бывало. Его три месяца через трубочку кормили.

– С Клавкой никто связываться не хочет, – продолжил Мишка, – у нее скоро брат из тюрьмы возвращается. Он за убийство 10 лет отсидел. Известный в городе душегуб. Ему человека за сестру убить, что комара прихлопнуть. Ты про штаб какой-то дурацкий думаешь, а тут не знаешь, как в живых остаться. Какая тебе разница, где про штаб рассказать, здесь или в нашем расположении.

– Вы чего там шепчетесь? – подозрительно спросила Клавка.

– Да мы, Клавочка, ничего, – притворяясь испуганным, ответил Колька. – Я тут Вите объяснял, что зря он так с нашим командиром поступил, а он говорит, что если бы мы не успели, он бы его полностью пчелам скормил.

– Что!!! – рявкнула Клавка и пулей метнулась к Вите.

Она даже не обратила внимания на то, что у Вити во рту был кляп, и говорить он просто не мог.

– А еще, Клавочка, он сказал, что штаба нам не видать как своих ушей, – пожаловался Колька.

– Ну, гад, – зарычала Клавка, – сейчас я тебе покажу. А ну, дайте мне его сюда.

Мишка вскочил и стал делать вид, что старается не подпускать Клаву к Вите.

Колька быстро нагнулся к Вите и зашептал:

– Ну, все, Витенька, началось. Сейчас она тебя на куски рвать будет. Говори быстрее.

На Вите от страха не было лица. Он бешено затряс головой. Но тут Клавка, вырвавшись из Мишиных рук, как разъяренная пантера, запрыгнула Вите на грудь. Она замахнулась своим здоровенным кулаком, и, если бы ребята не схватили ее за руку, Витина песенка была бы спета.

– Прекрати, Клава, – притворяясь серьезным, сказал Колька. – Пленных бить нельзя. Нас за это наказать могут. Мы вот Вите объясняли, что если он от нас убежит, то его пчелы сильно покусать могут. Руки-то у него связаны, а ведь бывают случаи, когда рой пчел прямо в штаны залетает. Ужас!

– Откуда здесь пчелы? – опешила Клавка.

– Так ведь я про диких говорю, – усмехнулся Колька, протянув Клаве ту самую банку с пчелами, которую он подобрал на площадке.

Клавка повертела банку в руках, а потом со злостью произнесла:

– Ну, палач, сейчас все они у тебя в штанах будут. А ну, говори, где штаб.

Витя тряс головой как ненормальный. От страха он совсем потерял голову.

– Ах, ты еще и говорить не хочешь, – прошипела Клавка. – Ну, держись!

Она стала откручивать крышку на банке.

– Ты бы, Клавочка, тряпочку у него изо рта вытащила, – задумчиво проговорил Колька, – а то он, может, сказать чего хочет?

– Ага, – добавил Мишка, – не то он ее проглотит, и мы потеряем ценного языка.

Только тут Клавка заметила, что у Вити во рту кляп. Она с силой выдернула его и хотела продолжить экзекуцию. Но Витя не дал ей этого сделать, он завизжал на весь лес, как недорезанный поросенок:

– Снимите с меня эту сумасшедшую, я все расскажу!

Мишка быстро прикрыл ему ладонью рот и сказал улыбнувшись:

– Ну, может, на весь лес рассказывать и не надо. Ты, Витя, шепотом, мы хорошо слышим.

Они аккуратно сняли с него Клавку, потом усадили Витю на землю. Мишка развязал ему руки. Колька вытащил карту и сунул Вите под нос. Клавка встала у контрразведчика за спиной.

– Давай, Витенька, показывай, – ласково предложил Мишка, – да про засады не забудь, да заслоны не упусти.

– А еще про проволочку сигнальную расскажи, – сладко напомнил Колька.

Витя все рассказал подробно и показал на карте.

– Ай да умница, ай да молодец, – похвалил его Колька. – Миша, сбегай-ка за командиром, нам выдвигаться пора, вон, кажется, наша погоня возвращается.

– Это они, – сказал Мишка, разглядывая окрестность в бинокль.

Через минуту к ним подошел Шипкин.

– Что он у вас так визжал? – спросил он подозрительно. – Вы что его били?

– Да ты что, командир, – обиделся Колька. – Мы его и пальцем не тронули. Скажи, Вить.

Витя отчаянно затряс головой.

– Они его не трогали, командир, – подтвердила Клавка, – и мне не дали. А жаль.

Разведчики передали донесение в штаб и стали собираться в дорогу. Через несколько минут они отправились в путь. Впереди бежал Колька. Остальные метров за сто сзади. Витя бежал резво. После пережитого ужаса, он, кажется, был даже рад, что все закончилось.

Двигались разведчики довольно долго. Вдруг Колька остановился и замер. Он поднял руку, а потом опустил на землю. Ребята последовали его примеру.

– Что там у вас? – обратился Миша к Витьке.

– Там у нас секретный заслон, скорее – это даже засада, – шепотом сообщил Витя.

– Он уже смирился со своей судьбой и охотно сотрудничал с разведчиками.

– Почему раньше не сказал? – спросил Шипкин.

– Так вы меня не спрашивали, – удивленно ответил Витя.

– И то верно, – сказал Сережа. – Сколько их там?

– Семь человек и учитель физкультуры. Вам их не обойти. Слева глубокая канава с водой, справа озеро, так что придется возвращаться.

– Ну, это мы еще посмотрим, – ответил Мишка.

К ним подбежал Колька.

– Впереди синие, – сообщил он.

– Уже знаем, – ответил Мишка. – Что делать будем, командир? Возвращаться уж больно не охота, тут до своих рукой подать. Я голодный как волк.

– Так, – решительно сказал Шипкин, – этого оставляем здесь, а сами – на разведку. Посмотрим, что можно сделать. Вещи тоже оставьте здесь, с собой возьмем только боеприпасы.

– Извини, касатик, – ласково сказал Колька, обращаясь к Вите, – но война есть война.

С этими словами он ловко затолкал ему в рот кляп. Вдвоем с Мишкой они привязали Витю к березе.

– Пошли, командир, – прошептал он. И группа двинулась вперед.

Когда они подобралась совсем близко к засаде, Шипкин осторожно выглянул из-за дерева.

За кустами возле тропинки сидели семеро старшеклассников в синих повязках. Рядом с ними сидел высокий крупный мужчина в спортивном костюме. Старшеклассники курили и о чем-то оживленно беседовали. В небольшом углублении горел костер. Ребята подбрасывали туда еловые ветки, отчего дым стоял столбом.

– Ну и засада, – усмехнулся Колька, – да их за версту видать, да еще и хохочут, как ненормальные.

Разведчики внимательно осмотрели место засады. Вдруг учитель физкультуры поднялся и, обращаясь к старшеклассникам, сказал:

– Вы, ребята, потише бы разговаривали. Мы ведь в засаде все-таки. А ты, Кирилл, уже час здесь сидишь, а должен находиться в дозоре. Смотрите, накроют вас красные.

– Ну, что вы, Владимир Сергеевич, – беззаботно ответил мальчик, которого, по-видимому, звали Кириллом, – у нас все схвачено. Там на тропинке проволока натянута, эти олухи ни за что ее не заметят. Да и чего они здесь пойдут. Основные силы-то в стороне.

– А если они к вам с другой стороны подберутся?

– Да как они там пройдут, там ведь везде наши, – усмехнулся Кирилл.

– Ну что ж, дело ваше, – устало ответил учитель.

Он неторопливо подошел к вещам, сваленным в беспорядке в одну кучу.

– Вы бы хоть боеприпасы поближе поднесли, – безнадежно предложил он.

– Щас, докурим и сделаем, – отозвался кто-то из мальчишек.

Разведчики внимательно прислушивались разговору.

– Эти воины «царя небесного» уж больно благодушно настроены, и боеприпасы не при них, – прошептал Колька. – Командир, кажется, на них можно внезапно напасть. Мы свою задачу выполнили, теперь можно и рискнуть.

– Я тоже так думаю, – отозвался Шипкин. – Сделаем вот что: мы с Клавой встанем слева, а вы справа и чуть в стороне, поближе к их боеприпасам. Атаку начну я. А вы поддержите. Главное – не дайте им до боеприпасов добраться. Возьмите в правую руку по одному шарик, а в левую – два. Коробку держите открытой. Клава, пошли.

Шипкин и Клава осторожно переместились на выбранную позицию.

– Сейчас я выйду к ним, – прошептал Шипкин. – Когда брошу первый шарик – открывай огонь и ты. Да стой за кустами, чтобы они тебя ответным огнем не достали.

– Хорошо, – кивнула Клава.

Старшеклассники по-прежнему сидели вокруг костра. Учитель стоял в стороне. Трое из них были повернуты спиной к Шипкину, двое – лицом, а один – боком.

Сережа осторожно подобрался поближе и, разогнувшись в полный рост, не скрываясь, вышел к ребятам.

– Здорóво, пацаны, – громко сказал он.

Мальчишки от неожиданности даже подпрыгнули. Трое ребят, сидевших спиной к разведчикам, резко обернулись. Перед ними стоял Шипкин. Его красная повязка была выставлена словно напоказ. В руках были боевые шарики.

Наконец сообразив, что происходит, старшеклассники попытались вскочить. И тут Сережа открыл огонь. Двое были убиты сразу, в одного он промахнулся. Вылетевшая из кустов Клава открыла бешеную стрельбу. Она за секунду израсходовала все свои боеприпасы. От волнения из десяти шариков в цель попали только три. Двое старшеклассников были убиты, один ранен.

Трое ребят метнулись к своим боеприпасам, но там их накрыли ураганным огнем Колька и Мишка. Бой был закончен.

– Вы все убиты, – заявил Шипкин.

Старшеклассники медленно приходили в себя после разгрома. Один из них был перепачкан краской с ног до головы.

Вдруг один из них сделал шаг к Сереже и зло сказал:

– Может быть, мы и проиграли, но вам так сейчас наkostenяем!

Рядом с Шипкиным стояла только Клава. Видимо, старшеклассник в расчет ее не брал. Он сделал к Сереже еще один шаг.

Шипкин отступил назад и чуть в сторону. Получилось так, что старшеклассник оказался спиной к Клаве. Следующего шага сделать он не успел, Клава стрелой метнулась ему в ноги. Парень, не ожидавший нападения, растянулся на земле. Шипкин запрыгнул ему на спину, схватил рукой за шею и быстро затолкал ему в рот свою шерстяную шапку. Подбежавшие Мишка и Колька ловко выкрутили ему руки и связали их ремнем, который Колька, на ходу, выдернул из своих штанов.

Мишка сорвал с плененного парня синюю повязку, и все одновременно отскочили назад.

Старшеклассники замерли от изумления.

– Мы не хотим драться, – твердо сказал Шипкин, – но если вы не будете играть по правилам, мы не отступим, несмотря на то, что вас больше и вы старше нас.

Разведчики стояли, тесно прижавшись плечом друг к другу, в их глазах горела отчаянная решимость и железная воля идти до конца.

Один из парней сделал движение, видимо, желая помочь товарищу. Но тут пришел в себя учитель физкультуры.

– Стоять, – рявкнул он.

Преподаватель властным движением схватил парня за плечо и дернул назад. Парень запнулся и едва не упал.

– Всем сесть, – распорядился учитель.

Старшеклассники понуро опустили на бревна. Учитель физкультуры демонстративно переступил через связанного парня, валявшегося на земле, и подошел к разведчикам.

– Я так понимаю, вы разведчики наших противников, – доброжелательно улыбнувшись, сказал он. – Классно работаете, давно такого не видел. Вас здесь никто не тронет, можете спокойно отправляться к своим. Эти, – он кивнул в сторону старшеклассников, – будут здесь сидеть до тех пор, пока из наших кто-нибудь не прибежит. Рацию я сейчас отключу. Все должно быть по-честному. Да, покойнички? – насмешливо обратился он к старшеклассникам.

Те угрюмо молчали.

– Счастливого пути, – сказал учитель физкультуры.

Он пожал Шипкину руку, и разведчики побежали к тому месту, где были оставлены их вещи.

На сборы потребовалось две минуты. Они отвязали Витю и бегом направились к своим. С полкилометра они двигались бегом, потом перешли на шаг. Вокруг было тихо. Разведчики уже не прислушивались к посторонним звукам, они просто устало брели по лесу.

Вдруг впереди послышался топот множества ног. Ребята встрепенулись и мгновенно спрятались в кустах. Шипкин напряженно всматривался в густые заросли. Через несколько секунд из-за поворота появилась большая группа старшеклассников с красными повязками на рукавах.

– Наши, – облегченно сказал Сережа.

Разведчики вышли на тропинку. Увидев их, старшеклассники остановились. Вперед вышел здоровенный парень и внимательно осмотрел ребят.

– Да это же наша разведка, – радостно воскликнул он. – Ну, ребята, вы даете. В лагере только о вас и говорят. Наши уже выдвинулись на боевые позиции, основные силы синих окружены. Мы идем брать их штаб. После нашего сигнала начнется общее наступление. Слушайте, где-то здесь должна быть засада, вы на нее не наткнулись?

– Засады больше нет, – улыбнулась Клавка. – Мы ее уничтожили.

Старшеклассник открыл рот.

– Как это вы умудрились? Там ведь здоровенные пацаны!

– Всякое в этой жизни бывает, – усмехнулся Шипкин. – Да ведь, чем больше шкаф, тем громче он падает.

– Это точно, – захохотали старшеклассники.

– А где сейчас наш штаб? – спросил Шипкин.

– Они в основной лагерь переместились, ты же сообщил, что они раскрыты.

– Ясно, – ответил Шипкин.

– Ладно, нам пора, – сказал командир штурмового отряда.

– Удачи вам, – пожелал Сережа. – Задайте им там жару!

– Зададим, можешь не сомневаться!

Штурмовой отряд двинулся дальше, а разведчики медленно побрели к своим.

Наконец из-за деревьев показались белые палатки. Ребята зашли в лагерь и направились к штабу.

– Посидите здесь, – сказал Шипкин разведчикам, – я схожу доложу обстановку.

Он зашел в штабную палатку, а ребята присели на травку под сосной, росшей прямо в центре лагеря.

Командование встретило Шипкина радостными возгласами. Ему долго жали руку, хлопали по плечу, просили рассказать подробности. Он отдал командиру мобильный телефон и карту.

– Скоро все будет закончено, – сообщил ему начальник штаба.

– Мне бы бойцов своих покормить, – попросил Шипкин.

– Сейчас организуем, – засуетился кто-то из ребят. – Ты, Сережа, подожди пока, сейчас вам все принесут.

Шипкин вышел из штабной палатки и опустился на траву рядом с ребятами.

– Ну, что там? – поинтересовался Колька. – Когда обедать будем?

Минут через десять, – устало ответил Сережа. Он скинул с себя рюкзак и прислонился спиной к дереву.

Минут через пятнадцать в штабную палатку вошла девочка. Она отыскала глазами командира и негромко позвала:

– Максим, выйди-ка на улицу, глянь на эту чудесную картину.

Максим посмотрел на нее удивленно и вышел из палатки. За ним вышли все ребята.

На траве, опираясь спиной на ствол сосны, сидела Клавка. Она склонила голову на бок и крепко спала. Правой рукой она обнимала Шипкина, который спал, положив ей голову на плечо. С левой стороны, точно в такой же позе, сидел Мишка. На коленях у Клавки покоилась Колькина голова. Колька сладко посапывал, свернувшись калачиком. Он крепко прижимал к себе Витьку, который спал на траве со связанными за спиной руками. Во сне Колька вздрагивал и все крепче прижимал к себе контрразведчика.

– Я им поесть принесла, – сказала девочка, которая позвала Максима. – Смотрю, а они спят, да так крепко, прямо не знаю, что и делать. Уж очень их будить жалко.

– А ты и не буди, – улыбнулся Максим. – Пусть наши герои поспят.

Он повернулся и снова зашел в палатку.

Клавкина школа выиграла сражение. Противник был разбит наголову.

На общей линейке генерал торжественно поздравил детей с победой. Он сказал, что давно не видел такой красивой и осмысленной игры. Таких ярких и нестандартных решений.

Максиму вручили огромный кубок. Многие ребята получили грамоты и призы.

Не была забыта и проигравшая сторона. Командир штаба синих получил приз за самую хитроумную операцию по дезинформации противника. Особо был отмечен оставшийся не пойманным разведчик. За смекалку и мужество ему вручили фотоаппарат.

Один из самых ценных призов достался разведчикам под командованием Шипкина. Каждому из ребят подарили командирские часы.

Генерал, вручавший Шипкину подарок, сказал:

– Спасибо, сынок! Таким, как вы, всегда доставались самые трудные задачи. Именно такие, как вы, спасали нашу Родину. Я прошел две войны и трижды был ранен. Если бы мне пришлось сейчас выбирать, кого взять с собой в разведку, я бы выбрал именно вас. Спасибо вам!

Генерал крепко пожал Сережину руку. Шипкин сделал поворот кругом и громко сказал:

– Служу России!

Очень искренне прозвучали эти слова. Простые слова маленького солдата огромной страны.

На большой перемене, когда ученики вернулись из столовой, девчонки собрались на задней парте, где сидели Даша и Катя. Они оживленно обсуждали школьные дела. На соседнем ряду сидела Клава, рядом с ней расположились разведчики. Шипкин что-то чертил на листе ватмана. Колька и Мишка спорили между собой, тыча друг другу в нос какими-то формулами.

Даша с любопытством смотрела на эту четверку. Вдруг она встала и вышла на середину класса.

– Ребята, – громко сказала она.

Дождавшись, пока все успокоятся, она произнесла:

– В прошлом году я пообещала Клаве, что подарю ей сотовый телефон, если она поможет Шипкину не остаться на второй год. Клава не только выполнила свое обещание, но сделала намного больше. На сегодняшний день Сережа Шипкин – один из лучших учеников нашей школы, поэтому я с удовольствием вручаю ей этот подарок!

Даша подошла к Клаве и протянула ей телефон. В классе стояла абсолютная тишина. Клава сидела, откинувшись на спину стула, и с интересом рассматривала Дашу.

– Знаешь, Дашенька, – негромко сказала она, – я от всей души благодарна тебе за то, что ты когда-то попросила меня помочь Сереже. Я даже и представить себе не могла, чем все это закончится.

Она на секунду задумалась, а потом добавила:

– Мне не нужен твой телефон. Сегодня я имею намного больше. Неизмеримо больше. Вот их. – Клава обняла мальчишек, сидевших рядом с нею. – Да и не маленькая я, Дашенька, чтобы с этой игрушкой-то баловаться, я ведь теперь – **настоящий разведчик**.

Клад

(Сказка для самых маленьких)

Теплым летним вечером Даша шла по деревенской дорожке к своему дому. Она целый день провела у подружки на дальнем конце деревни и теперь шагала радостная, переполненная приятными ощущениями.

Солнце склонялось к горизонту. Воздух был наполнен ароматами цветущих садов. Во многих дворах топились бани, да на лавочках мирно сидели деревенские старушки. Их вид вызывал у Даши какое-то неизъяснимо-приятное чувство.

– Как здорово быть дома! – подумала Даша. – Это моя настоящая Родина!

Проходя мимо деревенских домов, она увидела соседку – бабу Зину. Та стояла посреди улицы, пытаясь выгнать из кустов свою корову. Даша зашла с другой стороны, ласково погладила Буренку по голове и поманила за собой. Корова послушно последовала за ней. Когда они выбрались на дорогу, баба Зина проговорила устало:

– Спасибо тебе, Дашенька, а не сможешь ли ты мне еще?

– А что делать нужно? – спросила Даша.

– С Митькой, внуком моим, посидеть. Дед мой в город уехал. А я обещала тетке Пелагее корову подоить. Пелагея приболела, лежит, не встает. Она на дальнем конце деревни живет. Мне к ней никак не уйти. Митька засыпать не хочет. С собой его брать поздно. Потом его вовсе не уложишь. А корова уже мычит, просит, чтоб подоили. Уж и не знаю, что мне делать?

– Иди себе спокойно, баба Зина, – ответила ей Даша. – Посижу я с твоим внуком.

– Вот спасибо, – обрадовалась та, – я мигом обернусь.

Баба Зина поселилась в деревне лет десять назад. Раньше она жила в городе и работала где-то в воинской части, наверное, поэтому характер ее был прямой и резкий. Она любила покричать и за крепким словом в карман не лезла.

Жила баба Зина в собственном доме вместе со своим мужем, человеком добрым и безотказным. В их семье она была главной. Деда это устраивало. И он ей всецело подчинялся.

Двое дочерей к ним приезжали редко. Они иногда отправляли своих детей к старикам на каникулы, чему те были несказанно рады.

Жили они небогато, на две небольшие стариковские пенсии. Дети им не помогали. Наверное, поэтому все разговоры у бабы Зины сводились к деньгам.

Сейчас у них гостил внук Митя, мальчик добрый, но очень подвижный и баловный.

Вот и сейчас, когда Даша зашла в дом, Митя носился вокруг печки, шлепая по полу босыми ногами.

А ну-ка в постель, проказник! – скомандовала Даша.

Митя пулей вскочил на кровать и спрятался под одеялом. С минуту он лежал тихо, потом высунул голову и повернулся на бок. Было видно, что спать ему совершенно не хочется.

Наконец он сел на подушку и попросил:

– Дашенька, расскажи сказку.

Даша задумалась, а потом спросила серьезно:

– А скажи, Митя, есть у тебя мечта?

Митя вздохнул и ответил:

– Есть, Дашенька. Знаешь, если бы мне денежек взять откуда-нибудь, моя мечта бы исполнилась.

– А зачем тебе денежки? – спросила Даша.

– А я бы тогда велосипед купил, а еще – ружье настоящее, чтобы волка не бояться да чтобы старшие ребята не обижали. Если бы денежек у меня было много, я бы очень-очень счастливым стал.

– Понятно, – сказала Даша. – Ну что ж, расскажу я тебе сказку. Ложись, закрывай глазки и слушай.

В некотором царстве в некотором государстве в стародавние времена небольшая деревенька стояла. Разный народ в этой деревеньке жил. Кто побогаче, кто победнее. На самом краю деревни домик расположился. В этом домике жили старик со старухой да внук их Егорушка.

Дети к старикам давно уже не приезжали. Выросли они да и разлетелись, кто куда. У дочери их младшей дела семейные не заладились. Вот и попросила она стариков за сыном Егорушкой присмотреть.

– Как устроюсь, – говорит, – сына к себе заберу.

Уехала она в город, да и след ее простыл. Одно время Егорушка скучал сильно, даже плакал, а потом привык.

Деду с бабкой сначала радостно было, что внук с ними живет, да только заботы житейские берут свое. Бедно они живут, едва концы с концами сводят, наверное, поэтому некогда им с Егорушкой возиться. Дед целыми днями работает: то сено косит, то дрова рубит, то плуг ремонтирует. Как выходные придут, он в баньке попарится, вина выпьет да песни поет. Бабка за коровой ухаживает, в доме прибирается, на деда кричит да о деньгах мечтает.

Бывает, соберутся они вечером за чаем. Вздохнет бабка печально да и скажет:

– Эх, кабы денег мне побольше, разве я бы так жила? Я бы и детям помогала и себя бы не забывала. Как сыр в масле каталась – вот настоящее счастье.

Жалко Егорушке стариков. Да только чем им помочь? Он бабушку слушает да думает себе: «И где бы этих денег взять? Будь мы побогаче – дедушке бы тогда столько работать не пришлось. Может быть, он со мной больше времени проводил бы».

Егорушка в деревне самый младший. Мальчишки в компанию его не берут. Он то дома сидит, то во двор погулять выйдет. Далеко от околицы отходить боится. Где-то там, в лесу, волк огромный живет. Егорушке про него каждый вечер бабушка рассказывает, особенно если он засыпать долго не хочет.

Как-то весной дедушка с бабушкой в город собрались. Егорушке строго-настрого наказали из дома не выходить да на чердак не залезать. Дом старый. Лестница, на чердак ведущая, совсем ветхая. Дедушка ее давно починить собирался, но так руки и не дошли.

Дед с бабкой уехали, а Егорушка один остался. Он какое-то время играл да в окошко смотрел, потом в сени вышел. Стоит, на лестницу, на чердак ведущую, смотрит. Ему страсть как хочется наверх подняться да посмотреть, что там спрятано. Только наказ дедушки с бабушкой сделать этого не дает.

Наконец он не выдержал, к лестнице подошел и стал наверх подниматься. Скрипит лестница. У Егорушки сердце екает, да только любопытство сильнее страха. Поднимается он по ней, а сам о деньгах думает.

Наконец до самого верха добрался. Чердак Егорушке очень большим показался. Пыльно здесь. На потолке паутина висит, по углам мыши скребут, через маленькое окно солнечный лучик едва пробивается.

На чердаке много вещей разных валяется: здесь и котелки старинные, и сеть рыболовная, и сапоги, давно изношенные. Стал Егорушка по чердаку ходить, вещи рассматривать. То на старую прялку наткнется, то на часы, давно идти переставшие. На чердаке даже гармонь нашлась. Меха от времени разохлись, клавиши пожелтели.

Долго Егорушка по чердаку бродил, пока до самого дальнего угла не дошел. Смотрит – а в углу большой сундук стоит, кованым железом оббитый. Сундук старый, видно, очень давно сделан был. Подошел к нему Егорушка и крышку поднять попробовал. Не поддается она. Только Егорушка упрямый. Он в пол посильнее ножками уперся да изо всех сил поднатужился. Заскрипела крышка и открываться начала. Откинул крышку Егорушка и внутрь заглянул.

Смотрит – внутри вещи старинные лежат: кафтан, узорами расшитый, шапка, соболиным мехом украшенная. Стал Егорушка вещи из сундука вынимать да рядом аккуратно складывать. Вот уже и последнюю вытащил. Видит – а на дне сундука лежит бумага, пополам сложенная. Достал ее Егорушка, развернул и начал разглядывать. На бумаге картинки какие-то. Лес нарисован, и речка, и тропинка, вдаль бегущая. Вдоль тропинки стрелка нарисована. Ее острое в черную точку упирается. А рядом с точкой слово на языке непонятном написано. Егорушка и так бумагу крутит и эдак, никак ему не понять, что на ней нарисовано. Наконец он поднялся, вещи обратно в сундук сложил, а бумагу с собой взял. Спустился Егорушка вниз и стал деда с бабкой дожидаться.

Вечером старики из города вернулись. Когда бабушка корову доить отправилась, Егорушка к деду подошел и просит:

– Дедуль, мне поговорить с тобой надо.

– Ну что ж, поговори, раз надо, – усмехнулся дед.

Егорушка бумагу достал и деду показывает.

– Объясни мне, дедушка, – просит он, – что здесь нарисовано?

Стал дед бумагу разглядывать, а потом и говорит:

– Это карта, Егорушка, на ней нарисовано место, где клад старинный зарыт.

– А что такое клад? – Егорушка спрашивает.

– Клад – это сокровища разные, деньги большие, – дедушка объясняет.

– Вот здорово! – говорит Егорушка, – так ведь это же то, что нам нужно. Пойдем, дедуля, найдем его. Тогда мы много вещей купить сможем разных. Сразу счастливыми станем.

Усмехнулся дед и отвечает:

– Не верю я во все это. Знаешь, когда я маленький был, я тоже эту карту нашел. Я так же, как и ты, к деду своему подошел. Он мне и объяснил, что выдумки все это. Нет там

никакого клада. Сам он не проверял, но говорят, что кто-то из наших дальних предков ходил искать этот клад. Долго его не было, а когда он вернулся, то и рассказал, что никакого клада там нет. Так-то.

Погладил дед Егорушку по голове и говорит:

– Беги поиграй, Егорушка, а мне еще поработать нужно.

Ушел дедушка, а Егорушка один остался. Смотрит он на карту, а про себя думает:

– А вдруг дедушка ошибается? Что если все-таки этот клад существует? Может, тот, кто ходил за ним, не там искал? А может, никто и не ходил вовсе.

Подумал, подумал Егорушка и решил: «Пойду клад искать, ничего не испугаюсь. Очень бабушке с дедушкой деньги нужны, чтобы счастливыми стать. Вот они обрадуются, когда я сокровища принесу».

Решил он так и стал дожидаться, пока старики снова в город уедут.

Две недели прошло. Стали старики опять в город собираться. Бабка Егорушку покормила и строго-настрого наказала далеко от дома не отходить. Уехали они, а Егорушка стал в дорогу собираться. Взял он мешок заплечный. Положил туда краюху хлеба да мяса кусок, что бабушка для него приготовила. Лопатку небольшую, чтобы клад выкопать.

Потом из укромного места коробочку вынул. В ней он деньги хранил, которые ему еще мама оставила. Сто рублей, может, и небольшие деньги, а все в дороге пригодиться могут. Их тоже в мешок бросил, а сверху карту положил, чтобы по ней в пути ориентироваться. Старикам он записку написал, чтобы не беспокоились, если они раньше него домой вернуться. Поясом шелковым подпоясался, а к нему сабельку деревянную прицепил, чтобы от волка страшного отбиваться. Поклонился дому родимому и в дальний путь пустился.

Долго ли коротко ли. Идет Егорушка по тропинке, песенку веселую напевает. Высоко в небе солнышко светит. Птицы щебечут. Пока он вдоль речки шел, хорошо было. А как тропинка в сторону свернула, уставать Егорушка начал. Жарко. По дороге ему ручеек встретился. Егорушка воды напился да и думает: «Дай передохну».

Присел он на землю под деревом, вдаль смотрит. Вдруг видит – люди какие-то по дороге идут. Присмотрелся Егорушка: мужик, богато одетый, за собой на веревке старую женщину тащит. У старухи руки впереди связаны, от усталости она едва ноги передвигает. Мужик за веревку дергает да на старуху покрикивает. Рубаха у него вся мокрая, то ли от усталости, то ли от злости.

Наконец они с Егорушкой поравнялись. Старуха ручеек увидела и просит мужика:

– Позволь, добрый человек, мне воды испить. Устала я очень, идти совсем не могу.

Мужик посмотрел на нее злобно и говорит:

– Да тебя за преступление твое в этом ручье утопить нужно, а не водой поить.

Потом подумал немного и говорит:

– Однако мне и самому отдохнуть не помешает, уж больно я с тобой намучился, а идти еще далеко.

Женщина без сил на землю опустилась, а мужик к ручью подошел и стал жадно воду пить.

Смотрит на них Егорушка, удивляется: «Что же за преступление совершила женщина?».

Мужик воды напился и возле Егорушки на землю сел. Сидит, пот со лба утирает. Женщина поодаль опустилась.

– Скажи, дяденька, – Егорушка у мужика спрашивает, – какое преступление совершила эта женщина, и куда ты ее ведешь?

Мужик на Егорушку посмотрел и отвечает:

– Эта старая воровка всю землянику съела, что возле моего дома растет. Убыток мне большой нанесла. Кабы я сам ягоды собрал да на рынок отвез, пятьдесят рублей заработал бы, не меньше. За это я ее к барину на суд веду. Пускай с нее штраф взыщут.

– Уж больно бедно одета женщина, – говорит Егорушка, – вряд ли у нее такие деньги найдутся.

– Тогда пускай в тюрьме посидит, будет знать другой раз, как чужое воровать, – злобно мужик отвечает.

Поднялся Егорушка, подошел к старой женщине и спрашивает:

– А скажи, бабушка, правду ли этот дядька говорит?

– Правду-то правду, – старуха печально отвечает. – Да только, видишь ли, не знала я, что земляника эта чужая. Давно уже я к людям не выходила. Мы с внучкой одни в лесу живем. А там все, что растет, все – твое: и грибы, и орехи, и земляника. Бог для всех людей всего создал вдоволь. Да, видать, времена изменились. А не принесешь ли ты мне попить, Егорушка?

Удивился Егорушка и отвечает:

– Конечно, принесу, бабушка. А откуда ты знаешь, как меня зовут?

– Я много чего знаю, – улынулась женщина.

Поднялся Егорушка. Добежал до ручья, зачерпнул полный ковшик воды и старухе протягивает.

Пока она пила, Егорушка все на руки ее смотрел. Старенькая она, худая совсем да и одета бедно. Представил себе Егорушка, как она в тюрьме будет мучиться, и жалко ему стало женщину. Подошел он к мужику и спрашивает:

– Скажи, дяденька, если я за эту женщину штраф заплачу, отпустишь ли ты ее?

– Отпущу, конечно, – мужик отвечает, – да только откуда ты такие деньги возьмешь?

Егорушка мешок развязал, отсчитал пятьдесят рублей и мужику подает.

– Возьми, дяденька, деньги, отпусти бедную женщину.

Усмехнулся мужик. Пересчитал деньги и говорит:

– Повезло тебе, старая ведьма. Кабы ни этот пацан, сидеть бы тебе в тюрьме. Ну да ладно. Убирайся восвояси да другой раз не попадайся.

Развязал мужик веревку, положил деньги в карман и домой пошел.

Остались Егорушка с женщиной вдвоем.

– Не жалко ли тебе денег, Егорушка, – женщина спрашивает. – Ведь много их ты за меня отдал.

– Сначала жалко было, – честно признался Егорушка, – да только тебя мне еще жальче.

– Добрый ты мальчик, – говорит женщина. – А скажи мне, куда ты путь держишь.

Рассказал ей Егорушка о том, что клад идет искать.

– А зачем тебе деньги? – женщина спрашивает.

– Хочу я, бабушка, стариков своих счастливыми сделать: чтобы работали они поменьше да на меня времени побольше оставалось.

– Понятно, – говорит бабушка. Потом усмехнулась хитро и продолжает: – давненько этот клад никто искать не ходил, да видно время пришло. Цель у тебя Егорушка светлая, ты других счастливыми сделать стараешься, потому, может, клад и отыщется.

Помолчала старуха, а потом и говорит:

– Знаешь, Егорушка, за то, что помог ты мне, я тоже помочь тебе хочу.

Бабушка в кармане порылась и достала пузырек стеклянный.

– Возьми, Егорушка, – говорит она, – это зелье волшебное. На лесных травах оно настояно. С водою живой перемешано. Когда в другой раз отдыхать станешь да воды испить захочешь, вылей в ковшик это снадобье – не пожалеешь.

Поблагодарил Егорушка женщину, взял пузырек стеклянный да потянулся за мешком, чтоб его спрятать. Оглянулся, а бабушки-то и нет. Удивился Егорушка. «Видать, не простая была женщина», – подумал он про себя. Поднялся Егорушка, забросил мешок за плечи, поправил сабельку деревянную и дальше зашагал.

Вдали лес зеленый виднеется, где-то там клад заветный зарыт. Не терпится Егорушке найти богатства несметные. Он даже шагу прибавил. Идет он себе, о приятном

думает. Вдруг видит – навстречу к нему мужик идет, собаку на веревке тянет. Собака большая, лохматая, только худая совсем. Она лапами в землю упирается, головой мотает, никак за мужиком идти не хочет.

Поравнялся с ними Егорушка и говорит:

– Здравствуй, дяденька. Скажи, куда ты собачку тянешь, и почему она так упирается?

Остановился мужик. Отдышался, видно, сильно с собакой намучился и отвечает:

– Здорово и тебе, добрый молодец. Пса этого я до ближайшего болота веду. Утопить хочу мерзавца. Три года он у меня жил. На веревке сидел, дом охранял. А вчера с веревки сорвался и двух лучших моих курочек погубил. Эти курочки пятьдесят рублей стоят. Я до того на него злой, что так бы и прибил. Ничего, дай нам только до болота дойти.

– А что он худой у тебя такой? – Егорушка спрашивает. – Не кормил ты его, что ли?

– Кормил, – мужик отвечает, – да только ему все мало. Нам и самим есть нечего. Я ему раз в два дня хлеба с водой разведу, и будет с него.

– Да ведь собаке неплохо бы и мяса давать. Может, тогда бы он и не стал курочек-то убивать.

– Вот еще, – мужик отвечает. – Да ему лучше плетей всыпать да на цепи держать. Только поздно уже. Он мне за курочек все равно ответит. А вместо него я нового пса заведу.

Жалко Егорушке пса. Мужик уж сильно разозлился, действительно утопит его. В мешке у Егорушки последних пятьдесят рублей осталось. Подумал он, подумал да и говорит:

– Скажи, дяденька, если я за курочек заплачу, отдашь ли ты мне пса?

Удивился мужик и отвечает:

– Коль заплатишь – отдам. Забирай его, если тебе такой разбойник нужен.

Вынул Егорушка деньги из мешка и мужику подает. Мужик деньги пересчитал и веревку Егорушке протянул.

– Ну, прощай, добрый молодец, – говорит.

Развернулся и домой зашагал. А Егорушка с псом вдвоем остались.

Пес смиренно сидит, Егорушке в глаза доверчиво смотрит. Егорушка мешок развязал. Достал оттуда кусок мяса и псу бросил. Пес жадно на мясо накинулся, а Егорушка себе краюху хлеба отломил и думает: «Денежек у меня больше нет, да и из еды только хлеб остался». Вынул он из мешка кувшинчик, воды попить, да вспомнил про старухино зелье. Открыл пузырек стеклянный да содержимое в воду и вылил. Напился воды и спиной к дереву прислонился, передохнуть. Пес мясо доел и к Егорушке подошел. Рядом с ним улегся и голову ему на колени положил. Егорушка пса по голове гладит и говорит вслух:

– Что же нам теперь, дружок, делать? Есть нам больше нечего, а до места еще далеко.

Пес посмотрел на него и отвечает:

– Ничего, хозяин, проживем как-нибудь.

Егорушка от удивления аж подпрыгнул. Смотрит на пса, ушам своим не верит. А пес продолжает:

– Ты что поднялся, хозяин? Идти пора?

– Где ты по-человечески разговаривать научился? – спрашивает у пса Егорушка.

А пес ему и отвечает:

– Я не по-человечески, я по-собачьи говорю, это ты меня понимаешь. Хотя я и сам удивлен. Обычно, люди нашей речи не понимают.

Егорушка на землю опустил, а пес рядом лег и снова голову ему на колени положил.

– Погладь меня еще, Егорушка, – пес его просит. – Очень мне нравится, когда человек меня гладит. Давно уже такого не было.

Егорушка пса гладит, а про себя думает: «Не иначе, как старухино зелье такой чудесной силой обладает».

– А как зовут тебя? – Егорушка спрашивает.

– Да, как меня только хозяин не обзывал, вспоминать не хочется. Ты меня Дружок называй, мне так больше нравится.

– Хорошо, – говорит Егорушка.

Отдохнули они немножко и дальше направились. Егорушка веревку отвязал и побегать Дружка отпустил. Пес от радости по лугу стремглав пустился. Бегаёт, лает, по земле катаётся. Потом к Егорушке подбежал и говорит:

– Если б ты только знал, как я об этом мечтал. Я ведь три года на цепи просидел. Думал, что уж никогда не придется вот так побегать. Спасибо тебе, Егорушка.

Егорушка и сам рад. Он и про еду забыл, и про деньги, что за пса заплатил. Идет по дорожке, песни поет.

Наконец они до леса добрались. Идут вдвоем по лесной тропинке. В лесу прохладно. По краям тропинки вековые ели растут. Сквозь листву лучи солнечные пробиваются. Идет Егорушка и думает: «И чего это я так леса боялся? Вот зашел сюда и как дома себя чувствую. Век бы здесь жил».

Долго они по лесу шли. Вдруг пес залаял и в сторону от тропинки кинулся. Слышит Егорушка, пес вдалеке лает, к нему подойти приглашает. Удивился Егорушка, но пошел в ту сторону, откуда лай доносился. Пробрался он через кусты и видит – посреди леса полянка небольшая расположилась. На полянке яблони растут, в центре дуб вековой, на краю родничок из-под земли пробивается. Сел Егорушка на бревнышко возле родника и вокруг огляделся. Дружок к нему подбежал и рядом сел.

– Знаешь, Дружок, – говорит Егорушка. – Мне кажется, здесь когда-то люди жили.

– Правда твоя, – Дружок отвечает. – Вон там, за кустами, старинный фундамент сохранился.

Егорушка на яблони посмотрел и говорит:

– Если бы я в этом месте дом построил, то вон там, в низине, я бы малину посадил. А чуть подальше – вишню.

Поднялся Дружок и побежал в том направлении, куда Егорушка указывал.

– Иди сюда, хозяин, – зовет он.

Егорушка поднялся и к нему направился. Подошел и видит – на том месте, куда он указывал, действительно малина растет. А чуть дальше – вишни посажены. Удивился Егорушка и говорит:

– Как странно. Ведь я не был здесь никогда, а такое впечатление, как будто всю жизнь здесь прожил.

– Жизнь – хитрая штука, – Дружок ему отвечает, – в ней и не такое случается.

– Ладно, говорит Егорушка, – хорошо здесь, да нам идти пора.

Закинул он мешок за спину и стал на тропинку лесную выбирать.

Долго ли коротко ли. Наконец вышли они на то место, что на карте было обозначено. Действительно, полянка небольшая, на краю полянки дуб старинный растет. Рядом с дубом огромный камень лежит. Подошел Егорушка к камню, отсчитал влево три шага, вынул лопатку из мешка и копать принялся. Дружок рядом бегаёт. То около ямки присядет, то в лес убежит. Долго Егорушка старался. Вот уж из ямки только голова его торчит, а клад так и не находится. Наконец он совсем притомился и из ямки вылез. Сел он на краю и грустно задумался.

– Что опечалился, хозяин? – Дружок его спрашивает.

– Видишь, Дружок, какую яму я выкопал, – Егорушка отвечает. – Если бы здесь клад был, я бы давно его нашел. Видно, его кто-то до меня выкопал, а может, и вовсе его здесь не было. Прав был дедушка. Не смогу я теперь их счастливыми сделать. Егорушка опустил голову на руки и горько заплакал.

Дружок вокруг него бегают, скулият жалобно. Вдруг рядом с ямкой земля шевелиться начала. Через минуту из-под земли крот показался. Дружок настороженно на незваного гостя смотрит. Крот отряхнулся и спрашивает:

– Это кто здесь так горько плачет?

– Да это хозяин мой, – Дружок ему отвечает.

– А что за горе случилось?

– Пошли мы клад искать, хозяин хотел бабушку с дедушкой счастливыми сделать, да видно не судьба. Место нашли, а клада нет. Вот он и плачет, а я не знаю, как его горю помочь.

– Так ведь клад не здесь зарыт, – говорит крот.

– А где? – встрепенулся Егорушка.

– Ты, я вижу, наш язык понимаешь, – удивился крот.

– Понимаю, – говорит Егорушка. – А что это важно?

– Конечно, важно, – крот отвечает. – Этот клад мои родственники испокон веков хранили. А передать мы его могли только тому, кто язык зверей понимает. Видно, время пришло.

Крот на край ямки поднялся и говорит:

– Видишь, Егорушка, вон ту ель? Рядом с нею неприметный камень лежит. Ты от него три шага вправо отсчитай и копать начни. Там свой клад и найдешь.

Обрадовался Егорушка, поблагодарил крота и в то место, что он указал, кинулся. Не успел два раза копнуть, как лопата во что-то твердое ударилась. Егорушка землю разгреб и наверх шкатулку вытащил. Открыл он крышку, а в ней монеты золотые лежат. А на них – кольцо золотое с камнем дивным. Камень всеми огнями радуги переливается. Залюбовался Егорушка кольцом. Тут к нему крот подошел, и Дружок вместе с ним.

– Это что ж за камень такой? – Егорушка у крота спрашивает.

– Это алмаз, – крот ему отвечает. – Видишь, его обработали красиво и в золотую оправу вставили. Люди этот камень брильянтом называют и очень ценят. По стоимости он, наверное, такой же будет, как вся эта шкатулка с золотом. Ты теперь богач, Егорушка. Иди и сделай счастливыми своих бабушку с дедушкой.

Егорушка шкатулку в мешок положил и, уже было, назад идти собрался. А крот ему и говорит:

– Как же ты пойдешь? Поздно уже. Через полчаса совсем стемнеет, да и дождик скоро пойдет. Переночевали бы в лесу, а завтра с утра можно и в путь пускаться.

Посмотрел Егорушка вокруг: «И впрямь, темно уже».

– А где же мы тут переночуем? – спрашивает.

Тут Дружок подбежал и говорит:

– Пока ты, хозяин, с кладом возился, я по округе пробежал. Тут недалеко полянка есть. На ней стог сена стоит. В нем и переночевать можно и от дождя спрятаться.

Подумал, подумал Егорушка да и согласился. Уж лучше утром домой прийти, чем ночью с волком в лесу встретиться. Хоть и сабелька деревянная при нем, а все равно страшно.

Пошли они с Дружком на полянку. Там действительно стог сена стоит. Егорушка нору в стогу сделал. Сам залез и пса с собой пригласил. Легли они. Егорушка мешок под голову положил, глаза закрыл и заснул мгновенно. Уж очень он за день намаялся.

Ночью гроза разразилась. Дождь проливной хлынул. Только Егорушка спит, ничего не слышит. Дождь всю ночь шел. А наутро ветерок тучи разогнал, и опять солнышко показалось.

Проснулся Егорушка. Вспомнил, где находится. Из стога вылез, отряхнулся, смотрит – а Дружка рядом нет. Стал он звать его, пес не откликается. Опечалился Егорушка, да делать нечего. Закинул мешок за спину и домой направился.

Идет по тропинке, вдруг видит – к нему со всех ног Дружок бежит. Остановился пес возле Егорушки и говорит:

– Беда, хозяин. Ночью, пока ты спал, сильный дождь прошел. Река из берегов вышла. Тот мостик, по которому ты на этот берег перешел, смыло. Теперь нам на ту сторону никак не переправиться. Надо другую дорогу искать.

– Что ж мы делать теперь будем? – Егорушка спрашивает.

Дружок задумался, а потом отвечает:

– Если здесь стог сена есть, значит, недалеко, должно быть, люди живут. Давай дойдем до них и дорогу спросим.

– И то верно, – обрадовался Егорушка. – Как это я сам не догадался. А ты жильё найти сможешь?

– Смогу, конечно, – Дружок отвечает. – Я ведь собака все-таки.

Егорушка пса по голове погладил, и зашагали они по лесной тропинке в сторону от родного дома.

Дружок по лесу бегают, вольной жизни радуется. Он уже и позавтракать успел, и перемазаться, и за зайцем погоняться. Наконец Егорушка его довольный лай услышал и в ту сторону направился, откуда лай доносился.

Минут через пять он на полянку лесную вышел. Смотрит – а на полянке домик стоит. Домик деревянный, с красной крышей, на теремок похожий. Вокруг домика клумбы цветочные аккуратно посажены да деревья диковинные растут. В воздухе бабочки порхают, да пчелы жужжат. На скамейке перед домом девочка сидит, на Егорушку смотрит. Подошел к ней Егорушка и говорит:

– Здравствуй, девочка.

– Здравствуй, добрый молодец, – девочка ему отвечает. – Далеко ли путь держишь?

– Домой я иду, – говорит Егорушка. – Только ночью дождик прошел, речка разлилась и мостик смыла. По старой дороге мне никак не вернуться. Не подскажешь ли, как другой дорогой пройти?

– Подсказать немудрено, – отвечает девочка, – да только вот не знаю, сможешь ли ты до этой дороги добраться. К дороге тропинка ведет, а она через луг заливной проходит. Может быть, и его ночью затопило. Надо у бабушки спросить.

Девочка в дом зашла, а через минуту вышла оттуда вдвоем с женщиной. Смотрит Егорушка, а это та самая женщина, которую он на дороге встретил.

– Ну, здравствуй, – говорит женщина, – вот и снова нам довелось свидеться. Вижу, нашел ты свой клад. Сейчас мы узнаем, можно ли другой дорогой пройти.

Она два раза в ладоши хлопнула, и Егорушка увидел, как с неба спускается красивый сокол. Женщина руку вперед вытянула, и сокол на нее опустился.

– Ну, расскажи, красавец, что вокруг делается, – спрашивает женщина у сокола.

Тот к уху ее наклонился и что-то говорить стал. Женщина головой кивает да приговаривает:

– Ясно, соколик, поняла, касатик.

Потом она рукой взмахнула. Сокол взмыл в небо и исчез вдали.

Женщина на Егорушку посмотрела и говорит задумчиво:

– Ни сегодня, ни завтра не добраться до дома тебе, добрый молодец: вся округа водой залита. Может, это и к лучшему. Поживи у нас пока. Моя внучка, Машенька, комнату тебе покажет. Здесь немного побудешь, а там, глядишь, и вода уйдет.

Подумал Егорушка, подумал, да делать нечего.

Машенька его в дом отвела да комнату показала.

На другой день Егорушка проснулся, на улицу вышел. Во дворе Маша цветы поливает.

– Доброе утро, Егорушка, – говорит, Маша. – Водой ключевой умойся да плодов наших отведай. Дружок твой за теткой Матреной в лес убежал. Они теперь нескоро вернуться.

Егорушка умылся, поел. Ходит по двору, чем заняться – не знает. «Вот ведь, – думает, – и денег целый мешок, а мне скучно».

Маша заметила, что Егорушке не по себе, да и спрашивает:

– Что, Егорушка, не весел – буйну голову повесил.

– Скучно мне что-то, Машенька, – Егорушка отвечает.

– Скучают, Егорушка, только ленивые. Когда не знаешь, чем заняться, сделай хоть что-нибудь. Знаешь, пословица есть: «Аппетит во время еды приходит». Видишь, ведра у колодца стоят. Принеси водицы в дом. Бабуля у меня старенькая, тяжело ей воду таскать. Ты доброе дело сделаешь. Нам хорошо, и тебе занятие.

Егорушка ведра взял, воды наносил. Передохнул немножко и опять не знает, чем заняться. Огляделся вокруг. Смотрит – дерево сухое возле дома лежит, а рядом с ним пила да топор. Егорушка пилить дерево принялся, а как распилил, то топором колотить его начал. Пока не закончил, не успокоился.

– Молодец, Егорушка, – говорит Маша. – Кто скучать не хочет – тот всегда дело найдет.

За целый день Егорушке много дел нашлось: он и цветы поливал, и грядки копал, и дрова рубил. К вечеру до того устал, что не помнил, как до кровати добрался.

Проснулся утром, во двор вышел, а там опять Маша сидит, цветы поливает.

Машенька его увидела и говорит:

– Доброе утро, Егорушка, не утомился ли ты вчера?

– Утомился немножко, но отдохнул уже и сегодня опять чем-нибудь заняться готов.

– Вот и чудесно, – говорит Машенька, – только знаешь, Егорушка, пустой работой скуку не прогнать. Надо так сделать, чтобы занятие интересным было, чтобы работать с пользой и в удовольствие. Пойдем-ка со мной.

Вышли они на полянку. Маша в ладоши хлопнула. Смотрит Егорушка – а по лугу конь красивый скачет. Подбежал он к ним и встал как вкопанный. Маша коня погладила ласково и говорит:

– Вот и помощник мой.

Она упряжь конскую взяла, что на дереве висела, и стала Егорушке показывать, как коня запрягать нужно. Сначала сама сделала, а потом Егорушке предложила. У Егорушки только с третьего раза получилось. Когда он с конем возиться закончил, Маша опять в ладоши хлопнула. Из леса кобылка молодая выбежала. Маша и на нее упряжь надела.

– Садись, Егорушка, на коня, – говорит Маша, – на дальний сенокос поедем.

Удивился Егорушка и отвечает:

– Не умею я, Машенька, на коне ездить.

– Ну, это дело нехитрое, – усмехнулась она. Потом показала, как на коня залезать.

Егорушка стал пробовать. Никак у него не выходит. Конь смиренно стоит, понимает, что дело серьезное. Ползает Егорушка по коню как таракан по столешнице. Маша хохочет на него глядячи.

Наконец она говорит:

– У тебя Егорушка не получается потому, что ты заранее решил, что ездить не умеешь. Ты отдохни да мысленно представь, как все хорошо у тебя выйдет. Убеди себя в том, что ты лучший наездник.

Присел Егорушка под деревом и задумался. Передохнул немного. Потом встал, вспомнил, как ловко Маша на кобылку запрыгивала, да и сам так же сделал. Заметить не успел, как на коне оказался.

Тронулись они шагом. Егорушка крепко держится: упасть боится. А Маша говорит:

– Расслабься, Егорушка, лучше видом чудесным наслаждайся.

Чем дальше они едут, тем лучше у Егорушки получается. Он то шагом коня пустит, то рысцей бежать заставит.

Наконец они на сенокос приехали. Маша с кобылки спрыгнула и погулять ее отпустила. Егорушка то же сделал. Маша из травы косы достала и одну Егорушке подает.

– Давай, – говорит, – добрый молодец, травки для козочки моей накосим.

Егорушка косу в руках крутит, никак не поймет, что с ней делать надо. Машенька в прокос встала и стала Егору показывать, как косить нужно.

Стал Егорушка пробовать, только ничего у него не выходит. Он то в землю косу загонит, то мимо травы промахнется. Раз так махнул, что коса из рук вылетела. Замучился совсем.

Маша хохочет да приговаривает:

– Ты присядь, отдохни, Егорушка. Посмотри лучше, как я это делаю. Представь мысленно, как у тебя это получится, тогда и приступай.

Так Егорушка и сделал. К концу дня у него совсем неплохо получаться стало.

Вечером они в обратный путь пустились. Егорушка конем правит, видом лесным любит. Когда домой приехали, Маша его ужином накормила и спать уложила.

Долго ли коротко ли, неделя прошла, и месяц пролетел. Вот уж и второй месяц к концу подходит. Живет Егорушка у тетки Матрены, и каждый день для него интересней предыдущего. За это время чему он только не научился: и сено косить, и конем править, и гвоздь забить, и обед готовить – все для него не проблема. Маша ему цветы свои показала да рассказала, для чего каждый из них пригодиться может. А еще объяснила, какое значение каждый из них в природе имеет.

За лето Егорушка подрос и окреп.

Сидят они как-то с Машей на лугу, на бабочек, вокруг летающих, смотрят. Вдруг видит Егорушка – козочка к ним идет, козляток за собой ведет. Машенька козочку увидела, позвала к себе и гладит ласково. Козочка что-то Маше на ушко прошептала. Улыбнулась Маша и говорит:

– Кормилица наша молоком нас угостить хочет.

Принесла она чашку глиняную и козочку подоила. Пока доила, все слова говорила ей ласковые. А когда закончила, козочку погладила и отпустила.

Протянула она чашку Егорушке. Тот молока попробовал и говорит:

– Какое молоко у твоей козочки вкусное. У моих дедушки с бабушкой тоже козочка есть, только молоко у нее не такое.

– Знаешь, Егорушка, – говорит Маша. – Многие люди животных держат, да только они обижают их часто: кричат на них да прутом стегают. От этого животные расстраиваются, и молоко у них портится. Нередко молоко ядом становится. Люди это молоко пьют, да детей пить заставляют. А потом удивляются, отчего они болеют. Скажи-ка, Егорушка, – спрашивает Маша, – а что ты с деревянной сабелькой на боку ходишь?

– Это, Машенька, чтобы от волка отбиваться.

Машенька поднялась и два раза свистнула. Видит Егорушка – из леса огромный волк выскочил и к ним бежит. Испугался он да за саблю схватился.

– Успокойся, – говорит ему Машенька, – драться не будешь, и он тебя не тронет.

Егорушка на землю опустился, во все глаза на волка смотрит. Волк к Маше подошел и голову огромную ей на колени положил.

– Против этого волка ты с сабелькой в лес пошел? – Маша спрашивает.

Егорушка только головой кивнул.

Вдруг волк на ноги поднялся и к Егорушке подошел. Ткнул его носом в грудь. Егорушка на спину упал и сабельку из рук выронил. А волк стоит над ним и говорит:

– Ну, что, добрый молодец, сейчас я тебя есть буду вместе с сабелькой твоей.

Потом на Машу посмотрел, прищурился хитро и продолжает:

– Я злой и страшный серый волк, я в поросятах знаю толк. Рр-рр.

Захохотала Маша, обняла волка за шею и стала от Егорушки оттащить.

– Вот ведь старый ты волчина, а все такой же озорник. Вставай, Егорушка. Это старый проказник просто дурачится.

Поднялся Егорушка, смотрит на волка удивленно. А тот хитро оскалился и говорит:

– Ну вот, Маша, такой обед у меня отняла.

Та волка погладила и обратно в лес отправила.

– Знаешь, Егорушка, – говорит Маша, – люди просто забыли, как с природой да зверьями лесными в мире жить можно. А ведь просто все. Если человек в лес с добром приходит, ему и лес тем же отвечает. А если он со злобой придет, то же и назад получит. Моя бабушка говорит: «Что в мир отдаешь, то и назад вернется».

Задумался Егорушка. Стыдно ему почему-то стало. Взял он свою сабельку, переломил пополам да в кусты и забросил.

– Вот и славно, – говорит Маша. – Никого не пугай – сам бояться не будешь. О собственное оружие легче всего самому пораниться.

Встали они и домой направились. Подошли к дому, а там их тетка Матрена дожидается.

– Пора, – говорит, – тебе, Егорушка, домой собираться. Время пришло, да и дорога свободна.

На следующий день рано утром тетка Матрена разбудила Егорушку и говорит:

– Машенька тебе в дорогу пирожков напекла да квас холодный приготовила. Она тебя до тропинки лесной проводит. Старой дорогой тебе не пройти, поэтому придется в обход отправляться. Когда ты из нашего леса выйдешь, поля тебе встретятся. За ними лес начнется. Этот лес не наш. Там и разбойники могут встретиться, поэтому осторожен будь. Как лес пройдешь, к деревне выйдешь. За ней еще одна деревня есть, в ней барское поместье стоит. Когда и ее пройдешь, мостик через реку увидишь. За мостом направо свернешь. Там уж и до твоего дома недалеко.

Вышел Егорушка из дома, Машенька ему мешочек с пирогами подала. Поклонился Егорушка и говорит:

– Спасибо вам большое за доброту и ласку, и за науку спасибо. Пойду я к дому родимому. Заждались меня бабушка с дедушкой. А с вами, даст Бог, еще свидимся.

Сказал он так и уже уйти хотел, а тетка Матрена его спрашивает:

– Не забыл ли чего, Егорушка?

– Да нет, вроде, – отвечает он.

– А клад-то свой нам, что ль, оставишь?

Тут вспомнил Егорушка, что про клад-то он и забыл. Забежал в комнату, достал свой мешок из-под кровати и за спину закинул.

– Ну, вот теперь все, кажется. Неси, Егорушка, домой свое счастье, да помни: человека несчастного деньги счастливым не сделают, а счастливому человеку они ни к чему. А на вопрос: «Как счастливым стать» – ты и сам ответить сможешь, когда домой вернешься.

Маша Егорушку до тропинки лесной проводила. Попрощался он с ней и домой направился.

Идет он по дорожке, рядом Дружок бежит. Вот и поля они прошли, на горизонте лес показался. Наконец до леса они добрались. Вдруг видит Егорушка, а на краю леса мужик сидит. Подошел он к нему и спрашивает:

– Ты что тут сидишь дяденька? Не случилось ли чего?

– Пока ничего не случилось, – мужик отвечает. – Я в соседней деревне был, долги с мужиков выколачивал. Теперь вот домой возвращаюсь, да в лес заходить боюсь. Тут, говорят, разбойники шастают.

– Что ж делать? – говорит Егорушка. – Идти-то все равно надо. Пойдем, вдвоем веселее, может, Бог даст, и не встретим разбойников.

– И то верно, – мужик отвечает.

Поднялся он, и пошли они с Егорушкой по лесу. В лесу мрачно, неуютно. Пения птиц не слышно совсем. Идет мужик, по сторонам озирается да руку к груди прижимает. Видно, за пазухой деньги прячет. Они уже до середины леса дошли, как вдруг откуда-то из кустов свист раздался. Они даже глазом моргнуть не успели, как налетели на них разбойники. Их человек десять, на конях черных. Грозные они да сердитые.

Самый главный разбойник подъехал к ним и говорит:

– Так-так, кто это тут без моего разрешения по лесу ходит? А ну, выворачивайте карманы и деньги мне дайте. Коль добром отдадите – в живых оставлю, а если обмануть попытаетесь – на сосне повешу.

Упал мужик на колени и взмолился:

– Не губите, разбойнички, нет у меня денег. Бедный я человек совсем. Вот у него есть, – и на Егорушку пальцем показывает. – Его грабьте. А у меня нет ничего, Христом Богом клянусь!

Главный разбойник посмотрел на него и говорит:

– Одет ты больно хорошо, так что сдается мне – ты нас обманываешь. А ну-ка, подручные мои, схватите его и обыщите.

Схватили разбойники мужика, повалили на землю, а через минуту и деньги нашли.

Рассердился главный разбойник и говорит:

– За то, что ты обмануть меня хотел да деньги больше собственной жизни оценил, пусть по-твоему и будет. Повесить его!

Кинулись разбойники на мужика и к сосне его потащили. Один из них на сосну забрался, веревку привязал да петлю вниз опустил. Вот-вот мужика повесят.

Жалко Егорушке его стало. Глупый мужик да жадный, а все ж – человек. Тогда крикнул Егорушка разбойникам:

– Подождите, люди добрые, не убивайте его! Я за него выкуп заплачу. У меня целый мешок золотых монет. На всех хватит.

Посмотрел на него главный разбойник да вдруг как захохочет:

– Мало того, что ты нас добрыми людьми назвал, так еще и про деньги сказки рассказываешь. Да на тебе лапти старые, рубаха вся в заплатках. А ты – целый мешок денег.

Тут и все разбойники хохотать начали. Тот, что на сосне сидел, от смеха вниз грохнулся.

Главный разбойник слезы утер и говорит:

– Ну и повеселил ты нас, добрый молодец, давно я так не смеялся. Что ж ты за этого мужика заступаешься? Ведь он тебя погубить хотел.

– Бог ему судья, – отвечает Егорушка. – Отпусти его, пожалуйста.

– Ладно, – говорит главный разбойник. – Ради праздника не буду брать грех на душу. Так и быть, отпущу. Только плетей всыплю, что б не врал больше да Богом не клялся.

Развязали мужика разбойники, плетей всыпали да отпустили. Мужик от них по лесу наутек пустился, только пятки засверкали. Разбойники на коней своих вскочили, а через минуту их и след простыл.

Егорушка с Дружком на тропинке лесной вдвоем остались.

– Вот ведь, что странно, – говорит Егорушка, – мужик, чтобы деньги спасти, на обман пошел. А ведь и деньги потерял, и едва головы не лишился. А я правду сказал и вот живой стою и при деньгах.

– Я же тебе говорил, – Дружок ему отвечает, – что жизнь – штука хитрая, в ней и не такое случается.

Закинул Егорушка мешок за спину, и пошли они дальше.

Долго ли коротко ли, наконец вышли они из леса. Смотрят – а впереди деревенька стоит. Вокруг деревеньки поля раскинулись. На краю одного поля люди стоят, спорят о чем-то. Мужики до того разошлись, что вот-вот в драку кинутся. Вокруг мужиков бабы стоят, да ребятишки бегают.

Подошел к ним Егорушка и спрашивает одного из мальчишек:

– Что у вас случилось, о чем так горячо мужики спорят.

Мальчишка посмотрел на него и отвечает:

– Горе у нас. Видишь, с правой стороны поля пшеницей засеяны. Мы здесь каждый год хлеб выращиваем. В этом году, откуда ни возмись, стая саранчи налетела. Того и гляди, весь урожай погубит. Семян у нас не осталось. Все по миру пойдем, голодать

придется. Вот мужики и спорят, как поступить. Лучше всего купить отравы да саранчу потравить, только денег у нас нет. Вот староста и предлагает деньги в долг взять под будущий урожай. А какой уж тут урожай, когда саранча половину посевов сгубила.

– А кто у вас староста? – спрашивает Егорушка.

– Да вон, мужик в красной рубахе, – отвечает парнишка.

К этому времени мужики затихли, видно, спорить устали. Сели на землю и пригорюнились. Подошел Егорушка к старосте и говорит:

– Знаю я о вашем горе, дяденька. Думаю, что помочь бы вам мог. Я язык зверей понимаю, если хотите, я могу попробовать с саранчой договориться. А если мне не удастся, то, может, и с отравой помогу.

– Ну, что ж, – говорит староста, – делать-то нам все равно нечего. Попробуй, может, и вправду получится.

Встал он, махнул рукой, и все люди за ним по домам отправились.

Остались Егорушка с Дружком на поле одни. Сел Егорушка на землю, по сторонам смотрит. А вокруг саранча летает. Ее тут видимо-невидимо.

– Удивительно, – думает Егорушка, – а ведь вокруг ни одной птицы нет. Столько еды кругом скачет, ешь – не хочу. А ведь ни одна пичуга не чирикнет.

Вдруг сморит он, а прямо перед ним большая саранча опустилась. Егорушка шапку с головы снял, изловчился да и накрыл ее. Бьется саранча, а из под шапки выбраться никак не может.

Егорушка осторожно руку под шапку просунул, взял саранчу да и вытащил на свет божий.

– Что ж ты, – говорит, – делаешь, зачем бедных людей губишь? Разве человек не по образу и подобию Божьему создан? Разве Бог не поручил всем животным и насекомым человеку служить. А что здесь ваше племя устроило?

Посмотрела на него саранча и отвечает:

– Все ты верно говоришь, добрый молодец, да только люди сами во всем виноваты. Если живой меня отпустишь, мой отец все объяснит тебе.

– А кто отец твой? – Егорушка спрашивает.

– Царь саранчинский, – отвечает саранча. – Мы все его приказы выполняем.

– Хорошо, – говорит Егорушка, – отпущу тебя, если отец твой придет поговорить со мной.

Разжал он руку и саранчу выпустил.

Полчаса прошло, и час пролетел. Вдруг смотрит Егорушка – а вокруг него саранчи все больше становится, вот уже и света белого не видно. Через минуту вся стая как по команде на землю опустилась.

Смотрит Егорушка, а перед ним саранча стоит в короне царской.

– За то, что дочь мою живой отпустил, – говорит царь, – спасибо тебе, добрый молодец. Потому и поговорить с тобой пришел. Дочь моя рассказала мне о словах твоих. Все ты верно говорил, да только одно забыл.

В этом мире все существует в великой гармонии. Все живые существа между собой взаимосвязаны, и если кто-то гармонию нарушает, то весь мир погубить может.

Ты считаешь, что на земле только люди, животные и растения живыми являются. А то, что и сама Земля-матушка – живой организм, ты забыл. Ты не знал, наверное, что она и радость, и страдание может чувствовать. Люди, жившие тысячи лет назад, знали это и с любовью и уважением к ней относились.

Современные люди умными себя считают, а нас вредителями называют. Только того они не подозревают, что именно они – самые страшные вредители для нашего общего дома.

Люди этой деревни десятый год на одном и том же месте семена сажают. Десятый год они своими плугами терзают рану Земли незаживающую. Земля терпела, сколько могла, каждый год им показывая, что нельзя так делать. Только люди не хотят никого

слушать, кроме себя. В раны Земли они гадость всякую сыплут, чтобы урожай больше был. Только о себе думают. Тогда Мать-Земля к последнему средству обращается – к нам.

Не только мы земле помогаем. Все насекомые, звери и птицы в этом участвуют. Ты заметил, наверное, что сегодня над полем ни одной птицы нет. Никто нас не тронет потому, что все понимают, что святое дело мы делаем.

Именно мы настоящие защитники Земли от супостатов проклятых. Каждый из нас готов здесь жизнь свою положить за Родину нашу. И никто остановить нас не в силах.

Люди сегодня о том спорили, какой отравой нас извести. Да только они этой отравой самих себя и потравят. А мы приходим снова и снова будем, пока люди не образумятся или с земли не сгинут!

Сказал так царь саранчинский и уйти хотел.

– Подожди, – говорит ему Егорушка.

Поднялся он с земли, поклонился царю и говорит:

– Прости меня за невежество мое. Не знал я всего этого.

– Спасибо тебе за урок бесценный и за подвиг твой. Я все людям расскажу, убедить их попробую, что негоже так к матери родной относиться. А коль сам я когда-нибудь забуду урок твой, приходи и ко мне.

Усмехнулся царь и отвечает:

– Не сомневайся, приду со всем моим воинством.

Повернулся Егорушка и в деревню направился. Подошел он к дому старосты, а там его уже народ дожидается. Встал Егорушка перед людьми да и рассказал обо всем, что ему царь саранчинский поведал.

Опустили люди головы да задумались. А Егорушка им и говорит:

– Я помочь вам обещал и слово свое сдержу.

Развязал он мешок, достал оттуда шкатулку и половину денег на землю высыпал.

– Возьмите, люди, эти деньги, – говорит, – купите хлеба себе до следующего года. А еще купите семян на будущий урожай, да только не сажайте на том же месте, а то и деньги мои не помогут.

Поклонился людям Егорушка и пошел своей дорогой.

Идет Егорушка по дороге, а Дружок рядом бежит. Вот уже и вечер наступил. Смотрят они, стог сена в поле стоит. Забрались они в него, переночевали, а утром дальше пошли.

Долго ли коротко ли, наконец видят – вдали деревня показалась, а на горке – барское поместье стоит.

Идет Егорушка по деревне, дома разглядывает. Дома аккуратно сделаны. На окнах наличники резные. Люди в деревне приветливые. Каждый, кто встретится, улыбнется да поздоровается. На лугу скошенном мальчишки деревенские мяч тряпичный гоняют.

Егорушка утомился. «Дай, – думает, – сяду передохну, да и перекусить не мешает». Смотрит он, а на горке, возле барского дома, скамейка стоит. Вокруг нее березки посажены. Поднялся Егорушка на горку, сел на скамейку и стал мешок развязывать.

С того места, где он сидел, вся деревня как на ладони видна: и луга, и озеро небольшое, и дома деревенские. Егорушка пироги из мешка вытащил. Ест и на ребят деревенских смотрит. А те мяч свой гоняют да радуются.

Повернулся Егорушка на поместье барское посмотреть. Видит, а по двору няньки да мамки бегают, барчонок покушать уговаривают. В руках у них пирожные сладкие да пряники медовые. Барчонок от них убегает, плачет да ругается.

«Надо же, – думает Егорушка. – Ведь богато люди живут, а барчонок плачет. А внизу мальчишки деревенские мячик гоняют – и счастливы». Отвернулся он от барского дома и снова стал на мальчишек смотреть.

Засмотрелся на них Егорушка и не заметил, как к нему подошел кто-то. Обернулся он и видит, а это барчонок от мамок да от нянек спрятался.

– Здравствуй, мальчик, – поздоровался Егорушка.

– И тебе не болеть, – барчонок ему отвечает. – Не выдавай меня.

– Хорошо, – говорит Егорушка, – не выдам.

Мамки да няньки по двору побегали, уморились да и в дом ушли.

– Ну, наконец-то, – вздохнул барчонок облегченно. – Замучили они меня совсем. Целый день пристают: то поешь, это поешь. Туда не ходи, сюда не смотри. Мука смертная.

– Вот уж никогда не думал, что богатый человек может так мучиться, – говорит Егорушка.

– Тебе и не передать, как мне плохо бывает, – говорит барчонок.

Он от Егорушки отвернулся и стал на мальчишек деревенских смотреть.

– Вот, – говорит он через некоторое время, – счастье настоящее. Бегают целый день, хохочут. Никто их есть не заставляет, никто с заботой своей не лезет. Эх, мне бы так.

– А, что ж ты не пойдешь к ним, не поиграешь? – Егорушка у барчонка спрашивает.

– Так ведь не возьмут они меня к себе, – отвечает барчонок. – Я ведь барин для них. А если бы и взяли, то недолго бы мне мамки да няньки поиграть с ними дали. Такой бы визг подняли, что в другой раз отец бы меня и на улицу не выпустил.

Подумал Егорушка, подумал да и говорит:

– Помочь горю твоему – дело нехитрое. Можешь хоть целый день с мальчишками играть, и няньки ничего не заметят.

– Это как же такое сделать можно?

– Ты сейчас домой сходи да отцу скажи, что поля родовые осмотреть хочешь, а потом вздремнуть часок. Да попроси его, чтоб мамки да няньки тебе не мешали. Когда во двор выйдешь, ты у няnek заведи все, что они дадут. Потом по тропинке спустишься и кружным путем сюда приходи. Если меня не застанешь – подожди немного, я скоро приду.

Так они и сделали.

Пока барчонок домой ходил, Егорушка золотую монету из мешка вынул да в карман положил. Мешок в кусты забросил, а сам вниз спустился и в деревенскую лавку зашел. Там он купил рубаху крестьянскую да штаны. А еще взял шапку неприметную и назад вернулся.

Смотрит, а барчонок ждет его уже. Егорушка вещи выложил.

– Переодевайся, – говорит.

Барчонок одежду скинул и надел то, что Егорушка принес.

– Пойдем со мной, – говорит Егорушка.

Спустились они на луг. Подходят к мальчишкам. Егорушка спрашивает:

– Не возьмете ли нас, ребята, к себе поиграть.

А ребята им отвечают:

– Вот здорово, а нам как раз двоих человек не хватает. А вы откуда такие?

– Да мы крестьяне из соседней деревни, к родне в гости зашли, – отвечает Егорушка.

Полдня они в мяч играли. Барчонок счастливый бегае, про все на свете забыл.

Солнышко высоко поднялось, припекать стало. Кто-то из ребят говорит:

– Бежим на речку купаться.

Мальчишки на речку прибежали, одежду сбросили и в воду кинулись.купаются, хохочут.

Рядом с берегом сосна стояла, на ее ветке веревка была привязана. Мальчишки за веревку хватаются, по берегу разбегаются и над речкой летят. На середине руки разжимают и в воду падают. Каждый старается подальше улететь. Барчонок от всех не отстать старается.

Мальчишки из воды вылезли, кто-то и говорит:

– Эх, хорошо бы сейчас картошечки печеной поесть, да только где ее взять?

Задумался Егорушка, а потом и говорит:

– С картошкой мы что-нибудь придумаем.

Оделся он да в деревню побежал. В первый дом зашел и спрашивает:

– Люди добрые, не продадите ли страннику картошки немного да краюху хлеба, а уж если соль найдется, так и совсем осчастливите.

– Отчего ж не продать, – хозяин Егорушке отвечает.

Набрал Егорушка картошки, хлеба ржаного взял, да и солью разжился. Расплатился с мужиком и к ребятам побежал.

Сидят ребята на берегу Егорушку ждут. А он добро свое перед ними высыпал и говорит:

– Ну, теперь только костра не хватает.

Мальчишки костер развели, напекли картошки да поровну и разделили.

Барчонок вместе со всеми ест. Лицо довольное.

– Вот ведь никогда не думал, – говорит, – что картошка такая вкусная бывает.

Наелись они, Егорушка и говорит:

– Спасибо вам, ребята, только пора нам.

– Вы и в другой раз приходите, – мальчишки их приглашают.

– Обязательно придем, – говорит барчонок.

Поднялись они с Егорушкой наверх. Барчонок в свои вещи переоделся, наряд свой деревенский в кустах спрятал и говорит Егорушке:

– Ну, спасибо тебе, братец, век не забуду. Столько времени один был, а теперь друзей полдеревни.

– И тебе, барин, спасибо за урок чудесный, пора мне.

Пожали они друг другу руки, и Егорушка в путь пустился.

Вышел он за деревню, прошел по дорожке, свернул направо, смотрит – мостик через речку. Он по мостику прошел и на родную дорогу вышел.

Долго ли коротко ли, вскоре крыша родного дома вдалеке показалась.

Торопится Егорушка. Стариков своих больше двух месяцев не видел. Подходит он к дому и видит – сидят дедушка с бабушкой на завалинке грустные-прегрустные. Подошел он к ним и говорит:

– Здравствуй, дедушка, здравствуй, бабушка.

Старики его увидели. Обрадовались. Бабушка заголосила и к Егорушке кинулась.

Егорушка стариков обнимает да успокаивает.

Наконец старики в себя пришли и говорят:

– А мы уж думали, погиб ты. Уже два месяца, как тебя оплакали.

– А я вот – жив, – говорит Егорушка. – Теперь у нас все хорошо будет.

Дед на радостях баньку истопил, бабка ужин сготовила. Егорушка в баньке помылся да и в дом зашел. Сидит за столом, пироги уплетает.

– Как вы тут без меня жили? – Егорушка спрашивает.

– Все бы ничего, – дед отвечает, – да вот только неурожай у нас в этом году. На картошку жук колорадский напал. Никак нам его не одолеть. Уж мы его и собирали, и жгли, а его только больше становится. Никогда такого раньше не было, мы уже лет семь на этом месте картошку сажаем.

– А всю свеклу в этом году крысы поели, – жалуется бабка. – Пришла я на огород, свеклу вытащить, за хвостик дернула, а там только объедки висят. Пол-огорода эти вредители проклятые уничтожили – житья от них нет. Надо деда в город за отравой посылать, да с деньгами проблема.

Хотел Егорушка сказать, что есть деньги у него, да вовремя спохватился. Разговор с царем саранчинским вспомнил.

– Есть еще новость, – говорит бабушка. – У барыни нашей день рождения через неделю. Так вот барин решил праздник для нее устроить, гостей пригласить и пировать три дня. Да вот только денег ему не хватает, потому решил он мужиков нанять да лес спилить, в который ты ходил. Ведь весь лес этот ему принадлежит.

Услыхал Егорушка эту новость и задумался. Если барин лес спилит, то не смогут больше там жить тетка Матрена и внучка ее Машенька. Не будет больше того чудесного места, которое ему так понравилось. И волк-проказник в другие места уйдет. Не будет больше грибов и ягод. А самое главное – того ощущения чудесного, которое Родиной называется.

Поднялся из-за стола Егорушка и говорит:

– Пойду пройдуся, бабушка. Скоро вернусь.

Вышел он на улицу, взял свой мешок, который до этого под лестницу бросил, вынул из него шкатулку, деньги пересчитал и пошел в барское поместье.

Зашел он в сад к барину и видит – сидит старый барин на кресле, трубку курит. Подошел к нему Егорушка и говорит:

– Здравствуй, барин.

– И тебе здравствовать, – барин ему отвечает. – Зачем пожаловал?

Слышал я, барин, у жены твоей день рождения, – Егорушка отвечает. – Твоя барыня добрая да ласковая, хочу подарок ей сделать.

Удивился барин и говорит:

– То, что ты подарок хочешь сделать, – это похвально, только что подарить ты ей можешь, чтоб ее порадовать. Ты ведь сам ничего не имеешь.

– Будь спокоен, барин, мой подарок жене твоей очень понравится.

Любопытно стало барину. Да и скучно одному сидеть, почему бы не поболтать с парнишкой.

А Егорушка тем временем спрашивает:

– Скажи, барин, я вот вижу, мужиков ты собрал с топорами да пилами, не в лес ли?

– Так и есть, – барин ему отвечает. – Задумал я для жены праздник устроить, да вот только денег у меня не хватает. Решил лес спилить да продать.

– А сколько ты денег за него хочешь выручить? – спрашивает Егорушка.

– Сто двадцать золотых монет. Двадцать монет, конечно, придется мужикам отдать за работу. Так что монет сто точно останется. Жаль только, что этих денег на фейерверк не хватит, ну да ничего, я что-нибудь придумаю.

– Скажи, барин, а не продашь ли ты мне лес, если я сразу тебе сто двадцать золотых монет заплачу? И пилить его не надо, и покупателя искать. А еще сто золотых монет я тебе дам за землю, на которой он стоит. А еще сто за то, что ты согласишься мне его продать.

Барин до того удивился, что даже с кресла вскочил.

– Да ты, что шутики шутить со мной вздумал?! – вскрикнул он. – Сейчас кликну своих слуг, всыплют они тебе по первое число.

– Не надо никого звать, барин, – Егорушка ему отвечает. – Деньги у меня есть, я наследство получил, потому и хочу у тебя лес купить.

Уселся барин на место, пыхнул трубкой, усмехнулся и говорит:

– Может, и деньги при тебе?

– При мне, – говорит Егорушка.

И вытащил из мешка шкатулку. Барин деньги увидел, чуть трубку не проглотил.

Тут к ним барыня подошла.

– Что тут у вас происходит? – спрашивает.

Рассказал ей барин и говорит:

– Вот, думаю, лес этому мальцу продать.

– А не продешевишь? – усомнилась барыня.

Тут Егорушка из кармана колечко вытащил и говорит хитро:

– Узнал я, барыня, что день рождения у тебя через неделю. Поздравить тебя шел да насчет леса договориться. А если наша сделка не состоится, то уж не знаю, что и делать.

Барыня колечко увидела и обомлела. Камень всеми цветами радуги переливается. Сразу видно, очень дорого стоит.

Толкнула она мужа в бок и говорит:

– Продай ему лес, он хорошую цену дает.

Усмехнулся барин и говорит:

– Решено. Зовите писаря, будем договор составлять.

Через пять минут писарь прибежал. Он быстро договор составил. Барин бумагу подписал, печать поставил и Егорушке подает.

Егорушка ларец из мешка вытащил, отсчитал триста двадцать золотых монет (все, что в ларце было) и барину подает.

– Возьми, – говорит, – деньги, барин. Здесь тебе на все хватит: и на музыкантов, и на угощения, и на фейерверк останется.

Потом он к барыне повернулся и говорит с поклоном:

– С днем рождения тебя, барыня. Прими от меня подарок скромный.

И подает ей колечко с брильянтом.

Барыня колечко схватила, на палец надела. Смотрит на него, налюбоваться не может.

– Знаешь, муженек, – говорит, – что странно? Колечко-то и небольшое, и немаленькое, мне в самый раз. Как будто для меня было сделано.

– Вот и чудесно, – говорит барин.

Попрощался Егорушка, бумагу в карман положил и домой пошел. Возле дома мешок под лестницу бросил и в дом поднялся. Зашел он на кухню, а там бабушка с дедушкой сидят, чай пьют. Егорушка чаю себе налил и за стол сел.

Вытащил он из кармана бумагу, которую с барином подписал и хотел дедушке отдать. «Вот дедушка порадует», – думает. Открыл он, было, рот, да призадумался. А потом спрашивает:

– Скажи, дедулечка, а что бы ты делать стал, если бы лес, который барин спилить хотел, твоим оказался?

Задумался дедушка, сидит затылок чешет. Тут за него бабушка ответила:

– Что ж тут думать. Если бы нам лес достался, мы бы мужиков наняли, да спилили его весь до последнего деревца. Отвезли бы в город да там продали. Сто золотых монет наверняка бы заработали. Ох, мы бы тогда развернулись. Я бы себе тазов новых купила, белье стирать, а еще кастрюль всяких. Шубу соболиную и кольцо с брильянтом. По деревне бы как барыня ходила, пускай другие завидуют. Не все же нам в нищете жить.

– Да что там тазы, – подхватил дедушка. – Мы бы дом новый отстроили. Я бы ружье себе купил, чтобы охотиться, а еще лодку и сеть, чтобы рыбу ловить. Бочку бы железную поставил, огород поливать.

– Еще отравы надо купить, чтобы с вредителями бороться, – продолжает бабушка. – Хотя, дед, зачем нам самим тогда было бы стараться. Мы бы наняли мужиков деревенских, пускай они в поле работают да за огородом присматривают. Мы бы всю землю в округе скупили и в аренду бы ее сдавали, пускай на ней односельчане работают, а нам проценты платят.

– Да, мечтательно, – говорит дедушка, – дом бы у нас был не хуже барского. У меня бы тогда ни одной свободной минутки не было: то охота, то рыбалка, да и за мужиками присмотреть надо было бы, чтобы не украли чего.

– Мы бы тебя, Егорушка, во все лучшее одели. Мамок да нянек завели. Они бы тебя каждый день пирожными да конфетами кормили, вот оно – счастье.

– Понятно, – говорит Егорушка.

Усмехнулся он, покачал головой да купчую на лес обратно в карман спрятал.

На следующее утро проснулся Егорушка и думает:

– Надо бы карту на место положить да ларец на чердак отнести, он хоть и пустой, но уж больно красивый. Вышел он во двор, заглянул под лестницу. Мешок на месте. Взял он его да вытащить хотел. Что-то уж больно тяжелым мешок ему показался. Егорушка присел, мешок развязал, ларчик открыл, смотрит – а он доверху золотыми монетами

забит. А сверху серьги лежат чудесной работы, с камнями бриллиантовыми. Егорушка до того удивился, что даже рот открыл.

– Вот так чудеса, – думает он. – С чего бы это вдруг ларец опять полный?

Сел он на скамейку и задумался. «Может, – думает, – это мне в награду за дела мои добрые. А может, дедушке с бабушкой, чтобы счастливыми они стали».

Думал он, думал, вдруг улыбнулся и говорит:

– Кажется, я знаю, почему ларец опять полный. А самое главное – знаю, что мне с ним делать.

Закрыв ларец, завязал мешок. Подошел к дедушке, который в огороде возился и говорит:

– Дай мне, дудулечка, коня, в одно место съездить надо, к обеду вернусь.

– Ты что же, Егорушка, на коне умеешь ездить? – дедушка спрашивает.

– Я теперь не только это умею, – отвечает Егорушка.

Вывел он коня на улицу да запряг, как Маша учила. Мешок к седлу привязал. А потом ловко в седло запрыгнул.

Отвез Егорушка ларец на то место, где нашел его. Закопал да травой аккуратно присыпал. К обеду он домой вернулся. Карту назад, в сундук, положил и в дом спустился.

Старики уже обедать сели. Егорушка поел и собрался, было, на улицу пойти. Тут бабушка и говорит:

– Все, Егорушка, спросить у тебя хотела. Тебя ведь два месяца не было. Нашел ли ты клад, за которым в дальние края ходил?

Усмехнулся Егорушка и отвечает:

– Нет, бабушка, не нашел. Прав был дедушка – сказки все это. Нет там никакого клада. Может быть, его до меня кто-нибудь выкопал, а может, его там и не было вовсе.

Потом он на дедушку посмотрел и говорит:

– Пойдем-ка, дудулечка, я тебе лучше помогу лестницу на чердак починить.

Закончила Даша сказку. Смотрит на нее Митя и говорит:

– Хорошую сказку ты рассказала, Дашенька, я тоже хочу стать таким, как Егорушка.

– Если хочешь, то обязательно станешь, – ответила Даша. – А теперь закрывай глазки и спи.

Митя повернулся на бочок и через минуту заснул. Вскоре и баба Зина пришла.

– Ну, как тут мой проказник? – спросила она.

– Хорошо, баба Зина, – ответила Даша. – Спит уже. Он у вас просто сокровище – настоящий **клад**.

Содержание

Предисловие	4
Волшебница	5
Гусь в яблоках	18
Ябеда	29
Елка	42
Подарок	59
Памятник	71
Ксюша	91
Танец для мамы	109
Старая сказка на новый лад	137
Настоящий разведчик	162
Клад (Сказка для самых маленьких)	273

Бородай А.В.

М 42 Дашенька. Рассказы и сказки Новой цивилизации для детей и взрослых

Технический директор

.....

Художник

.....

Дизайн обложки

авторский

Редактор

Корректор

Смирнова Ю.А.

Подписано в печать

Формат.... Бумага

Гарнитура

Издательство

И т.д.